ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

2026 | 16+
ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 8 № 3

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 8 No. 3

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 8, № 3 | 2026

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомить со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Этнография, этнология и антропология:
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
- 5.6.1. Отечественная история

Языки и литературы народов мира:
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.4. Фольклористика
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Этнокультурные проблемы образования:
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Малышева Екатерина Андреевна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Реестровая запись ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10906
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com. Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60×84 ⅛. Усл. печ. л. 7.21. Заказ К-1487. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	24.09.2026
Дата выхода в свет	29.09.2026

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 8 No. 3 | 2026

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:
- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:
- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Critiques

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philolosophic sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Ekaterina A. Malysheva

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (Registry entry: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10906
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal adress	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Offset paper. Format 60×84 ⅛. Conditional printed pages 7.21. Order К-1487. Circulation 100 copies.
Signed in the print	24 September 2026
Date of publication	29 September 2026

Designed for children over 16 years old

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетшина Лейла Хасановна, д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Китинов Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ФГБУН «Института востоковедения Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Ташкент, Республика Узбекистан

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет» г. Душанбе, Республика Таджикистан

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетшина Лейла Хасановна, д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджузов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузикулович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Тауланова, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбуздукаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of Art and Music Education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev, Saransk, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altaic languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Bailak C. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of Philology and Media Communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of Art History, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of Art and Music Education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altaic Languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic Philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of Documentation and Archival Science, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of Preschool and Special Education, N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of Methodology and Management of Educational Systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Humanities and Socio-Economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the History of the Peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of General Linguistics and Turkology, Institute of Philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of Philosophy, History and Theory of World Culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7

Этнография, этнология и антропология

Научные статьи

Соотношение этнической идентичности и брачной структуры в материалах Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. 8
Г. Н. Ершова, Ю. Н. Ершова

Поддержание представлений о маркерах этничности среди удмуртов и татар в Удмуртии (на примере отдельных школ г. Ижевска за 2024–2025 учебный год) 16
Р. Н. Касимов, И. К. Кудрявцева

Языки и литературы народов мира

Обзорная статья

Кинохроника Die Deutsche Wochenschau как этнокультурный источник 26
Ю. В. Березина

Научные статьи

Дискурсивная эволюция и прагматическая амбивалентность идиомы «ride or die» в американской лингвокультуре 32
Н. О. Самаркина, А. Р. Нурутдинова

Фразеологическая репрезентация категории времени в русском, чувашском и английском языках в семантико-лингвокультурологическом аспекте 47
Н. Р. Скворцова

Этнокультурные проблемы образования

Научная статья

Этническая идентичность тувинских младших школьников: опыт исследования 54
А. А. Сержин-оол

Обзоры и рецензии

Рецензия

Рецензия на: Чувашская книга до 1917 года : ретроспективный библиографический указатель / Национальная библиотека Чувашской Республики ; составители О. А. Ильина, Р. П. Петрова. 3-е издание, исправленное и дополненное. Чебоксары, 2025. 220 с. 59
Э. В. Фомин

CONTENTS

From the editor-in-chief 7

Ethnography, Ethnology and Anthropology

Research Articles

The Interrelation of Ethnic Identity and Marital Structure in the Materials of the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020 8
Guzel N. Ershova, Yulia N. Ershova

Maintaining Ideas about Ethnic Markers Among the Udmurts and Tatars of Udmurtia (Based on Selected Schools in Izhevsk for the 2024–2025 Academic Year) 16
Rustam N. Kasimov, Irina K. Kudryavtseva

World languages and literature

Review Article

The Newsreel "Die Deutsche Wochenschau" as an Ethnocultural Source 26
Yulia V. Berezina

Research Articles

Discursive Evolution and Pragmatic Ambivalence of the Idiom 'Ride or Die' in American Linguoculture 32
Nadezhda O. Samarkina, Aida R. Nurutdinova

Phraseological Representation of the Category of Time in Russian, Chuvash and English: A Semantic and Linguocultural Perspective 47
Natalia R. Skvortsova

Ethno-Cultural Problems of Education

Research Article

Ethnic Identity of Primary School Students from Tuvan Families: Research Experience 54
Aldynai A. Sergin-ool

Reviews and Critiques

Critical Review

Review of: The Chuvash Book before 1917: A Retrospective Bibliographic Index / National Library of the Chuvash Republic ; compiled by O. A. Ilyina and R. P. Petrova. 3rd edition, revised and expanded. Cheboksary, 2025. 220 p. 59
Eduard V. Fomin

Дорогие авторы и читатели!

В очередном выпуске нашего журнала опубликованы статьи, посвященные различным вопросам истории, языка, культуры и образования.

В разделе «Этнография, этнология и антропология» размещена статья Г. Н. Ершовой, Ю. Н. Ершовой «Соотношение этнической идентичности и брачной структуры в материалах Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.». Авторы обращаются к проблеме матримониального поведения населения России, анализируют брачную структуру сквозь призму половозрастных и этнических характеристик. В статье авторов И. К. Кудрявцевой, Р. Н. Касимова «Поддержание представлений о маркерах этничности среди удмуртов и татар в Удмуртии (на примере отдельных школ г. Ижевска за 2024–2025 учебный год)» делается попытка проследить, как глобальные процессы (ассимиляция, цифровизация, унификация) преломляются в локальных школьных практиках воспитания национальной культуры в детях.

В разделе «Языки и литературы народов мира» размещена статья Ю. В. Березиной «Кинохроника Die Deutsche Wochenschau как этнокультурный источник». До настоящего времени подобные источники оставались недоступными для русскоязычного исследовательского сообщества в языковом адаптированном виде. Статья Н. О. Самаркиной, А. Р. Нурутдиновой «Дискурсивная эволюция и прагматическая амбивалентность идиомы «ride or die» в американской лингвокультуре» посвящена актуальной проблеме трансформации культурно-языкового образа безусловной преданности в американской языковой среде. Статья Н. Ф. Скворцовой «Фразеологическая репрезентация категории времени в русском, чувашском и английском языках в семантико-лингвокультурологическом аспекте» обращается к чувашскому языку в одном векторе сравнения с русским и английским, что позволяет вывить не только универсальные когнитивные механизмы осмысления времени, но и определить этноспецифические модели хронотопа.

В разделе «Этнокультурные проблемы образования» размещена статья А. А. Сержин-оол «Этническая идентичность тувинских младших школьников: опыт исследования», раскрывающая особенности формирования этнической идентичности у младших школьников, обучающихся в городских школах.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала, которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах.

Дорогие читатели, авторы и рецензенты! Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают вам крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений!

Баскакова Н. И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

The current issue of our journal features articles devoted to various aspects of history, language, culture, and education.

In the section "Ethnography, Ethnology, and Anthropology," the journal presents an article by G. N. Ershova and Yu. N. Ershova titled "The Interrelation of Ethnic Identity and Marital Structure in the Materials of the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020." The authors address the problem of matrimonial behavior of the Russian population and analyze marital structure through the prism of age sex and ethnic characteristics. In the article by I. K. Kudryavtseva and R. N. Kasimov, "Maintaining Ideas about Ethnic Markers Among the Udmurts and Tatars of Udmurtia (Based on Selected Schools in Izhevsk for the 2024–2025 Academic Year)," an attempt is made to trace how global processes (assimilation, digitalization, unification) are refracted in local school practices of nurturing national culture in children.

In the section "World languages and literature," the journal features an article by Yu. V. Berezina titled "The Newsreel “Die Deutsche Wochenschau” as an Ethnocultural Source." Until now, such sources have remained inaccessible to the Russian speaking research community in a linguistically adapted form. The article by N. O. Samarkina and A. R. Nurutdinova, "Discursive Evolution and Pragmatic Ambivalence of the Idiom ‘Ride or Die’ in American Linguoculture," is devoted to the pressing problem of the transformation of the cultural and linguistic image of unconditional loyalty in the American language environment. The article by N. F. Skvortsova, "Phraseological Representation of the Category of Time in Russian, Chuvash and English: A Semantic and Linguocultural Perspective," turns to the Chuvash language within a single vector of comparison with Russian and English, which makes it possible to identify not only universal cognitive mechanisms of time conceptualization but also ethnically specific models of the chronotope.

In the section "Ethno-Cultural Problems of Education," the journal features an article by A. A. Serzhin ool titled "Identity of Primary School Students from Tuvan Families: Research Experience," which reveals the specific features of ethnic identity formation in primary schoolchildren attending urban schools.

The editorial office and editorial board extend their sincere gratitude to all external experts of the journal who have shared their professional assessments of the materials published.

Dear readers, authors, and reviewers! The editorial council, the academic staff, and the administration of the Chuvash State Institute of Culture and Arts wish you robust health, new scholarly discoveries, and creative achievements!

Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-169034
УДК 314.5+316.356.2:316.7+
351.755.361”2010”.”2020”:314.146

Соотношение этнической идентичности и брачной структуры в материалах Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.

Ершова Г. Н.[1, a], **Ершова Ю. Н.**[2, b]
[1]Казанский национальный исследовательский технологический университет
г. Казань, Российская Федерация.
[2]Центр семьи и демографии ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»
г. Казань, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0001-6399-0521, e-mail: ershova104@mail.ru
[b] https://orcid.org/0009-0000-9447-8010, e-mail: ershova1985@mail.ru

Резюме. В условиях многонационального состава населения Российской Федерации исследование факторов, детерминирующих матримониальное поведение, приобретает значимый теоретический и прикладной характер. Трансформация института семьи актуализирует вопрос о роли этнической идентичности в динамике брачной структуры. Цель работы — на основе данных Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. выявить тенденции изменения брачной структуры различных национальных групп. Эмпирической базой исследования послужили итоги Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. В исследовании используется сравнительный анализ брачной структуры в возрастно-половом и национальном разрезах. Особое внимание авторами уделяется методическим вопросам учета и проблеме роста числа респондентов, не указавших брачное состояние. В ходе исследования выявлены особенности брачной структуры представителей кавказских народов, у которых сохраняется традиционная модель с высокой официальной брачностью и низкой долей разводов. В старших возрастных когортах межэтнические различия нивелируются, что указывает на конвергенцию брачных моделей. Этническая идентичность выступает контекстуально-зависимым фактором брачной структуры населения России, на который воздействует уровень урбанизации, мобильности и ценностных сдвигов. Рост доли респондентов с неопределенным брачным статусом создает методологические ограничения, требующие корректировки инструментария сбора данных. Перспективные направления исследований связаны с учетом региональной специфики, образовательного и миграционного факторов для верификации полученных выводов.

Ключевые слова: этническая идентичность, брачное поведение, Всероссийская перепись населения, брачное состояние, демографические процессы, национальный состав населения.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00556, https://rscf.ru/project/25-28-00556

Для цитирования: Ершова Г. Н. Соотношение этнической идентичности и брачной структуры в материалах Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. / Г. Н. Ершова, Ю. Н. Ершова // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 3. С. 8-15. DOI 10.31483/r-169034. EDN PGBEVP

Research Article

The Interrelation of Ethnic Identity and Marital Structure in the Materials of the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020

Guzel N. Ershova[1, a], **Yulia N. Ershova**[2, b]
[1]Kazan National Research Technological University
Kazan, Russian Federation.
[2]Center for Family and Demography, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Kazan, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0001-6399-0521, e-mail: ershova104@mail.ru
[b] https://orcid.org/0009-0000-9447-8010, e-mail: ershova1985@mail.ru

Abstract. In the context of the multiethnic composition of the population of the Russian Federation, the study of factors determining matrimonial behavior acquires significant theoretical and applied relevance. The transformation of the family institution brings the question of the role of ethnic identity in the dynamics of marital structure to the fore. The aim of the study is to identify trends in changes in the marital structure of various national groups based on data from the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020. The empirical base of the study comprises the results of the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020. The study employs a comparative analysis of marital structure in age-sex and national terms. Special attention is paid by the authors to methodological issues of accounting and to the problem of the growing number of respondents who did not indicate their marital status. The study identifies specific features of the marital structure among representatives of Caucasian peoples, who retain a traditional model with a high official marriage rate and a low divorce rate. In older age cohorts, interethnic differences are leveled out, which indicates a convergence of marriage patterns. Ethnic identity acts as a context-dependent factor of the marital structure of the Russian population, influenced by the level of urbanization, mobility, and value shifts. The growing proportion of respondents with an indeterminate marital status creates methodological limitations that require adjustments to data collection instruments. Promising areas of research are related to taking into account regional specifics, as well as educational and migration factors, in order to verify the findings obtained.

Keywords: ethnic identity, All-Russian population census, marital behavior, marital status, demographic processes, national composition of the population.

Acknowledgments: The research was funded by the Russian Science Foundation, Grant No. 25-28-00556, https://rscf.ru/project/25-28-00556

For citation: Ershova G. N., & Ershova Y. N. (2026). The Interrelation of Ethnic Identity and Marital Structure in the Materials of the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020. *Ethnic Culture, 8*(3), 8-15. EDN: PGBEVP. https://doi.org/10.31483/r-169034

CC BY

Введение

Вопрос о значимости этнической идентичности[1] при формировании матримониального поведения представляет собой одну из проблем современной демографической и этносоциологической науки. В условиях многонационального состава населения Российской Федерации, где, согласно данным Всероссийской переписи населения, проживают представители более 190 национальностей, изучение факторов, влияющих на брачное поведение, приобретает как теоретическое, так и практическое значение. В ходе эволюции семейных отношений в России, обусловленной сдвигами в социальных и экономических функциях мужчин и женщин, получают распространение альтернативные модели семьи: домохозяйства из одного человека, неполные семьи, а также семьи «пропущенного поколения» (бабушки и дедушки с внуками). Отход от классической модели семейного устройства оценивается как негативный тренд, способный порождать социальную напряженность и дисбаланс в обществе.

Теоретико-методологическая база настоящего исследования опирается на комплекс подходов к изучению институционального контекста этничности.

Конструктивистская парадигма трактует этничность как изменчивый социальный конструкт[2]. Ключевым здесь является тезис о том, что этнические группы конституируются через идентификацию: приписывание этничности извне или выбор самого субъекта[3]. Инструменталистский подход фокусируется на этничности как на ресурсе достижения социального контроля и реализации идеологических интересов[4]. Примордиалистская интерпретация этничности трактует этнические общности как иерархически организованные системы, однако данный подход не позволяет в полной мере проследить динамику этнических идентичностей в условиях социальных изменений[5]. В свою очередь этносимволистское направление[6] актуализирует вопросы исторической преемственности этнического сознания и устойчивости механизмов конструирования символических границ между группами. В данной статье применяется терминология идентификации[7], функционирующей в кодифицированном фрейме.

Современные социально-психологические исследования идентичностей направлены на выявление каузальных механизмов, связывающих групповую идентичность как с конфликтом, так и с сотрудничеством [Klein, Bastian, Odjidja, Ayaluri, Kavanagh, Mala, Whitehouse, 2025], исследования феноменов двойной идентичности (общей идентичности при сохранении уникальной), слияния идентичностей на примере конфликтных и постконфликтных регионов [Zhao, Wen, Ye, Wang, Zuo, 2026]. Антрополог С. В. Соколовский отмечает, что наложение различных регистров идентичности остается наименее изученным аспектом в исследованиях идентичности[8]. Данные исследования предоставляют эмпирические доказательства того, что идентичность функционирует по-разному в зависимости от контекста, и предлагают измеримые конструкты. Субъектно-ориентированный подход характеризуется методологическим поворотом к признанию участников исследования как полноправных субъектов. Исследовательская оптика дополняется методом коллажей идентичностей, позволяющим отслеживать опыт, который не поддается линейному нарративу и «услышать голос» маргинализированных групп (беженцев, мигрантов и так называемых представителей «смешанных» групп) [Iannone, Murdock, 2025]. Третье направление охватывает работы, использующие макроисторические, культурфилософские и политологические подходы. Исследователи рассматривают идентичность и межгрупповые отношения на уровне цивилизаций, государств и их идеологических систем. Методологически эта группа опирается на концептуальный анализ цивилизационной идентичности, сравнительный исторический анализ, теорию множественных современностей и критический дискурс-анализ[9] [Баранов, 2024; Yue, 2026]. Данное направление работает на макроуровне, при этом требуется операционализация ключевых понятий, чтобы быть интегрированным с эмпирическими исследованиями[10].

Вопросы, связанные с матримониальным поведением населения в различных странах, неизменно находятся в фокусе пристального внимания со стороны экспертного сообщества.

[1] В данной статье понятия этнической и национальной идентичности, вслед за массовым сознанием и академической традицией, используются как равнозначные, при этом авторы всех граждан России относят к российской нации и являются сторонниками концепта российского государства-цивилизации.

[2] Anderson B. Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1991. 224 p.; Gellner E. Nations and nationalism. Ithaca : Cornell University Press, 1983. 183 p.; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. 119 с.; Brubaker R. Ethnicity Without Groups. London : Harvard University Press, 2004. 203 p.; Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. Москва : Наука, 2013. 649 с.

[3] Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. Москва : Новое издательство, 2006. 198 с.

[4] Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. Москва : Наука, 2003. 764 с.; Дробижева Л. М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 89–101.

[5] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. 640 с.; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. Москва : Наука, 1983. 412 с.

[6] Armstrong J. A. Towards a theory of nationalism: consensus and dissensus // Notions of nationalism. Budapest, 1995. P. 34-43; Smith A. D. The Genealogy of Nations: An Ethno-symbolic Approach // When is the nation? London : Routledge. 2005. P. 95–100; Hutchinson J., Smith A. D. Cultural Nationalism and Moral Regeneration // Nationalism. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1994. P. 122–131.

[7] Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity”. Theory and Society. 2000. Volume 29, No. 1. P. 1–47.

[8] Соколовский С. В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. 2-е издание. Набережные Челны, 2009. 248 с.

[9] Арутюнян Ю. В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 91–97; Балакин В. С. «Цивилизация» в междисциплинарном контексте современных отечественных исследований // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2019. Том 19, № 4. С. 16–23.

[10] Шнирельман В. А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории. Москва : Наука, 2007. С. 82–104.

CC BY

В рамках социологической проблематики активно исследуются как предпосылки, так и последствия кризисных явлений в сфере семейных отношений[11], где рассматривается трансформация института семьи в контексте меняющихся социальных условий. Данные изменения рассматриваются в неразрывной связи с эволюцией социальных практик[12], кроме того, ряд авторов обращается к концептуальным вопросам соотношения официально зарегистрированного брака и сожительства как альтернативных форм партнерства[13], особый исследовательский интерес вызывает проблематика симметричности брачных отношений, динамика гендерных ролей и распределение функций ролей в рамках супружеского союза[14]. Российские исследователи осуществляют кросс-страновые исследования и оценку различий динамики и факторов брачности[15], фиксируют проявления кризиса института семьи: снижение брачности [Корчагина, 2024], рост доли незарегистрированных браков [Малютина, Логинова, Шевелева, 2024], распадающихся браков, повышение брачного возраста [Максимова, Караулова, Короткова, 2024], выявленных на основе исследований статистических данных и агрегаторов опросов общественного мнения [Тимофеева, Леженина, 2026]. В. Н. Архангельским и его соавторами предложена авторская методика оценки брачности реальных поколений по данным текущего статистического учета [Архангельский, Золотарева, Кумачева, 2025]. А. Б. Синельниковым разработана методика расчета кумулятивного коэффициента брачности разведенных [Синельников, 2025]. Ряд ученых концентрируется на исследованиях социальных практик брачного поведения молодежи: особенностях матримониальных установок [Ростовская, Васильева, 2024], брачного потенциала молодежных когорт [Сивоплясова, Сигарева, 2025].

Некоторые российские исследователи фокусировались на региональной дифференциации брачного поведения [Апалькова, 2024; Хурамшина, 2025], региональных демографических аномалиях [Карашпай, 2026; Круг, 2026]. Половозрастная структура как предиктор брачности отмечена демографами как на федеральном, так и на региональном уровне [Абдульзянов Архангельский, Биктимиров, Гневашева, Ершова, Ильдарханова, 2023]. Российские исследователи пришли к выводу, что снижение общего коэффициента брачности объясняется сдвигами в половозрастной структуре населения, а увеличение среднего возраста вступающих в брак детерминировано не столько откладыванием брака среди впервые вступающих в брак, сколько уровнем повторной брачности [Ильдарханова, Ершова Г., Ершова Ю., 2024]. В данной статье предпринята попытка выявить тенденции изменения брачной структуры населения Российской Федерации под влиянием фактора этнической идентичности по данным Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.

Материал и методы исследования

Всероссийские переписи населения являются основным источником информации о брачной структуре и национальном составе населения. В статистических формах, ежегодно разрабатываемых Росстатом, за 2010 г. отсутствовала информация об очередности брака (первый или повторный) в разрезе возрастов жениха и невесты.

Определенные лакуны имеются также в ежегодных статистических формах о разводимости: в половине случаев не указан возраст мужчин, соответственно следует считать более репрезентативными данные по разводам женщин по возрасту.

Настоящая статья основана на анализе данных таблиц 9 и 11 Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.[16]

Итоги переписей населения 2010 и 2020 гг. представляют наиболее репрезентативные сведения о брачной структуре населения в разрезе как возрастно-половом, так и в территориальном. В переписи 2010 г. в блок вопросов о семейном положении были введены разграничения «разведен официально» и «разошелся», что позволило получить более детальную информацию о брачной структуре. В переписи 2020 г. методика была усовершенствована через выделение шести категорий брачного состояния, включая «состою в незарегистрированном супружеском союзе», что фиксирует фактическое, а не только юридическое состояние брака. Идентификация по национальности в документах, удостоверяющих личность гражданина, была упразднена в 1997 г., запись о национальности в актах гражданского состояния заполняется по желанию заявителя, с 2009 г. формы ежегодного статистического учета по национальности в России перестали разрабатываться.

Этническая идентичность в переписях населения определяется на основе самоидентификации респондентов, что соответствует Конституции Российской Федерации и международным рекомендациям. Далее ответы респондентов перекодировываются и сводятся переписчиками в сформированный Институтом этнологии и антропологии РАН перечень этнических групп. Изменение численности населения определенных категорий по итогам переписей могло происходить по причине модификации критериев учета населения, методики проведения переписей населения, включая изменение этнической номенклатуры. Соответственно переписи 2010 и 2020 гг. позволили зафиксировать диапазон этнических идентификаций населения согласно перечню, утвержденному Институтом этнологии и антропологии РАН[17].

[11] Duncan S., Phillips M. New families? Tradition and Change in Modern Relationships. British Social Attitudes: The 24th Report. London : Sage, 2008. P. 1–28.

[12] Beck U., Beck-Gernsheim E. Normal Chaos of Love. Cambridge : Polity Press, 1995. 231 p.

[13] Casper L. M., Bianchi S. M. Continuity and Changes in the American Family. Thousand Oaks : Sage, 2002. 408 p.

[14] Caballero S., Edwards R., Puthussery Sh. Parenting 'Mixed' Children: Negotiating Difference and Belonging in Mixed Race, Ethnicity and Faith Families. York : Joseph Rowntree Foundation, 2008. 68 p.

[15] Щербакова Е. М. Брачность в странах ЕС–28, 1990–2015 // Демоскоп Weekly. 2017. № 725–726. С. 11–20.

[16] Перепись населения–2010. URL : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Итоги ВПН–2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. URL : https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami

[17] Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н. Конвергенция идентификации татар в контексте Всесоюзной переписи населения 1926 года // Управление устойчивым развитием. 2022. № 2. С. 30–35.

CC BY

Цель данного исследования — на основе данных Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. выявить тенденции изменения брачной структуры различных национальных групп за межпереписной период.

Задачи исследования — оценить динамику брачной структуры населения Российской Федерации за межпереписной период 2010–2020 гг., выявить возрастно-половые особенности брачной структуры различных национальных групп.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., 16% женщин и 24% мужчин бракоспособного возраста никогда не состояли в браке. В старших подростковых возрастах 16–19 лет 97% юношей не состоят в браке, по 3% населения во всех пятилетних группах не указали брачное состояние. Ни разу не вступали в брак три четверти молодых людей в возрасте 20–24 лет, среди 25–29-летних таковых почти 40%, 20% и 13% — в группах 30–34 и 35–39 лет, в остальных пятилетних группах ни разу не вступавших в брак менее 10%. В пятилетних группах от 20 до 49 лет десятая часть мужчин состояли в неофициальных отношениях при среднем показателе по РФ 8%, наименьшая доля сожительств в группах старше 65 лет — 5% и менее. Наибольшие доли (почти десятая часть) разведенных мужчин сконцентрированы в пятилетних группах 35–59 лет. 53% мужчин официально зарегистрировали отношения: однако их доли дифференцированы по возрастным категориям: в группах 20–24 лет женаты 14%, 25–29 лет — 40%, 30–49 лет — более 50%, в группах старше 50 лет их доля превышала 70%.

Согласно переписи населения 2010 г. половина женщин РФ бракоспособного возраста состояла в браке, в том числе 7% — в незарегистрированном, десятая часть женщин указали, что расторгли брачный союз. Наименьшие доли замужних женщин были в старших подростковых возрастах (2 и 11% соответственно), группах 20–24 года и 65–69 лет доля женщин в браке почти по 40%, однако начиная с 20 до 49 лет почти десятую долю составили незарегистрированные семейные отношения, в группе 65–69 лет таковых всего 3%.

Доли разведенных были почти равномерно распределены по пятилетним когортам в возрастах 35–59 лет (13–16%). В группе 50–54 года доли разведенных и вдов почти равны (14 и 13% соответственно). Пятая часть женщин предпенсионного возраста 55–59 лет, треть женщин 60–64 лет являются вдовами, две трети женщин в Российской Федерации бракоспособного возраста старше 70 лет являлись вдовами, почти четверть женщин старше 70 лет в браке, 5% были официально разведены.

Результаты переписи 2020 г. зафиксировали прирост населения бракоспособного возраста: на 2,9% у мужчин и на 1,8% у женщин по сравнению с 2010 г. По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. доля российских граждан бракоспособного возраста, не указавших брачное состояние, увеличилась на 12%, составив 15%. Доля состоящих в браке женщин снизилась на 6%, по 3% составило снижение доли женщин, состоящих в неофициальном браке и никогда не состоявших в браке. Доля разведенных женщин снизилась на 1%.

В целом по РФ треть мужчин и 39% женщин старше 16 лет составляют брачный потенциал (разошлись, официально разведены или никогда не состояли в брачном союзе). За межпереписной период на 7% сократилась доля мужчин, состоящих в браке (54%), в том числе на 4% снизилась доля официальных семьянинов, на 3% — неофициальных, на 5% снизилась доля мужчин, никогда не состоявших в браке, структура остальных категорий, не состоящих в браке, осталась прежней: 6% официально и 2% неофициально разошедшихся и 4% вдовых. Незначительный прирост доли состоящих в браке отмечен в пятилетних группах от 25 до 44 лет (0,2–2,7 процентных пункта), в остальных группа отмечено снижение (0,3–3 процентных пункта).

В итогах переписи населения 2020 г. указаны 194 национальности. В РФ по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. среди национальных групп никогда не состояли в браке 38% мужчин-ингушей и карачаевцев, 37% балкарцев, 36% калмыков и якутов, 35% тувинцев, 34% осетин, в остальных группах — менее трети мужчин бракоспособного возраста, наименьшие показатели среди украинцев и белорусов таковых 6%, менее 20% — среди мордвы, казаков, карелов, молдаван, немцев и евреев, 22% удмуртов, 25% русских, 26% татар.

Среди большинства национальных групп в старших подростковых возрастных группах 16–17 и 18–19 лет 97–98% мужчин никогда не состояли в браке. Отличия продемонстрировали цыгане, чеченцы, молдаване, таджики, тувинцы. Наиболее ранняя брачность отмечена среди цыган: к 19 годам 13% мужчин этой национальности официально состояли в браке. В остальных этнических группах этот показатель значительно ниже. Так, в возрасте до 19 лет были женаты 5% чеченцев, молдаван и тувинцев (причем 4% последних состояли в незарегистрированных отношениях). Доля женатых мужчин среди таджиков составила 4%; среди киргизов, евреев и узбеков — по 3%; среди марийцев, удмуртов, якутов, ингушей, казаков, немцев, адыгов и алтайцев — по 2%. В остальных национальных группах показатель составил 1% и менее.

У женщин наибольшие доли никогда не вступавших в брак зафиксированы в тех же национальных группах, однако эти показатели ниже, чем у мужчин. Доля таких женщин превышает треть только среди ингушек (35,5%). В остальных группах показатели распределились следующим образом: среди якуток 31%, тувинок 30%, калмычек и буряток по 29%, балкарок и карачаевок по 28%, осетинок 25%, а среди лакских и цыганских женщин по 24%. Минимальная доля безбрачия невест зафиксирована среди украинок (6%) и белорусок (7%). Показатель менее 15% отмечен также в группах евреев, коми-пермяков, мордвы, молдаван, казаков, немцев и карелов. Среди представительниц русских таковых 16%, татар 17,6%, башкирок 18,17%.

В группе 20–24 лет почти 40% цыганок, четверть коми пермяков и тувинок, пятая часть коми и молдаванок проживают в незарегистрированном браке. Общая доля состоящих в браке превышает половину девушек-азербайджанок, молдаванок, киргизок, узбечек, чеченок, табасаранок, таджичек, цыганок, турок.

CC BY

Менее трети невест среди осетин, грузин, карачаевцев, евреев, балкарцев, ингушей, корейцев, лакцев, калмыков вышли замуж в этом возрасте, соответственно более 65% составляют девушки, никогда не вступавшие в брак. Среди татар 36%, среди башкир и русских 39% находящихся в браке из числа девушек 20–24 лет.

В 2010 г. в группах молодежи 25–29 и 30–34 года наибольшая группа никогда не вступавших в брак девушек (35–40 и 20–32% соответственно) среди представительниц ингушей, осетин, балкарцев, карачаевцев, бурят, евреев, грузин, что может объясняться традициями обязательной регистрации брака, причем в некоторых случаях по старшинству дочерей, а также запретом на сожительства. Относительно невысокой (в пределах одной пятой) остается доля никогда не вступавших в брак девушек в группах чеченок, киргизок, молдаванок, узбечек и турок. Среди женщин в возрасте 25–29 лет, идентифицировавших себя как русские, татарки и башкирки, таковых около четверти, а в возрастной когорте 30–34 лет — 15%, 14% и 12% соответственно.

В 2020 г. в составе всех национальных групп возросла доля лиц, не указавших брачное состояние. В 2010 году доля таких лиц в большинстве национальных и возрастных групп была менее 1%. Исключение составила когорта подростков 16–17 лет. В этом возрасте доля девушек и юношей, не указавших брачное состояние, среди таджиков и молдаван составила 1% и 2% соответственно; среди чеченцев — 2% и 3%; среди евреев — 3% и 5%, у грузин этот показатель составил по 3%, а среди казаков 6% и 7%. У ингушей для обоих полов по 6%, от 1 до 3% в возрасте 18–29 лет. По 2–3% у женщин таджичек старше 70 лет, киргизок в возрасте 16–17 лет и 65–69 лет, по 3% у киргизов 50–59 лет, у мужчин евреев 18–19 лет, от 4 до 7% доля таковых у мужчин корейцев 35–49 лет. В 2020 г. доля не указавших брачный статус составила от 10 до 13% у женщин и от 10 до 15% у мужчин среди киргизов, узбеков, таджиков, грузин, лакцев и русских. 5–9% не указавших брачное состояние среди представителей лезгинцев, кумыков, армян, азербайджанцев, евреев, корейцев, ингушей, осетин, аварцев, карачаевцев, туркмен, крымских татар, агулов, даргинцев, молдаван, казаков, в остальных национальных группах — менее 5%, поэтому структура по брачному состоянию в числе национальных групп представлена меньшими долями в сравнении с предыдущей переписью.

Наибольшая доля никогда не состоявших в браке мужчин отмечена среди туркмен (42%). Показатель ингушей остался прежним (38%). Несмотря на снижение на 4–5% у карачаевцев, балкарцев и тувинцев, на 3% у якутов и на 1% у осетин, доли в этих группах всё равно остались самыми высокими среди всех национальностей. При этом у чеченцев доля никогда не вступавших в брак возросла на 3%.

Наименьшие доли безбрачных у мужчин, несмотря на рост на 4%, сохранились в группах украинцев и белорусов (по 10%), менее 20% — среди грузин (снижение на 3%), как и в предыдущей переписи, среди мордвы, казаков, карелов, евреев, молдаван, немцев.

Среди украинских и белорусских женщин бракоспособного возраста доля не состоявших в браке осталась на уровне 6–7%, сохранив наименьший показатель среди национальных групп, менее 15% в группах, достижение доли ниже 12% среди женщин, указавших национальность евреев, мордвы, молдаван, казаков, немцев, карелов также позволило остаться в группе наименьших показателей, у коми-пермяков доля осталась прежней (14%).

За межпереписной период доля незамужних женщин бракоспособного возраста заметно снизилась. Наиболее выраженная динамика зафиксирована у табасаранок — на 6% (до 13,3%), татарок — на 4% (до 13,9%) и чувашек — на 3,6% (до 13,4%). Среди русских женщин показатель сократился на 2,4% (до 13,6%), что позволило всем этим этническим группам войти в число регистрирующих наименьшую долю незамужних. У башкирок снижение составило 2,6%, однако итоговый показатель остался чуть выше — 15,6%.

По итогам переписи 2020 г. доля состоящих в браке мужчин превысила 70% у немцев, белорусов, украинцев, молдаван и табасаран; две трети бракоспособного населения показатель составил у даргинцев, мордвы, ногайцев, кряшен, агулов, удмуртов и рутульцев.

В возрастных группах от 35 до 60 лет прирост доли состоящих в браке относительно 2010 г. отмечен у тувинцев (на 2,5% у мужчин и на 2,3% у женщин) и у аварцев (на 2,7% у мужчин и на 2,4% у женщин). В результате доля женатых аварцев оказалась выше среднероссийского уровня на 7% у мужчин и на 6% у женщин. У чеченцев этот показатель, как и в 2010 г., превышает средний по РФ на 6% у мужчин (составляя 74,8%) и на 2,6% у женщин (при среднероссийском значении 73%).

В группе старше 60 лет преимущество над среднероссийскими показателями сохраняется у аварцев (на 5% у мужчин при среднем значении 63%; на 2,8% у женщин при среднем значении 35%) и у чеченцев (на 7% у мужчин и на 6% у женщин).

Почти равное соотношение долей незарегистрированных и зарегистрированных браков отмечено у цыган 27% и 31% у мужчин и 28% и 27% у женщин, наибольшие среди остальных этнических групп доли незарегистрированных брачных отношений 17% и 16% у тувинцев, 14% и 11% коми-пермяков, 11% и 10% хакасов, 10% и 8% алтайцев (мужчин и женщин, соответственно), поэтому низкая доля никогда не вступавших в брак может быть связана не столько с высокой официальной брачностью, но и с сохранением религиозных и культурных традиций обрядовой брачности, зафиксировать которую можно только по итогам переписи населения.

Выводы

Проведенный анализ данных Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. позволяет утверждать о постепенной утрате значимости этнического фактора для брачного поведения россиян. Этот процесс вписывается в общемировую тенденцию снижения значимости этнических и культурных барьеров при заключении браков, что обусловлено урбанизацией, ростом образовательного уровня, увеличением территориальной и социальной мобильности населения.

CC BY

Различия в брачной структуре между национальными группами объясняются в первую очередь социально-экономическими, демографическими и ценностными факторами. За межпереписной период 2010–2020 гг. снизилась доля состоящих в браке как среди мужчин, так и среди женщин, данная динамика может частично быть вызвана ростом доли лиц, не указавших брачное состояние, а не с реальными изменениями брачного поведения. Наиболее значимые различия в брачной структуре между национальными группами наблюдаются в молодых возрастных когортах (20–29 лет) и связаны с сохранением традиционных брачных норм в некоторых этнических группах, например, ранней брачности, либо, наоборот, отражают складывание тенденции к откладыванию брака. У представителей кавказских этнических групп (чеченцев, ингушей, аварцев) зафиксирована традиционализация брачного поведения: снижение возраста вступления в брак, низкая доля разведенных, высокая доля официально зарегистрированных браков, уменьшение доли незарегистрированных браков. У граждан русских, татар, башкир, чувашей наметилась тенденция движения к европейской модели: поздние браки, рост доли разведенных и разошедшихся, неофициальных браков.

Однако эти различия в старших возрастных группах постепенно нивелируются, что свидетельствует о конвергенции брачных моделей. Доля незарегистрированных браков варьируется между национальными группами, наибольшие показатели зафиксированы у цыган, тувинцев, коми-пермяков, хакасов, алтайцев. Это может свидетельствовать о сохранении традиционных форм семейных отношений, не предполагающих обязательной государственной регистрации. Значительный брачный потенциал заключен в группе молодежи (16–29 лет), например, среди представителей русских, татар и башкир доля никогда не состоявших в браке за межпереписной период выросла на 3–5 процентных пунктов. Снижение доли никогда не состоявших в браке женщин за межпереписной период может быть связано с изменением социально-экономических условий и реализацией мер демографической политики. Причиной снижения доли состоящих в браке в старших возрастах становится вдовство: среди женщин старше 70 лет высокие показатели зафиксированы среди русских, чувашей, евреев (58–65,5%), низкие — среди чеченцев (48,7%) и аварцев (55,4%).

Значительный рост доли лиц, не указавших брачное состояние в 2020 г., особенно среди этнических групп с миграционной мобильностью (киргизов, узбеков, таджиков), создает методологические сложности для анализа реальных тенденций брачного поведения и требует дальнейшего совершенствования методики сбора данных. Перспективы исследования лежат в дальнейших специальных исследованиях предикторов, определяющих брачное поведение различных социально-демографических групп, с учетом региональной специфики, уровня образования, дохода и урбанизации, в том числе в дополнительных территориальных разрезах (город / село). Необходимо оценить влияние миграционного фактора, особенно для исследования изменений, произошедших в брачной структуре этнических групп, активно задействованных в данных процессах, чтобы обеспечить достоверность выводов о динамике брачного поведения в многонациональном обществе.

Список литературы

Абдульзянов А. Р., Архангельский В. Н., Биктимиров Н. М., Гневашева В. А., Ершова Г. Н., Ильдарханова Ч. И. Демографический доклад-2023. Габитус семейно-центристского поведения в Республике Татарстан (на основе данных Всероссийской переписи населения). Казань : Академия наук РТ, 2023. 271 с. EDN NCHWSX

Апалькова Т. Г., Левченко К. Г., Липагина Л. В. Статистическая оценка региональных особенностей проявления демографических угроз в сфере брачности, материнства и детства // Национальная безопасность / Nota Bene. 2024. № 5. С. 9-24. DOI 10.7256/2454-0668.2024.5.71570. EDN EGYMHU

Архангельский В. Н., Золотарева О. А., Кучмаева О. В. Показатели вступления в первый брак в реальных поколениях: методические и аналитические возможности данных текущего учета // Вопросы статистики. 2025. Том 32. № 6. С. 57-77. DOI 10.34023/2313-6383-2025-32-6-57-77. EDN IYPQWW

Баранов П. П. Государство-цивилизация как основа конституционного строя Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 73-81. DOI 10.22394/2074-7306-2024-1-2-73-81. EDN ZARRGK

Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н. Российская модель брачности: возрастной и гендерный профиль (2011–2021 гг.) // Народонаселение. 2024. Том 27. № S1. С. 5-16. DOI 10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16. EDN QROBIJ

Карашпай С. М. Структура семьи и брачное состояние населения Республики Тыва (сравнительный анализ данных переписей населения 2010 и 2020 гг.) // Социодинамика. 2026. № 4. С. 103-116. DOI 10.25136/2409-7144.2026.4.79432. EDN RZLYGE

Корчагина Т. А. Брачность и разводимость как показатели демографической безопасности страны // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 7-1 (94). С. 177-180. DOI 10.24412/2500-1000-2024-7-1-177-180. EDN JRAOQY

Круг Э. А. Современные тенденции брачности и разводимости в Псковской и Новгородской областях // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2026. № 1 (47). С. 97-110. DOI 10.24412/2312-6647-2026-147-97-110. EDN ZHTFMT

Максимова Е. Д., Караулова Л. В., Короткова О. Л. Анализ брачной структуры населения РФ // Вектор экономики. 2024. № 5 (95). EDN CVPWWV

Малютина С. А., Логинова А. Е., Шевелева Е. Д. Статистическое исследование уровня брачности в Российской Федерации // Baikal research journal. 2024. Том 15. № 3. С. 1196-1207. DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1196-1207. EDN SJFROZ

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Брачные, репродуктивные, самосохранительные стратегии членов студенческих семей: по результатам глубинного интервью // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 1 (73). С. 74-82. DOI 10.52452/18115942_2024_1_74. EDN IJTFCJ

CC BY

Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П. Модели брачности и разводимости в молодёжных когортах современной России // Наука. Культура. Общество. 2025. Том 31. № 3. С. 126-141. DOI 10.19181/nko.2025.31.3.9. EDN TOSXAY

Синельников А. Б. Влияние демографической политики на брачность и рождаемость в разных поколениях российских мужчин и женщин (по данным переписей) // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 83-101. DOI 10.21064/WinRS.2025.4.6. EDN LIAXDM

Тимофеева О. А., Леженина С. В. Тенденции брачности и разводов в современной России // Актуальные вопросы современной экономики. 2026. № 1. С. 201-211. EDN UGFARZ

Хурамшина А. З., Гневашева В. А., Хайруллина Ю. Р., Талибова Ф. Т. Демографическое состояние Республики Татарстан: динамика показателей и основные тенденции // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025. № 2 (69). С. 55-62. DOI 10.26907/2079-5912.2025.2.55-62. EDN ZPKGAY

Iannone R. L., Murdock E. From object to subject through identity collages: Journeys to the metaphor-informed identity // Human arenas. 2025. DOI 10.1007/s42087-025-00487-w. EDN ITFBFY

Klein Ja. W., Bastian B., Odjidja E. N., Ayaluri S. S., Kavanagh Ch. M., Mala A. M., Whitehouse H. Identity fusion can foster intergroup trust and willingness to cooperate // Communications psychology. 2025. Vol. 3. No. 1. P. 124. DOI 10.1038/s44271-025-00303-9. EDN DUTIMU

Yue P. Europe, China, and their civilizational choices // Comparative studies on Chinese and Western civilizations. Beijing: New world press. 2026. P. 477-542. DOI 10.1007/978-981-96-4994-5_8

Zhao F., Wen F., Ye H., Wang Y., Zuo B. Dual-identity reminders convey acceptance and trust: Dual-identity reminders from opponents and third parties can both promote intergroup reconciliation // Current psychology. 2026. Vol. 45. No. 1. Art. 59. DOI 10.1007/s12144-025-08722-x. EDN HVZXLB

References

Abdulzyanov, A. R., Arkhangelsky, V. N., Biktimirov, N. M., Gnevasheva, V. A., Ershova, G. N., Ildarkhanova, Ch. I. (2023). Demographic report 2023. Family-centristic behaviour in the Republic of Tatarstan (based on the All-Russian population census)., 271. EDN: NCHWSX

Apalkova, T. G., Levchenko, K. G., Lipagina, L. V. (2024). Statistical assessment of regional characteristics of the manifestation of demographic threats in the sphere of marriage, motherhood and childhood. *National Security / Nota Bene, 5*, 9-24. EDN: EGYMHU. https://doi.org/10.7256/2454-0668.2024.5.71570

Arkhangelskiy, V. N., Zolotareva, O. A., Kuchmaeva, O. V. (2025). First marriage rates in real generations: Methodological and analytical potential of current registration data. *Voprosy Statistiki, 32*(6), 57-77. EDN: IYPQWW. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2025-32-6-57-77

Baranov, P. P. (2024). State-civilization as the basis of the constitutional system of the Russian Federation. *North Caucasus legal vestnik, 2*, 73-81. EDN: ZARRGK. https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-73-81

Ildarkhanova, Ch. I., Ershova, G. N., Ershova, Iu. N. (2024). Russian model of marriage: Age and gender profile (2011–2021). *Population, 27*(S1), 5-6. EDN: QROBIJ. https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16

Karashpai, S. M. (2026). The structure of families and marital status of the population of the Republic of Tuva (comparative analysis of data from the 2010 and 2020 censuses). *Sociodynamics, 4*, 103-116. EDN: RZLYGE. https://doi.org/10.25136/2409-7144.2026.4.79432

Korchagina, T. A. (2024). Marriage and divorce as indicators of the demographic security of the country. *International journal of humanities and natural sciences, 7-1(94)*, 177-180. EDN: JRAOQY. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-7-1-177-180

Krug, E. A. (2026). Contemporary trends in marriage and divorce in the Pskov and Novgorod regions. *MCU journal of economic studies, 1(47)*, 97-110. EDN: ZHTFMT. https://doi.org/10.24412/2312-6647-2026-147-97-110

Maksimova, E. D., Karaulova, L.V., Korotkova, O. L. (2024). Analysis of the marital structure of the population of the Russian Federation. *The vector of the economy, 5(95)*. EDN: CVPWWV

Malyutina, S. A., Loginova, A. E., Sheveleva, E. D. (2024). Statistical study of the marriage rate in the Russian Federation. *Baikal research journal, 15*(3), 1196-1207. EDN: SJFROZ. https://doi.org/10.17150/2411-6262.2024.15(3).1196-1207

Rostovskaya, T. K., Vasilieva, E. N. (2024). Marriage, reproductive, self-preservation strategies of student families: According to in-depth interviews. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social sciences, 1(73)*, 74-82. EDN: IJTFCJ. https://doi.org/10.52452/18115942_2024_1_74

Sivoplyasova, S. Yu., Sigareva, E. P. (2025). Models of marriage and divorce in the youth cohorts of modern Russia. *Science. Culture. Society, 31*(3), 126-141. EDN: TOSXAY. https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.9

Sinelnikov, A. B. (2025). The impact of demographic policy on marriage and fertility rates in different generations of Russian men and women (based on census data). *Woman in Russian society, 4*, 83-101. EDN: LIAXDM. https://doi.org/10.21064/WinRS.2025.4.6

Timofeeva, O. A., Lezhenina, S. V. (2026). Trends in marriage and divorce in modern Russia. *Actual issues of the modern economy, 1*, 201-211. EDN: UGFARZ

Khuramshina, A. Z., Gnevasheva, V. A., Khayrullina, Y. R., Talibova, F. T. (2025). Demographic status of the Republic of Tatarstan: Dynamics of indicators and main trends. *Kazan social and humanitarian bulletin*, 55-62. EDN: ZPKGAY. https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.2.55-62

Iannone, R. L., Murdock, E. (2025). From object to subject through identity collages: Journeys to the metaphor-informed identity. *Human arenas*. EDN: ITFBFY. https://doi.org/10.1007/s42087-025-00487-w

Klein, Ja. W., Bastian, B., Odjidja, E. N., Ayaluri, S. S., Kavanagh, Ch. M., Mala, A. M., Whitehouse, H. (2025). Identity fusion can foster intergroup trust and willingness to cooperate. *Communications psychology, 3*(1), 124. EDN: DUTIMU. https://doi.org/10.1038/s44271-025-00303-9

CC BY

Yue, P. (2026). Europe, China, and their civilizational choices. *Comparative studies on Chinese and Western civilizations. Beijing: New world press*, 477-542. https://doi.org/10.1007/978-981-96-4994-5_8

Zhao, F., Wen, F., Ye, H., Wang, Ya, Zuo, B. (2026). Dual-identity reminders convey acceptance and trust: Dual-identity reminders from opponents and third parties can both promote intergroup reconciliation. *Current psychology, 45*(1), 59. EDN: HVZXLB. https://doi.org/10.1007/s12144-025-08722-x

Информация об авторах

Ершова Гузель Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Казанский национальный исследовательский технологический университет,
г. Казань, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6399-0521;
e-mail: ershova104@mail.ru

Ершова Юлия Николаевна – научный сотрудник,
Центр семьи и демографии
ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»,
г. Казань, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0000-9447-8010;
e-mail: ershova1985@mail.ru

Information about the authors

Guzel N. Ershova – Cand. Sci. (Hist.),
senior research fellow,
Kazan National Research Technological University,
Kazan, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6399-0521;
e-mail: ershova104@mail.ru

Yulia N. Ershova – research fellow,
Center for Family and Demography,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0000-9447-8010;
e-mail: ershova1985@mail.ru

Поступила в редакцию 26.08.2026
Принята к публикации 20.09.2026
Опубликована 21.09.2026

Received 26 August 2026
Accepted 20 September 2026
Published 21 September 2026

CC BY

Научная статья

Поддержание представлений о маркерах этничности среди удмуртов и татар в Удмуртии (на примере отдельных школ г. Ижевска за 2024–2025 учебный год)

https://doi.org/10.31483/r-167049
УДК 39(=511.131)+39(512.145)

Касимов Р. Н.[a], **Кудрявцева И. К.**[b]
Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
г. Ижевск, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-5853-3104, e-mail: kasdan@yandex.ru
[b] https://orcid.org/0000-0001-8025-6185, e-mail: nazm-irina@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена изучению маркеров этничности удмуртов и татар в Удмуртской Республике. В настоящее время такие маркеры по-прежнему выступают как ресурс формирования региональной и национальной уникальности территорий страны, а также как объект государственной национальной политики. Целью статьи является выявление значимых этнокультурных маркеров этничности (знаний про историю и культуру народа, религиозную специфику, самосознание) и фиксация форм их поддержания в школах г. Ижевска, реализующих практики этнокультурного образования для удмуртов и татар. Исследование базируется на материале интервью со специалистами образовательных учреждений, в которых ведется изучение удмуртского или татарского языка. Информантами выступили директора, учителя-предметники ижевских школ. При работе над статьей использовались общенаучные методы (анализ, синтез, кросс-культурное исследование) и специальные (опрос, экспертное интервью, описание, сравнение, включение статистических данных). Система образования прежде всего с помощью формализованных инструментов поддерживает формирование и закрепление этнических маркеров как компонентов этнокультурных ценностей, что проявляется в учебной деятельности школ. Традиционные этнические маркеры, с одной стороны, продолжают играть достаточно важную роль для удмуртов и татар республики, с другой — некоторое размытие и трансформация традиционных маркеров этничности происходит на фоне формирования общероссийской гражданской идентичности.

Ключевые слова: духовные ценности, этнокультурное образование, феномен этничности, этнические маркеры, народы Удмуртии.

Для цитирования: Касимов Р. Н. Поддержание представлений о маркерах этничности среди удмуртов и татар в Удмуртии (на примере отдельных школ г. Ижевска за 2024–2025 учебный год) / Р. Н. Касимов, И. К. Кудрявцева // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 3. С. 16-25. DOI 10.31483/r-167049. EDN JITDOA

Research Article

Maintaining Ideas about Ethnic Markers Among the Udmurts and Tatars of Udmurtia (Based on Selected Schools in Izhevsk for the 2024–2025 Academic Year)

Rustam N. Kasimov[a], **Irina K. Kudryavtseva**[b]
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0002-5853-3104, e-mail: kasdan@yandex.ru
[b] https://orcid.org/0000-0001-8025-6185, e-mail: nazm-irina@yandex.ru

Abstract. The article examines markers of ethnicity among the Udmurts and Tatars in the Udmurt Republic. These markers continue to serve as a resource for shaping the regional and national uniqueness of the country's territories, as well as an object of state national policy. This article aims to identify significant ethnocultural markers of ethnicity (knowledge of the history and culture of the people, religious specificity, and self-awareness) and document the forms of their maintenance in Izhevsk schools implementing ethnocultural education practices for Udmurts and Tatars. The study is based on interviews with specialists from educational institutions that teach the Udmurt or Tatar languages. The informants included school principals and subject teachers from Izhevsk schools. The study employed general scientific methods (analysis, synthesis, cross-cultural research) and specialized methods (survey, expert interviews, description, comparison, and inclusion of statistical data). The education system, primarily through formalized tools, supports the formation and reinforcement of ethnic markers as components of ethnocultural values, which is reflected in the educational activities of schools. Traditional ethnic markers, on the one hand, continue to play a significant role for the Udmurts and Tatars of the republic; on the other, a certain blurring and transformation of traditional ethnic markers is occurring against the backdrop of the formation of a pan-Russian civic identity.

Keywords: spiritual values, ethnocultural education, phenomenon of ethnicity, ethnic markers, peoples of Udmurtia.

For citation: Kasimov R. N., & Kudryavtseva I. K. (2026). Maintaining Ideas about Ethnic Markers Among the Udmurts and Tatars of Udmurtia (Based on Selected Schools in Izhevsk for the 2024–2025 Academic Year). *Ethnic Culture, 8*(3). 16-25. EDN: JITDOA. https://doi.org/10.31483/r-167049

CC BY

Введение

Для многонациональной России этническая идентичность продолжает играть важную роль, так как многие люди, особенно в республиках, определяют границы условного этнокультурного пространства, прежде всего отталкиваясь от принципа этнического своеобразия определенной территории.

На бытование феномена этничности в современных условиях оказывают влияние цифровизация, массовая культура, культурная ассимиляция. Эти факторы важно учитывать и в повседневном быту, и в системе образования, поскольку они заставляют задуматься о механизмах сохранения и неизбежной трансформации маркеров традиционной этничности в таком многонациональном государстве, как Российская Федерация.

В отечественной этнографии долгое время господствовала теория примордиализма, определяющая этничность как заданную характеристику культурных сообществ с акцентом на первоначальных естественно-природных и исторических основаниях возникновения этноса. Впрочем, как считает Б. Е. Винер, к советской теории этноса не следует относиться как к построениям, представляющим в настоящее время лишь исторический интерес. Внимательное прочтение позволяет извлечь из нее множество идей, которые можно включать в современные теоретические конструкции, разумеется, при соответствующем критическом переосмыслении [Винер, 2023, с. 88].

Другой подход к определению соотношения этнического и регионального компонентов характерен для западной этнологической традиции, так как связан в основном с искусственным конструированием идентичности и не только на основе характерных историко-географических критериев, но и на признании приоритета этнического самосознания, бытования множества этнических стереотипов. Для многих современных этнологов важны труды Ф. Барта. В частности, А. М. Кузнецовым отмечается новаторство норвежского этнолога, заключающееся в определении этнической группы как системы, способной самовоспроизводиться биологически. Такое сообщество обладает общими фундаментальными культурными ценностями, воплощенными в определенном единстве культурных форм, обеспечивает пространство коммуникаций и взаимодействий; создает представление о членстве в ней, которое обеспечивает возможность идентификации и признается всеми как отличительное свойство от других объединений такого же уровня [Кузнецов, 2023, с. 86].

Характеристике современной ситуации, связанной с функционированием удмуртского этнокультурного компонента в республике и выражающейся в расширении общественных функций удмуртского языка и духовной культуры (тематическим электронным ресурсам в сети Интернет, сайтам по истории и культуре удмуртского народа), в сохранении этнокультурных практик в системе дополнительного образования для детей, проведении активами национально-культурных сообществ удмуртов национальных праздников и фестивалей, конкурсов, просветительских акций посвящена статья И. К. Кудрявцевой и Р. Н. Касимова [Кудрявцева, Касимов, 2024].

Этнокультурные и образовательные практики как механизм поддержания этнической идентичности у татар в Удмуртии рассмотрены в работе Р. Н. Касимова, где автор отмечает сокращение преподавания татарского языка, истории и культуры в отдельных образовательных организациях республики. При этом автор отмечает, что популярность приобретают иные формы приобщения к этнокультурным ценностям, свойственным татарам Удмуртии, реализуемые через систему дополнительного образования для детей и просветительские проекты татарской общественности [Касимов, 2026, с. 72].

В современных условиях глобализации и унификации культур в регионах России вопросы этничности остаются крайне актуальными, так как массовые коммуникации в сети Интернет, культура общества потребления, технологическое развитие приводят к некоторой утрате самобытности, традиций и обычаев народов страны. Учитывая эти моменты, в системе образования современной России поддержанию этнокультурных ценностей различных народов в границах многонациональной державы отводится важная роль. Как отмечает В. А. Тишков, государство «делает легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее общеразделяемым чувством национального самосознания, когда каждое живущее в этом государстве поколение проходит через своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность к этому государству как к своему Отечеству. Можно все это назвать страновым или гражданским национализмом, можно назвать патриотизмом, а можно назвать национальным самосознанием (идентичностью)» [Тишков, 2023, с. 28].

Цель статьи — выявление значимых этнокультурных маркеров этничности (знаний про историю и культуру народа, религиозную специфику, самосознание) и фиксация форм их поддержания в ряде школ г. Ижевска, реализующих практики этнокультурного образования для удмуртов и татар.

Решая задачи по определению реперных точек для разведения понятий «традиционная этничность» и «новая этничность (идентичность)», авторами статьи была получена информация о сохранении истории культуры изучаемых народов, их религиозной специфике и самосознании. В первом случае мы обращали внимание на привычные для классической этнографии компоненты этничности, во втором — рассматривали продукт трансформации этнической специфики в условиях культурной ассимиляции, глобализации и цифровизации социального пространства регионального сообщества. Под термином «новая этничность» следует понимать символическое, эстетизированное воспроизводство этнических маркеров, а под термином «новая идентичность» — процесс формирования общероссийской гражданской нации. У этих понятий достаточно много общих моментов. В частности, рассматривая школьные практики, мы подразумеваем под формированием новой этничности факультативные и кружковые занятия с этнокультурным компонентом, элементы театрализации с этническим колоритом, современные реконструкции традиционных народных праздников, интерпретацию творческого наследия народа в условиях современности, общежития в границах многонационального государства.

CC BY

Материал и методы исследования

Работа основана на материалах экспертных интервью с представителями педагогической общественности, ведущих обучение удмуртскому и татарскому языкам. Информантами выступили директора, учителя-предметники ряда ижевских школ. Авторы понимают, что частного мнения отдельных представителей этнической культуры для получения полной картины об этнокультурных ценностях удмуртов и татар в республике недостаточно. Тем не менее, материалы дают представление об основных направлениях развития настоящей темы, поскольку школа работает не только с детьми, но и с родителями, заинтересованными в сохранении этнической самобытности.

В рамках проекта в течение 2024–2025 гг. проводилось анкетирование педагогов по всей республике, цель которого — выявление и определение оптимальных решений, способствующих сохранению языковой и культурной самобытности народов Удмуртии в условиях усиливающихся миграционных потоков, ассимиляционных процессов, глобальных проблем современности. Всего было опрошено 247 человек, в том числе 88 человек из муниципальных округов. Выбор ижевских школ для написания статьи был обусловлен тем, что в городе проживает около 40 процентов населения республики.

Таким образом, анализируя ситуацию с этнокультурным образованием в столице Удмуртии, мы можем делать определенные выводы и по республике в целом. В городе есть образовательные организации с этнокультурным компонентом, где работа по поддержанию этнокультурных ценностей выстраивается максимально эффективно. Авторитетными центрами поддержания этнокультурных ценностей в столице Удмуртии выступают следующие школы:

– Удмуртская государственная национальная гимназия им. К. Герда — бюджетное общеобразовательное учреждение Удмуртской Республики, которое имеет статус республиканского ресурсного центра этнокультурного образования;

– муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 6 им. Габдуллы Тукая». Школа была создана в 1998 г. как учреждение с этнокультурным (татарским) компонентом образования. В гимназии также реализуется этнокультурное воспитание, проводятся внеурочные мероприятия, направленные на популяризацию языка, традиций, истории и культуры удмуртского народа;

– школа «Гармония» в г. Ижевске — крупная образовательная организация, которая реализует этнокультурный компонент в своей образовательной деятельности;

– муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Гимназия № 56» в г. Ижевске. Им активно реализуется этнокультурный компонент в образовательном процессе. Здесь много лет действует образовательная программа «Этнокультурное образование», цель которой — формирование этнического самосознания и культуры межэтнических отношений у всех участников образовательного процесса;

– школа № 11 г. Ижевска, имеющая значительный опыт работы с этнокультурным компонентом в образовательном процессе. С 2016 г. образовательная организация является республиканской площадкой Министерства образования и науки Удмуртии по поликультурному образованию.

Именно на опыт по поддержанию этнокультурных ценностей имеющийся у педагогического сообщества в этих образовательных организациях мы и сделали акцент при выборе материалов экспертных интервью.

При работе над статьей использовались общенаучные (анализ, синтез, кросс-культурное исследование) и специальные методы (экспертное интервью, описание, сравнение, включение статистических данных).

Работа по этнокультурному просвещению в школах Удмуртии ведется давно и достаточно активно. Невзирая на экономические трудности, изменения в нормативно-правовой базе, трансформации в социокультурной сфере, деятельность педагогов по поддержанию этнокультурных ценностей, активно начавшаяся еще в начале 90-х годов прошлого века, продолжается по настоящее время. И если в образовательных организациях, где доминирует изучение удмуртской и марийской культуры акцент сделан на этноязыковой специфике (родном языке и литературе), то в школах, где превалирует татарская специфика, к этому добавляется знакомство с татарской мусульманской культурой.

Авторами в научный оборот через локальные примеры вводятся понятия «традиционная этничность» как совокупность передаваемых народом из поколения в поколение отличительных признаков (знания про историю и культуру народа, религиозная специфика, самосознание), и «новая этничность» / «новая идентичность» как современный социально-культурный феномен, базирующийся на традиционных элементах, но характеризующийся активным использованием новых форм для актуализации привычных маркеров — знаний истории, фольклора, танцевальной и песенной традиции, религии и мифологии, менталитета, самосознания и других символов, важных для представителей того или иного народа.

Результаты исследования и их обсуждение

В современной этнологической науке принято считать, что «вследствие глубинности и фундаментальности этнических структур личности собственно этническая субстанция не исследуема социологическими, биологическими, психологическими методами. Этническое как таковое может быть лишь философски осмыслено и описано с помощью философского категориального аппарата»[1]. Действительно, в философских исследованиях есть направление, которое изучает этничность как уникальную совокупность качеств и свойств отдельных культурных сообществ, анализирует их роль в социальных институтах, динамику и стратификацию социокультурной подсистемы общества. В рамках этого подхода рассматриваются и вопросы этнической онтологии — постижения сущности и природы этноса. Вместе с тем прикладными аспектами сохранения, развития и поддержания этнических маркеров занимается этнология, социология, культурология, педагогика и ряд других наук.

[1] Рыбаков С. Е. Теоретико-методологические основы исследования этнических феноменов : автореферат диссертации… доктора философских наук. Москва, 2001. С. 17.

CC BY

Специалисты выделяют несколько ключевых этнических маркеров, которые помогают формировать и поддерживать этническую идентичность и отличать один этнос от другого. Эти маркеры (родной язык, представления о традиционной культуре и истории народа, религиозная специфика, этническое самосознание), часто взаимосвязаны и действуя в комплексе, позволяют говорить про региональные и этнокультурные особенности конкретного субъекта Российской Федерации.

Приобщение к этнокультурным ценностям народа начинается и оформляется в семье. В дальнейшем поддерживать представления об этнокультурной специфике помогает система образования. Своеобразное закрепление и оформление условного этнокультурного пространства, например в границах национальной республики, позволяет сохранять определенное единство регионального сообщества, что и обеспечивает продолжительное существование территории, где формируется некоторая однородность при определении этнокультурных ценностей.

Исследователи отмечают, что «этнические особенности населения становятся одним из компонентов общей уникальности региона наряду с географией, историей, культурой. В этом смысле прослеживается зависимость от соотношения этнических групп в составе населения: чем выше доля титульного этноса, тем выше степень значения этнических маркеров идентичности республики»[2]. В регионе Урало-Поволжья несколько таких примеров (Республики Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Удмуртская Республика), где территория проживания (конкретная республика), несмотря на многочисленность этнических культур, на ней представленных, соотносится с титульной нацией в силу исторической традиции и особенностей оформления государственности в составе общего государства. В качестве примеров рассмотрим Удмуртскую Республику, ассоциируемую с удмуртами, и Республику Татарстан, ассоциируемую с татарами. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в Удмуртской Республике проживало русских 62,2, удмуртов 28, татар 6,7 процентов. На рубеже XX–XXI вв. этническая карта Удмуртии остается стабильной с незначительным приростом внешних мигрантов[3]. По закону «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики», принятому в 2001 г., государственными языками на территории Удмуртской Республики являются русский и удмуртский языки.

В Республике Татарстан в 2021 г. численно превалируют татары (2,091 млн чел. — 53,6%), вторую позицию занимают русские (1,574 млн чел. — 40,4%), далее — чуваши (2,3%), удмурты (0,5%), марийцы (0,4%), узбеки (0,4%), таджики (0,3%), мордва (0,3%), башкиры (0,3%), украинцы (0,2%) (см.: Низамова, Гарифзянова, 2025). Широко распространено мнение, что «ситуация с использованием и сохранением татарского языка в Татарстане намного благоприятнее, чем положение с воспроизводством титульных языков в соседних республиках Волго-Уралья и языков этнических меньшинств в других субъектах Российской Федерации. Этому способствует не только значительная демографическая представительность татар, являющихся вторым по численности народом в стране, но и республиканская языковая политика в постсоветский период» [Низамова, 2022, с. 606].

Несмотря на важность сохранения традиционных маркеров этничности, можно утверждать, что в последние тридцать лет, в процессе конструирования и поддержания этнокультурного своеобразия конкретного этноса в современной многонациональной России в сознании представителей различных этнических сообществ формируется новая этничность. Она основывается на элементах традиционной этничности, хотя и не в полной мере совпадает с ее классическими маркерами, так как процесс формирования этнокультурной специфики в условиях глобализации и ассимиляции связан с необходимостью адаптации человека к быстро изменяющемуся социокультурному фону в многонациональном государстве. Это означает, что новая этничность и новая общероссийская гражданская идентичность в России конструируется на основе традиционных маркеров — традиционной культуре, религиозной специфике, истории народа, а поддерживается с привлечением современных явлений — модой на этничность, этнической идентичностью в сети Интернет, этнофутуризмом, функционирующих в условиях массовой культуры информационного общества на фоне преобладания русской культурной доминанты[4]).

Важно понимать, что элементы идентичности традиционно понимаемых этносов не вступают в противоречие с элементами нового понимания этнической идентичности. Последняя является естественным продуктом эволюции этнокультуры в условиях современного многонационального государства, что особенно ярко иллюстрируют практики этнокультурного образования в школах Удмуртии.

В сознании удмуртов и татар в процессе оформления и поддержания этничности в школе следует определить уровни и направления; выделить агентов.

Агентами первого порядка, сохраняющими и формирующими этничность в региональном социуме, выступают родители, семья и разветвленные родственные связи, социальное окружение конкретного человека. Такие агенты дают базовые представления об этничности, делают акцент прежде всего на традиционных маркерах (стереотипах восприятия, традициях и обычаях, истории народа, религии). Другими словами, этничность формируется и утверждается в семье, при этом на степень ее основательности будут оказывать влияние межэтнические браки и социокультурное окружение.

Агентами второго порядка, лишь поддерживающими процесс закрепления этнокультурных ценностей и маркеров этничности, выступают педагоги, прежде всего учителя школ как часть системы образования и воспитания.

[2] Назукина М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионология. 2018. № 4. С. 713.

[3] Нематериальное этнокультурное достояние Удмуртской Республики : научно-информационное издание. Ижевск : Алкид, 2024. С. 23.

[4] См. например: Топоева М. В. Маркеры «новой этничности»: социологические аспекты исследования // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5. С. 92–94.

CC BY

Они формируют дополнительные представления об этничности, делают акцент на элементах и формах новой этничности через просветительские практики и образовательные активности, театрализацию и концерты в условиях поликультурного региона.

В тексте статьи приводятся выдержки из экспертных интервью 2025 г. с педагогами и представителями школьных администраций, которые иллюстрируют специфику поддержания знаний о традиционных этнических маркерах (первая группа) и формирование представлений про общероссийскую гражданскую идентичность (вторая группа). Авторы статьи опираются на авторитетное мнение тех представителей педагогического сообщества г. Ижевска, в чьих образовательных организациях увлеченные педагоги наиболее активно и эффективно занимаются этнокультурным образованием детей.

1. Знания про историю и культуру народа. Религиозная специфика. Самосознание

Знания об истории и культуре народа у учащихся школ с изучением удмуртского языка

Формирование этнокультурных ценностей должно запускаться в семье. Но чтобы сформировать этнокультурные ценности и этнические маркеры в семье, нам, школе и обществу, нужно сформировать сознание детей, которые потом сами в семье будут формировать устойчивые этнические маркеры и этнокультурные ценности конкретного народа. Таким образом, мы в школе, работая с детьми, рассчитываем на них как на будущих родителей. Именно по этой причине мы вновь возвращаемся к школе как к институту (инструменту) поддержания этнокультурных ценностей в обществе. Семья и школа должны дополнять друг друга в этом процессе (Наталья Григорьевна Матвеева, директор средней общеобразовательной школы № 11, г. Ижевск).

Именно в семье закладываются традиции народа, закрепляется и развивается родной язык. Именно в семье закладывается знание языка или не закладывается, если кто-то в семье не говорит на своем родном языке. Бывают смешанные семьи, которые образовались разными этносами, например, смешанная в национальном или религиозном плане семья. Тогда складываются не только общие семейные ценности, но и появляется специфика влияния другой культуры. На первом месте при формировании этнокультурных ценностей идет семья, потому что ребенок рождается в семье и проживает много лет со своими родителями, с близкими родственниками. На втором месте идут школа и система образования. Эти компоненты особенно сильно влияют на ребенка, когда в нем закрепляются и формируются этнокультурные ценности (Марина Викторовна Никитина, директор гимназии № 56, г. Ижевск).

История Удмуртии — это часть истории России, без региональной, локальной истории не может быть истории всего многонационального государства. История нашей большой страны не могла развиваться отдельно от других культур и народов и это нужно знать и понимать. Всегда интересно знать, на мой взгляд, что происходило в определенную эпоху здесь, на территории современной Удмуртии. Какие герои были выходцами с моей малой родины, кем из земляков нам нужно особенно гордиться — это очень важно знать и понимать. Региональная история формирует чувство гордости не только за свою малую родину, но и за Россию в целом (Татьяна Геннадьевна Волкова, директор Национальной гимназии им. К. Герда, г. Ижевск).

Знания об истории и культуре народа у учащихся школ с изучением татарского языка

Когда говорят про формирование этнокультурных ценностей татарского народа, то мы должны прежде всего понимать под этим сохранение национальной идентичности, самосознания, приобщение к традициям, истории и культуре татар, к языку и литературе. Можно сказать, что этнокультурные ценности народа отождествляются с его этническими маркерами. Но сегодня, повторю еще раз, главным маркером будет выступать не столько родной язык, сколько этническое самосознание. Формирование этнокультурных ценностей возможно только в семье, когда соблюдаются традиции, представления о культуре татарского народа, есть представления о национальных праздниках… Связь с предками, связь с широким кругом родственников, связь с семьей принципиально важна для татар и для сохранения своего этнического самосознания. Многие вещи, которые приняты у татар в быту, в повседневной жизни они принимают как традицию и даже не от родителей, а от бабушек своих, от дедушек. Проблема потери этнической идентичности из начала 90-х годов, связывается с высокой степенью культурной ассимиляции, высоким процентом межнациональных браков (Гульчачак Явдатовна Ахметова, директор татарской гимназии № 6 им. Г. Тукая, г. Ижевск).

Говоря про этнические маркеры, следует дополнительно отметить особенности быта татарского народа, элементы национальной одежды, элементы национальной кухни, особенности традиционного жилища. Кроме прочего, важным этническим маркером татар являются представления о художественной культуре, о фольклоре. Это песни, устное народное творчество, различные предметы искусства, оформленные в национальном стиле… При формировании этнокультурных ценностей очень важно воспитывать в детях нравственность, делать это следует через уважение к представителям любых народов. А сейчас это тем более важно, так как к нам стали приезжать люди из других стран, появляются в школах дети мигрантов. У нас в корпусе учатся дети — египтяне, например. Были у нас дети из Сирии, есть ребенок из Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка. По этой причине очень важно прививать уважение к другим народам и к другим культурам. Если его не прививать, то потом во взрослой жизни этого вообще никто делать не будет. С чем дети уйдут из школы, такое у них мировоззрение и останется на всю оставшуюся жизнь. Если не уважать чужую идентичность, то не будет уважения и к своей идентичности (Эльмира Алнуровна Шакирова, заместитель директора по учебно-воспитательной работе школы «Гармония», г. Ижевск).

Информаторы отмечают, что знания об истории и культуре народа являются ключевым элементом проявления этничности даже в современном социуме. В

CC BY

сознании представителей педагогической общественности такие представления по-прежнему продолжают играть важную роль при формировании этнической идентичности. Такие знания и сегодня помогают учителям сохранять представления о культурной самобытности удмуртов и татар.

Религиозная специфика школ с изучением удмуртского языка

Что касается религиозного фактора, я не считаю, что он играет важную роль на сегодняшний день. Например, у татар-кряшен, которых выделяют в отдельную народность, хотя в моем детстве их отдельно не выделяли, религиозная культура отличается от большинства татар, которые считают себя мусульманами. Или раньше нам рассказывали про бесермян, которых обычно приписывали к удмуртам, хотя элементы их духовной культуры отличались от удмуртских традиций. Я думаю, что русский по национальности, может исповедовать сегодня ислам или буддизм. Я не считаю религиозные особенности основным маркером этничности. Как показатель принадлежности к конкретному народу в прошлом, скорее всего, да, но как современный маркер этничности — нет. Религиозная специфика — это личная внутренняя свобода человека, а по отношению к национальности она имеет лишь исторический контекст. Если в семье не привили ребенку ценностей его этнической или религиозной культуры, то в системе образования уже труднее это будет сделать (Н. Г. Матвеева).

Думаю, что религия может быть сегодня фактором этнической идентичности, потому что религиозная культура в какой-то мере определяет наше сознание, в том числе она влияет на нашу культуру, даже на быт. Если мы говорим о семейных ценностях, в том числе основанных на религии, то они играют важную роль в современном обществе. В России после распада СССР, когда мы все были атеистами, понимание религии изменилось. Больше осознанности сейчас стало в этом вопросе. В современных условиях регионального социума не будет уже полностью верным утверждение, что русский равно христианин, православный, татарин равно мусульманин, удмурты и марийцы равно язычники. Даже в семье может быть такое, что один крещеный, а кто-то нет. При этом семья будет одна, а ценности разные: какие-то будут общие, а какие-то будут отличаться (М. В. Никитина).

Религии, традиционные для российского общества, несут конструктивный вклад в общественные отношения. Представляется возможным использование религиозной тематики во внеурочной деятельности в школе, даже в рамках цикла занятий «Разговоры о важном» (Владимир Васильевич Волков, учитель истории и обществознания Национальной гимназии им. К. Герда, г. Ижевск).

Важно не только о религиозных культурах в школе говорить, но и о культурах вообще. Загруженность школы сегодня очень большая, но в процессе образования и воспитания полноценной личности важно все! Я считаю, что часть просветительской миссии должны взять на себя СМИ и Интернет-ресурсы. Вместо развлекательных передач, не несущих никакой полезной, образовательной миссии, вместо бесконечных сериалов, нужно транслировать интересные образовательные программы о религиозных, в том числе культурах (Т. Г. Волкова).

Религиозная специфика школ с изучением татарского языка

Религиозный фактор играет некоторую роль, но он не всегда проявляется. Ислам сегодня является значимым фактором этнической идентичности, но не для всех татар. Распространенное мнение, что татарин равно мусульманин, в современных условиях уже не является верным. Даже если татары считают себя мусульманами, но уже не в том чистом виде, который был, например, в XIX веке или в первой половине XX века. Современный татарин, искренне считая себя мусульманином, при этом может не соблюдать религиозных ритуалов, обычаев и обрядов. Он может в мечеть не ходить, ему достаточного того, что он думает о себе как о мусульманине. Он может пост — уразу — не держать, но при этом в душе он считает себя мусульманином. Эти представления даже сегодня сохраняются у татар с рождения, из практик семейного воспитания, такие представления, как правило, сохраняются в семье (Г. Я. Ахметова).

У нас в школе обучается 20 процентов таджиков, они тоже тянутся к татарской культуре и языку. Доля их пусть и немного, но растет с каждым годом. Их приезжает все больше в наш регион. Они очень просятся именно в наш учебный корпус, так как они исповедуют ислам и у них достаточно сильные религиозные убеждения. По этой причине родителям хочется, чтобы именно в нашем корпусе их дети учились. У нас и специфика расположения корпуса играет свою роль (на территории Соборной мечети) и педагогический коллектив: у нас работают учителя татарского языка, с нами взаимодействуют преподаватели арабского языка. Девочки у нас ходят в специфическом одеянии, да. Но это не хиджаб. У нас есть локальный акт о школьной форме и в нем есть конкретный пункт, который касается нашего корпуса. В частности, отмечается, что у девочек должны быть одежды определенной длины и должен быть капюшон или кофта с капюшоном. Это отдельно прописывается для начальной школы. А у среднего звена прописывается аксессуар в виде снуда.

Все проблемы решаемы. Девочки у нас носят длинные платья и платки. Но это не хиджаб, это особая форма одежды. У мальчиков особой формы одежды у нас нет. Национальную свою одежду те же таджики у нас не носят. Дресс-код школьной униформы строго соблюдается, в локальном акте у нас все это прописано.

У нас у мальчиков допускается жилетка и пиджак, но не спортивная форма одежды. У нас все мясо в столовой халяльное. Все сертификаты имеются. Во всей школе «Гармония», по-моему, халяльное мясо. По средам к нам продукты привозят из первого корпуса в нашу столовую (Э. А. Шакирова).

Известно, что взаимодействие этнических и религиозных факторов в современном социуме может проявляться в разных формах и контекстах.

CC BY

Для наших информаторов, особенно татар, религиозная специфика продолжает выступать важным элементом проявления этничности, влияя на формирование идентичности, консолидацию этнического сообщества, межэтнические отношения. При этом, если сравнивать современную Россию с дореволюционной империей, роль религиозных знаний и культуры будет для развития общества менее весомой. Очевидно, что дело в целом комплексе исторических, социальных и даже психологических трансформаций, которые проходили в государстве и мире. Среди современных татар немало номинальных, формальных мусульман, относящих себя к исламской культуре исключительно по этническому признаку. Безусловно, в ответах наших респондентов мы видим понимание отдельного человека, а не религиозность большинства, должная на практике определяться реальным временем, которое человек готов потратить на духовное служение. Тем не менее в ответах конкретных учителей формулируются и их личные убеждения, и многолетний опыт общения с детьми и их родителями. Тем более, если речь идет о представителях школьной администрации, которые в силу своих должностных обязанностей организуют системное взаимодействие со всеми участниками образовательного процесса.

Самосознание учащихся школы с изучением удмуртского языка

Раньше в школах Удмуртии записывали в журнал национальность ученика. Если в смешанной семье мама или папа были русскими, то чаще всего для ребенка выбирали национальность русский, а не удмурт, например, как у второго родителя. Я считаю, что именно по этой причине сейчас русских так много в Удмуртии, гораздо больше, чем удмуртов. Где такая практика формировалась? В семье, в обществе? Например, человек постеснялся сказать, что он удмурт и решил записать себя русским, такое может быть. Или это могло быть сформировано государством, так как особенно раньше считалось, что русскому будет проще двигаться дальше по карьерной лестнице. Возможно, что эти процессы шли параллельно. И это скорее всего именно так.

Семья, образование (детский сад, школа) должны идти параллельно в вопросах формирования и поддержания этнокультурных ценностей. И государственная политика при этом играет здесь не последнюю, а очень важную роль (Н. Г. Матвеева).

Формирование этнокультурных ценностей ребенка — это некий целенаправленный процесс. Другое дело, может быть, не всегда это делается осознанно, особенно в семье. Не учатся же специально, чтобы быть хорошими родителями, а люди просто проживают собственную жизнь, рождаются у них дети, происходит процесс воспитания и обучения в семье. Есть в семьях бабушки и дедушки, которые тоже являются носителями этнокультурных ценностей. Эти традиции каким-то образом ими в семье сохраняются и передаются другим поколениям. А после семьи уже идет система образования, где этнокультурные ценности получают поддержку и дальнейшее развитие (М. В. Никитина).

В вопросах формирования самосознания главная роль у семьи, затем уже идет школа и только после этого — СМИ. Государство стоит над всем этим как основа единства (В. В. Волков).

Самосознание учащихся школ с изучением татарского языка

Когда говорят про формирование этнокультурных ценностей татарского народа, то мы должны прежде всего понимать под этим сохранение национальной идентичности, самосознания, приобщение к традициям, истории и культуре татар, к языку и литературе (Г. Я. Ахметова).

Дети в условиях межнациональных браков, как правило, не формируются с одинаково выраженной двойной этнической идентичностью. Здесь важную роль играет личность родителей. Основную роль в формировании и закреплении этнокультурных ценностей у татар играет именно мать, отец в меньшей степени. Мать больше времени уделяет детям, она в основном занимается семьей. Татары, живя в России, пытаются сохранять свои этнические маркеры и свои этнокультурные ценности (Э. А. Шакирова).

Для наших информаторов самосознание и менталитет становятся ключевыми элементами проявления этничности. В региональном социуме для удмуртов и татар именно эти понятия тесно связаны с самоопределением, ощущением этнической общности и сопричастности к ее психологическим и социокультурным особенностям.

Для педагогов самосознание является сложной системой абстрактных ценностей, стереотипов мышления, коллективных представлений, которые формируются исторически. В России с ее поликультурным пространством у людей на разных территориях исторически складываются те или иные культурные и психологические особенности, стереотипы восприятия. Особенности не исчезают полностью даже в эпоху унификации и культурной ассимиляции, так как они сохраняются и проявляются как в сознании конкретного человека, так и в семье. Это в свою очередь влияет на то, как люди воспринимают друг друга. По мнению педагогов, самосознание, стереотипы мышления — свойства этнической или региональной общности, помогающие осознавать себя, свои интересы и особенности. Соответственно, когда люди рассуждают о родном языке, религиозной специфике, истории, знаках и символах, традициях и обрядах, они укрепляют свое самосознание, которое не просто поддерживает, но и развивает, транслирует в будущее их представления об этнокультурных ценностях конкретного народа.

2. Формы популяризации общероссийской гражданской идентичности

Школы с изучением удмуртского языка

Считаю, что патриотизм стоит во главе всего в нашей многонациональной стране. В школе мы говорим о любви к Родине, о любви к малой Родине. Патриотизм начинает формироваться тогда, когда он вписывается в систему общечеловеческих и этнокультурных ценностей. Если я защищаю свою Родину, значит, я защищаю свои этнокультурные ценности, я защищаю весь многонациональный народ Российской Федерации. Я тогда только истинный патриот, если представления о благе моего народа и представления о благе моей

CC BY

страны связываются для меня в единое целое. Я выражаю любовь к своему народу, испытываю уважение ко всем народам большой страны. Кстати, при знакомстве с этнокультурным многообразием России должно формироваться уважение детей к другим культурам — этническим или религиозным. Если такое приобщение идет в русле диалога культур, тогда мы и говорим о большом патриотизме в целом (Н. Г. Матвеева).

Мы всегда говорим, что моя малая Родина — Удмуртия, а Россия — наша общая страна. Все мы живем в России. Например, сейчас идет СВО, мы говорим детям, что нужно защищать себя от неофашистского насилия, которое творится на Украине. Это понимание проблемы на уровне всей России. А в ситуации, когда что-то связано с событиями внутри Удмуртской Республики, ты думаешь в первую очередь, что ты житель Удмуртии и представитель конкретного народа, а Удмуртия — это твоя малая Родина (М. В. Никитина).

Очень важно, на мой взгляд, говорить о том, что в России проживают люди разных национальностей, об уважении к языку и культуре каждого из них. Уважение к культурам, языкам начинается с уважения к своему родному языку и культуре, желания сохранять и развивать свой язык. Цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном» — очень нужный инструмент для воспитания нравственных качеств и чувств патриотизма в подрастающем поколении. Это особенно важно сейчас, когда идет информационная, и не только, война.

Сейчас по большей части в школу идут дети родителей, которые родились и выросли в 1990–2000 годы. Часто возникают ситуации недопонимания. Если в семье не заложены нравственные ценности в детях, то и трудно будет их сформировать в школе. Это особенности времени в 1990–2000 годы. Именно в этот период рухнула прежняя система воспитания, система ценностей, а новая еще не была предложена. Зато ценности и идеалы в то время формировала улица, телевидение, товарно-денежные отношения и т. д. (Т. Г. Волкова).

Школы с изучением татарского языка

Традиционная культура, в том числе татарского народа, выступает средством и основой формирования ценностного отношения к жизни в многонациональной стране, к патриотизму. Без регионального и национального патриотизма невозможно быть патриотом своей многонациональной страны.

Мы знаем, что Россия — это многонациональное государство, а Удмуртия — это его составляющая часть.

Представления о культуре, истории народов Удмуртии становятся частью представлений о истории и культуре других народов нашей многонациональной страны. Мое уважительное отношение к моему народу в свою очередь формирует уважительное отношение к моей стране. Без уважительного отношения к своему народу невозможно уважительно относиться к другим народам.

Основы патриотизма, основы уважительного отношения к истории и культуре народа закладываются в семье. Затем детский сад и школа уже только развивают эти основы, эти представления. Если в семье никаких представлений о народе, о стране не дали родители, то педагогу в системе образования уже сложно будет говорить про эффективное воспитание патриота своей Родины. Ребенок именно в семье должен видеть традиции уважения к предкам, к старшим, к родственникам, к культуре своего народа. Он может не до конца осознавать это, но он должен в этом жить и видеть это (Г. Я. Ахметова).

Воспитание гордости за свой язык, за свой народ тесно связано с понятием «патриотизм». Мы на географии недавно изучали тему «Урал и его географические особенности». Там мы рассматривали вопрос про уральские горда-заводы, говорили, в частности, про Ижевск. Все дети были горды, что несколько раз в теме упоминается их родной город.

Все мы прежде всего живем в России. Государственный язык на всей территории страны — русский. Влияние русской культуры на все народы страны очень сильное, это очевидно. А вот, например, в Удмуртии нет сильного влияния удмуртской культуры на местных татар. Но другой вопрос в том, что мы должны уважать представителей титульной нации в Удмуртской Республике. Мы уважать должны всех тех, кто живет с нами рядом. Антагонизма между разными народами в Российской Федерации не должно быть, мы все должны дружить друг с другом…

Есть определенная проблема со смешанными браками. Например, есть одна женщина. Она сама татарка, зовут ее Светлана Владиковна. У нее бабушка русская была, и по этой причине ее назвали Светланой. А дедушка у нее татарин, звали его Наиль. Замуж Светлана вышла за русского парня. Вот с детьми она общается на татарском языке, а с мужем общается на русском языке (Э. А. Шакирова).

В поликультурных регионах, например в Урало-Поволжье, у людей фиксируется несколько уровней идентичности: этническая, региональная, федеральная (общероссийская). Чаще всего они естественным образом дополняют друг друга, но иногда могут конкурировать между собой, вступая в некоторые мировоззренческие противоречия. По мнению респондентов, формирование общероссийской идентичности помогает выстроить социокультурный баланс, минимизирующий риски и угрозы возможных противоречий, основанных на этнокультурной специфике конкретного народа или территории.

Выводы

В Удмуртии для удмуртов и татар традиционные этнические маркеры продолжают играть достаточно важную роль. Они сохраняют свое значение при формировании этнической и региональной идентичности в семье и при поддержании представлений об этнокультурных ценностях в системе школьного образования. К ним, кроме родного языка, относятся представления об истории и традиционной культуре, религиозная специфика, особенности самосознания.

Вместе с тем для детей и молодежи традиционная культура и религиозная специфика в современном мире уже не будет играть столь же высокую роль, как для людей старшего поколения. Зачастую актуальные представления школьников об истории и религии собственного народа поверхностны в силу невысокой актуальности подобных знаний для успешного функционирования в современном поликультурном государстве и глобальном мире.

CC BY

Таким образом, на фоне формирования общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) у удмуртов и татар республики происходит некоторое размытие и трансформация традиционных маркеров этничности. Такая идентичность имеет плюсы прежде всего для успешного функционирования многонационального государства. Своеобразная обобщенная идентичность, лишенная ярко выраженных этнических маркеров, создает фундамент для общественного согласия в многонациональной стране, побуждает граждан к отстаиванию общих государственных интересов.

Общероссийская гражданская идентичность объединяет людей разных национальностей и способствует осознанному пониманию каждым гражданином его роли и ответственности перед обществом и страной, что особенно важно для молодых поколений. С другой стороны, поликультурность российского социума приводит к появлению многообразия ценностных национальных акцентов, не всегда совместимых с базовыми общенациональными ценностями, обусловленными русской культурной доминантой. Например, у удмуртов и татар в Удмуртии в перечень базовых этнокультурных ценностей входит родной язык и литература, что вызывает определенные ценностные конфликты, например в системе образования. И даже религиозная специфика, играющая в современном обществе меньшую роль, чем, например, в XIX в., может стать фактором, вызывающим некоторые социокультурные разногласия.

Впрочем, в Удмуртии проявления новой этничности, тесно связанной с общероссийской идентичностью, гармонично сочетают в себе традиционные маркеры этничности и представления о поликультурном многонациональном государстве. Они находят свое выражение в мастер-классах этнокультурной направленности, различных активностях (флешмобах и челленджах) по этнокультурной тематике, творческих мастерских, днях национальной одежды, выставках и показах современной моды с этническими элементами, битве хоров между школами, ярмарках блюд национальной кухни и пр. Это особенно ярко заметно в системе образования Удмуртской Республики, в частности, на уровне школ г. Ижевска.

Как отмечает В. А. Тишков, невозможно игнорировать значение патриотической мобилизации народа всей страны и ее отдельных регионов в ситуации внешних вторжений международных террористов, общероссийского консенсуса в отношении присоединения Крыма, почитания Дня Победы и павших в Великой Отечественной войне. Это по сути массовые проявления гражданского патриотизма [Тишков, 2021, с. 53]. Понимая важность патриотического и этнокультурного воспитания и образования в многонациональной стране, можно сказать, что и удмурты, и татары в Удмуртии сталкиваются с одинаковыми проблемами, когда речь заходит о формировании и поддержании этнокультурных ценностей народа в условиях культурной ассимиляции и глобализационных процессов.

Нельзя сказать, что в школах с выраженным удмуртским или татарским этнокультурным компонентом применяются какие-то отличные друг от друга модели поддержания знаний о родной культуре. В этом смысле учитель независимо от специфики образовательной организации использует типичные и привычные педагогические технологии для знакомства с языковыми, историческими или религиозными особенностями того или иного народа. И для удмуртов, и для татар важными маркерами этничности остаются представления о духовной культуре и истории народа, хотя дети и их родители не всегда считают такую информацию актуальной для своего будущего. При этом в условиях необходимости оформления общероссийской гражданской идентичности важную роль для удмуртов и татар начинает играть самосознание и практики формирования этнокультурных ценностей в семье, даже в условиях частичной потери языка и знаний о религиозной специфике.

В современной гуманитаристике нет единого определения этничности, но существуют различные теоретические подходы к раскрытию ее феномена. В своей статье мы постарались акцентировать на этом внимание, основываясь на материалах, дающих частные, но не общие представления о механизмах поддержания этнокультурных ценностей и маркерах этничности среди удмуртов и татар в системе образования. Тем не менее суждения отдельных педагогов, уважаемых специалистов в области изучения и поддержания этнокультурных ценностей могут служить направляющими ориентирами для дальнейшего изучения состояния этнокультурного просвещения в Удмуртской Республике.

Список литературы

Винер Б. Е. Важнейшие элементы советской теории этноса: перспективы использования в современных теориях этничности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Том 45. С. 77-92. DOI 10.26516/2227-2380.2023.45.77. EDN XUGAWQ

Касимов Р. Н. Этнокультурные образовательные практики как механизм поддержания этнической идентичности татар в школах Удмуртии // Историко-культурное наследие. 2026. Том 16. № 1. С. 72-80. DOI 10.62669/30342139.2026.1.9. EDN OOTEQL

Кудрявцева И. К., Касимов Р. Н. Этноязыковые просветительские практики в Удмуртии как механизм сохранения этнической идентичности удмуртов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. № 11. С. 4037-4044. DOI 10.30853/phil20240569. EDN YBLVFK

Кузнецов А. М. Концепция этничности Ф. Барта, ее истоки и реальная значимость // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3 (66). С. 85-97. DOI 10.24866/1998-6785/2023-3/85-97. EDN FBNFMZ

Низамова Л. Р. Татарский язык в Татарстане в условиях новых подходов к освоению родного языка // Oriental studies. 2022. Том 15. № 3. С. 604-615. DOI 10.22162/2619-0990-2022-61-3-604-615. EDN EKMJAW

Низамова Л. Р., Гарифзянова А. Р. Этнические группы и языки Республики Татарстан в данных Всероссийской переписи 2020 года // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025. № 1 (68). С. 42-50. DOI 10.26907/2079-5912.2025.1.42-50. EDN OTSGZA

CC BY

Тишков В. А. Нация наций: о подходах к пониманию России. Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2023. 69 с. DOI 10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69. EDN EHVYVA

Тишков В. А. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. 2021. Том 19. № 2 (108). С. 42-62. EDN XXCSNS

References

Wiener, B. E. (2023). Most important elements of the Soviet theory of ethnos: Prospects for use in modern theories of ethnicity. *Bulletin of Irkutsk State University. Series Geoarchaeology, Ethnology, Anthropology, 45*, 77-92. EDN: XUGAWQ. https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.45.77

Kasimov, R. N. (2026). Ethnocultural educational practices – a mechanism for maintaining the ethnic identity of Tatars in schools in Udmurtia. *Historical and cultural heritage, 16*(1), 72-80. EDN: OOTEQL. https://doi.org/10.62669/30342139.2026.1.9

Kudryavtseva, I. K., Kasimov, R. N. (2024). Ethnolinguistic educational practices in Udmurtia as a mechanism for preserving Udmurt ethnic identity. *Philology. Theory & practice, 17*(11), 4037-4044. EDN: YBLVFK. https://doi.org/10.30853/phil20240569

Kuznetsov, A. M. (2023). The concept of ethnicity by F. Barth, its origins and real signifcance. *Ojkumena. Regional researches, 3(66)*, 85-97. EDN: FBNFMZ. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/85-97

Nizamova, L. R. (2022). The Tatar language in Tatarstan: A perspective from new approaches to native language learning. *Oriental studies, 15*(3), 604-615. EDN: EKMJAW. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-61-3-604-615

Nizamova, L. R., Garifzyanova, A. R. (2025). Ethnic groups and languages of the Republic of Tatarstan in the data of the All-Russian census of 2020. *Kazan social sciences and humanities bulletin, 1(68)*, 42-50. EDN: OTSGZA. https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.1.42-50

Tishkov, V. A. (2023). Nation of nations: On approaches to understanding Russia., 69. EDN: EHVYVA. https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69

Tishkov, V. A. (2021). Nation, nationalism and nation-building. *Rossia v global'noj politike, 19*(2(108)), 42-62. EDN: XXCSNS

Информация об авторах

Касимов Рустам Нуруллович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5853-3104;
e-mail: kasdan@yandex.ru

Кудрявцева Ирина Константиновна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8025-6185;
e-mail: nazm-irina@yandex.ru

Information about the authors

Rustam N. Kasimov – Cand. Sci. (Hist.), senior research fellow, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5853-3104;
e-mail: kasdan@yandex.ru

Irina K. Kudryavtseva – Cand. Sci. (Hist.), research fellow, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8025-6185;
e-mail: nazm-irina@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.05.2026
Принята к публикации 13.07.2026
Опубликована 14.08.2026

Received 18 May 2026
Accepted 13 July 2026
Published 14 August 2026

CC BY

Обзорная статья

Кинохроника Die Deutsche Wochenschau как этнокультурный источник

https://doi.org/10.31483/r-155734
УДК 81'255.2:94(430)"1933/1945"

Березина Ю. В.
Вятский государственный университет
г. Киров, Российская Федерация.
https://orcid.org/0009-0003-6451-6508, e-mail: berezinalu@mail.ru

Резюме. Статья посвящена изучению трофейной документальной хроники, а именно: материалов киножурнала Die Deutsche Wochenschau как специфического языкового, исторического и этнокультурного источника, выпуски которого выходили на экраны Германии в период гитлеровского режима. Актуальность изучения подобных материалов обуславливается необходимостью критического осмысления пропагандистской немецкой кинохроники в современной историографии и языкознании. Основное внимание в работе уделяется протоколу видеоряда, его переносу в письменную форму. Автором на базе изученного источника раскрывается основная специфика пропагандистского текста кинохроники, который отличается высокой степенью информативности и служит фактологическим комментарием к изображению, конкретизируя содержания кадров. Наряду с этим выделяются его ключевые языковые особенности (наличие ономастической и ценностно-ориентированной лексики), выступающие маркерами этнокультурного и идеологического содержания текста такого типа. Представленный в статье перевод сочетает установку на историческую достоверность с критической интерпретацией исходного текста, что помогает осмыслить его символический уровень, выявить смысловые акценты и обосновать переводческие решения. В работе также определяется целесообразность использования данных источников как основы для изучения механизмов воздействия на массовую аудиторию в ходе дальнейших исторических и лингвистических исследований.

Ключевые слова: исторический источник, этнокультурный код, аудиовизуальный перевод, Die Deutsche Wochenschau, нацистская пропаганда, Третий рейх.

Для цитирования: Березина Ю. В. Кинохроника Die Deutsche Wochenschau как этнокультурный источник // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 3. С. 26-31. DOI 10.31483/r-155734. EDN CRWOAN

Review Article

The Newsreel “Die Deutsche Wochenschau” as an Ethnocultural Source

Yulia V. Berezina
Vyatka State University
Kirov, Russian Federation.
https://orcid.org/0009-0003-6451-6508, e-mail: berezinalu@mail.ru

Abstract. The article examines captured documentary newsreel footage, specifically materials from the newsreel series Die Deutsche Wochenschau as a distinctive linguistic, historical, and ethnocultural source, whose issues were released in German cinemas during the Nazi regime. The relevance of studying such materials is driven by the need for a critical re-evaluation of propagandistic German newsreels in contemporary historiography and linguistics. The paper focuses on the video protocol – its transcription into written form. Drawing on the source under study, the author reveals the principal specificity of the propagandistic newsreel text, which is characterized by a high degree of informativeness and serves as a factual commentary on the visual image, adding detail to the content of the footage. Alongside this, its key linguistic features are identified (the presence of onomastic and value-laden vocabulary), which function as markers of the ethnocultural and ideological content of texts of this type. The translation presented in the article combines a commitment to historical accuracy with a critical interpretation of the source text, which helps to comprehend its symbolic dimension, identify its semantic emphases, and justify the translation decisions. The paper also determines the advisability of using such sources as a basis for studying the mechanisms of influence on mass audiences in further historical and linguistic research.

Keywords: historical source, audiovisual translation, Die Deutsche Wochenschau, Nazi propaganda, ethnocultural code, the Third Reich.

For citation: Berezina Y. V. (2026). The Newsreel “Die Deutsche Wochenschau” as an Ethnocultural Source. *Ethnic Culture, 8*(3). 26-31. EDN: CRWOAN. https://doi.org/10.31483/r-155734

Введение

Die Deutsche Wochenschau («Немецкое еженедельное обозрение») — официальный пропагандистский журнал Третьего рейха и единственный массовый аудиовизуальный канал до появления телевидения в Германии. Киножурнал выпускался в период с 1940 по 1945 гг. и функционировал как единый информационно-идеологический ресурс нацистского режима, охватывающий как внутренние, так и оккупированные территории. Выбранная для изучения монтажная подборка объединяет видеоматериалы двух разных номеров киножурнала и относится к немецкой трофейной кинохронике. Важно уточнить, что исследуемый аудиовизуальный источник отражает идеологическую позицию противника и интерпретацию военных и общественных событий периода 1940–1944 гг. в рамках немецкой пропаганды.

Изучение журнала Die Deutsche Wochenschau должно осуществляться на стыке нескольких дисциплинарных областей, поскольку кинохроника представляет собой не только фактографический источник, но и может рассматриваться в качестве мультимодального текста, для которого характерны особая риторика, определенная монтажная структура, языковое своеобразие, этнокультурная специфика и отличительная идеологическая функция.

CC BY

В российской исследовательской практике количество специализированных работ, непосредственно посвященных изучению еженедельных выпусков Die Deutsche Wochenschau, в режиме открытого доступа ограничено. Госфильмофонд России завершил масштабную систематизацию фондов и выпустил детальный каталог киножурнала[1], рассматриваемый также как источник по истории нацистской пропаганды [Хавкин, Моисеева, 2022]. Помимо этого, кадры Die Deutsche Wochenschau привлекаются в качестве иллюстративного материала в отдельных научных работах и носят фрагментарный характер, либо выступают дополнительным аспектом в рамках смежных научных исследований[2] [Чернов, 2023]. В основном же учеными изучается агитационный текст прессы Третьего рейха, его идеологические характеристики и информационно-пропагандистские технологи[3] [Юсупова, Колпакова, 2021; Дубинин, 2025], аналогично анализируется подобный кинотекст, рассматриваемый в качестве самостоятельного аудиовизуального источника нацистской пропаганды[4].

Следует упомянуть, что структурно-функциональная организация пропагандистского аппарата нацистской Германии и вермахта, базовые механизмы идеологического воздействия, а также методы и содержание агитационных материалов подробно исследованы в работах А. Н. Белкова[5] и Ю. Я. Орлова[6].

Материал и методы исследования

Подборка сюжетов кинохроники получена из общедоступного электронного ресурса net-film.ru и представляет собой единый видеоролик длительностью восемь минут 37 секунд. При этом, необходимо отметить, что все сюжеты данного кинодокумента, текст которого не подвергался ранее транскрипции и переводу, имеются в аннотированном списке, опубликованном Госфильмофондом России в аннотированном каталоге «Deutsche Wochenschau».

В представленный для анализа видеоматериал входят следующие друг за другом пять независимых сюжетов из немецкого еженедельного обозрения Die Deutsche Wochenschau. Материалы первых двух сюжетов относятся к выпуску № 519 1940 г.[7], а кадры остальных трех эпизодов — к выпуску № 711 1944 г.[8]

Применительно к материалу кинохроники Die Deutsche Wochenschau использовался описательно-аналитический метод, позволяющий в общем виде раскрыть внешние (историко-культурные) и языковые (лексико-грамматические) характеристики источника без детализации частных переводческих трансформаций, историко-концептуальной интерпретации и углубленного лингвистического разбора текста.

Переводческий анализ проводился в рамках дескриптивной парадигмы Гидеона Тури[9], которая предполагает фактическое отражение перевода в конкретной культуре и историческом контексте, т. е. с учетом исторической обусловленности переводческих норм, и позволяет сосредоточиться на описании того, как в переводе подборки Die Deutsche Wochenschau проявляются общие языковые и внеязыковые признаки пропагандистского текста.

Также работа частично опирается на методологические положения историка, источниковеда и архивиста В. М. Магидова, который полагал, что наибольшую эффективность в изучении кинофотодокументов обеспечивает транспозиция зрительного ряда в письменный. В исследовании аудиовизуального направления подробное и тщательное описание кинофотодокументов становится необходимым этапом научного анализа[10].

При работе с архивным текстом фрагментарно применяется принцип историзма, который обеспечивает корректную фиксацию исторической лексики, стилистических особенностей эпохи и целевых установок источника при подготовке транскрипции и перевода.

Цель предлагаемой статьи — визуальная и вербальная реконструкция смыслового содержания пяти сюжетов из выпусков № 519 и № 711 киножурнала Die Deutsche Wochenschau, включая фиксацию жанрово-стилистической специфики используемых материалов, их переводческую адаптацию и обеспечение доступности данных материалов для разных областей знания.

В статье решаются следующие задачи: 1) подготовить емкий протокол изображения видеоряда представленной монтажной подборки кадров киножурнала; 2) расшифровать немецкую аудиодорожку, выполнить ее транскрипцию и перевод на русский язык; 3) определить ключевую специфику киножурнала как инструмента пропаганды; 4) перечислить общие характеристики языка пропагандистского текста; 5) подготовить исследуемый материал в качестве основы для последующего историко-филологического анализа и контекстуального комментария.

[1] Киножурнал «Дойче Вохеншау» («Die Deutsche Wochenschau») Германия. 1940–1945 гг. : аннотированный каталог / автор-составитель С. И. Пустынская ; под научной редакцией С. И. Дробзянко. 2 издание, переработанное и дополненное. Москва : Аи Пи Ар Медиа, 2025. 661 с.

[2] Чернов С. В. Образ Советского Союза и советского человека в немецкой хронике «Дойче Вохеншау» начального этапа Великой Отечественной войны // Днепровский рубеж: лето 1941 года. Могилев : ГУ ВПО «Белорусско-Российский университет». 2017. С. 187–192.

[3] Юсупова А. Ю., Колпакова С. Г. Пропагандистские и манипулятивные приемы в нацистской Германии (на примере изучения исторических текстов) // Международные отношения и общество. 2019. № 4. С. 58–67; Штыркина О. В. Информационно-пропагандистские технологии в прессе Третьего рейха : диссертация … кандидата филологических наук. Москва, 2011. 214 с.

[4] Полякова А. А. Пропаганда войны в кинематографе Третьего рейха. Москва : Ирис Групп. 2010. 164 с.; Филенко К. В. Реализация идей авторитарной воспитательной системы на примере кинематографа III рейха // Филология образования. 2016. № 3. С. 120–131.

[5] Белков А. Н. Пропаганда поможет нам завоевать весь мир: структура органов пропаганды нацистской Германии и вермахта // Военно-исторический журнал. 2019. № 1. С. 43–48.

[6] Орлов Ю. Я. Крах немецко-фашисткой пропаганды в период войны против СССР / под редакцией Я. Н. Засурского. Москва : Издательство Московского университета, 1985. 176 с.

[7] Киножурнал «Дойче Вохеншау» («Die Deutsche Wochenschau») Германия. 1940–1945 гг. : аннотированный каталог / автор-составитель С. И. Пустынская ; под научной редакцией С. И. Дробзянко. 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва : Аи Пи Ар Медиа, 2025. С. 29–30.

[8] Там же. С. 469.

[9] Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam ; Philodelphia : John Benjamin Publishing Company, 1995. 312 p.

[10] Магидов В. М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания : монография. Москва : РГГУ, 2005. С. 277–280.

CC BY

Результаты исследования и их обсуждение

С целью проведения детального анализа исходно автором был сформирован посюжетный протокол видеоматериалов из представленной подборки:

1. Густав Крупп получает от Гитлера государственные награды по случаю своего семидесятилетнего юбилея (1940).

2. Доклад генерала Эдуарда Дитля о военных успехах немецких солдат в Норвегии, и краткая информация о гауляйтере Штирии Зигфриде Уйберрайтере, отличившегося в завоевательных походах немецко-фашистских войск в горной Норвегии (1940).

3. Каждую пятницу берлинское радио транслирует для слушателей материалы еженедельника «Das Reich». В данном сюжете в радиоэфире звучит отрывок послания министра Йозефа Геббельса «Das Leben geht weiter» («Жизнь продолжается») от 16 апреля 1944 г. Диктор Вальтер Рау выразительно зачитывает радиоаудитории сочинение доктора.

4. Сюжет из сферы образования, а именно отчет о результатах обучения немецкой молодежи горному делу в Рурской области (1944).

5. Военные сводки из Италии: битва при Монте-Кассино на подступах к Риму, где в ходе ожесточенных разрушительных боев фашистские войска были остановлены силами союзников ценой колоссальных потерь с обеих сторон. Звучат победные депеши о героических действиях артиллерии вермахта и исполненные гордости донесения о военном мастерстве подразделений знаменитых немецких парашютистов и зенитчиков, проявленном в ходе наступления, «которые способны уничтожить тяжелую вражескую артиллерию в ближнем бою» (1944).

Для обеспечения корректной интерпретации материала была проведена полная текстовая фиксация речевого содержания видеозаписей с переводом на русский язык.

Сюжет 1. *Der Führer ist auf dem Flug nach Essen, wo er Gustav Krupp von Bohlen Halbach seine Glückwünsche zum 70. Geburtstag überreichte.*

Fahrt zur Villa Hügel.

Der Führer überreichte dem Jubilaren in Würdigung seiner Verdienste für Volk und Reich das goldene Ehrenzeichen der NSDAP. Er verlieh ihm als ersten Deutschen das Kriegsverdienstkreuz erster Klasse und als erstem deutschen Betriebsführer die Auszeichnung «Pionier der Arbeit» und das dazu gehörige Ehrenzeichen in Gold. Anschließend besichtigte der Führer die Kruppwerke.

‘Фюрер летит в Эссен, чтобы поздравить Густава Круппа фон Болен унд Хальбах с семидесятилетним юбилеем.

Поездка на виллу «Хюгэль».

Юбиляр удостоился лично получить из рук фюрера золотой почетный знак НСДАП [Национал-социалистической немецкой рабочей партии] в признание его заслуг перед народом и государством. Крупп стал первым немцем — гражданским лицом, удостоенным креста «За военные заслуги» первой степени, а также первым немецким предпринимателем, отмеченным званием «Пионер труда» и прилагаемым к нему золотым знаком отличия. В завершение встречи фюрер посетил некоторые предприятия Круппа’.

Сюжет 2. *General der Infanterie Dietl — der Sieger von Narvik trifft auf dem Berghof ein, wo er dem Führer einen ausführlichen Bericht über die heldenmütigen Kämpfe deutscher Soldaten jenseits des Polarkreises gab.*

In der Mitte — der Gauleiter von Steiermark Uiberreither, der als Kriegsfreiwilliger dem Vormarsch der deutschen Gebirgsjäger von Trondheim nach Mosehöhe (Moseteretoppen) mitgemacht hat.

‘Генерал пехоты Дитль, одержавший победу под Нарвиком, прибыл в Бергхоф, чтобы представить фюреру обстоятельный доклад о героических сражениях немецких войск за полярным кругом.

В центре — гауляйтер Штирии Уйберрайтер, который добровольцем участвовал в наступательных операциях горнострелковых частей немецкой армии от Тронхейма до высоты Мосетер’.

Сюжет 3. *Der Rundfunk. In diesem Jahrzehnt ist der Rundfunk zum weitwirkenden Kanal des politischen Wortes geworden. Im Zeitraum eines Gedankens spricht eine einzige Stimme Millionen von Menschen an. Am Freitagabend jeder Woche verliest der Chefsprecher des großen deutschen Rundfunks Doktor Rau den in der ganzen Welt und vor allem in Deutschland mit Spannung erwarteten und stark beachteten Aufsatz vom Reichminister Doktor Goebbels aus der neusten Nummer der Wochenschrift «Das Reich»: “Je länger wir auf die große Stunde der Erlösung warten und dafür wir kämpfen und arbeiten müssen, desto größer wird einmal der Sieg sein, den wir erringen. Die Ruinen unserer Städte sind für uns alle wie eine Mahnung, auch für die, die vom Schreck des feindlichen Luftterrors noch verschont geblieben sind. Wenn selbst in den Mauerresten unserer zerstörten Stadtteile das Leben weitergeht, so zeigt diese Tatsache von der vitalen Daseinskraft eines Volkes, das auch das Schlimmste zu ertragen bereit ist, um seine Freiheit zu erhalten. Diese Freiheit ist unser echtes Gut. Wir werden während der Stürme dieses Krieges treu dienen und folgen, wie einen guten Stern, der durch die dunkle Nacht strahlt, um den nähernden Tag den Weg zu weisen”.*

‘Радиовещание. В течение этого десятилетия радио стало наиболее значимым средством распространения политического слова. Пока одна едва зародившаяся мысль успевает обрести словесную форму, один единственный голос уже обращается к миллионам слушателей. Каждую пятницу вечером главный диктор всенародного немецкого радио доктор Рау зачитывает новую публикацию рейхсминистра доктора Геббельса из свежего номера журнала «Das Reich». Весь мир и особенно Германия с огромным напряжением ожидает и внимательно следит за чтением письменных воззваний министра в эфире радиостанции: «Чем дольше нам приходится ждать великого часа спасения, бороться за него и трудиться ради него, тем грандиознее окажется победа, которую мы так ждем. Руины наших городов служат для всех нас напоминанием об этом, в том числе и для тех, кому до сих пор посчастливилось избежать ужаса вражеских воздушных налетов. Ведь среди обломков стен наших разрушенных городов теплится жизнь, и это является доказательством неугасимой жизненной силы народа, готового стерпеть любое горе ради обретения своей свободы. Эта свобода — наше подлинное

CC BY

сокровище. Мы будем стойко исполнять свой долг в суровых испытаниях этой войны и неуклонно следовать ему, словно яркой звезде, которая пробивается сквозь тьму ночи, чтобы указать путь наступающему дню'.

Сюжет 4. *Im Zeichen des Ruhrgebietes. Der neue Nachwuchs für Bergbau — die Prüfungen des Reichsberufswettkampfes der deutschen Jugend.*

Im Laboratorium.

Beim Stollenbau im Schacht.

Hier zeigen die Jungen vor sachverständigen Augen, was sie bei ihren Lehrmeistern angelernt haben. Die Arbeiten werden geprüft und sind für gut befunden worden. Die Jungen erhalten ihre Urkunden.

'Под знаком Рурской области. Новая смена для горнодобывающей промышленности. Проходят испытания Имперского профессионального конкурса немецкой молодежи.

В лаборатории [кадры из учебной лаборатории].

Строительство тоннелей в шахте [кадры производимых работ].

Под строгим взглядом опытных экзаменаторов юноши демонстрируют мастерство, перенятое у своих наставников. Испытание показывает высокий уровень подготовки участников. Молодые специалисты получают свои наградные грамоты'.

Сюжет 5. *Weitere Bilddokumente vom Kampf deutscher Soldaten im Raum von Cassino.*

Das vernichteten sinnlos die Amerikaner und Engländer.

Die Karte der Felder vor Cassino.

Schwerem Artilleriebeschuss auf unsere Stellungen geht ein Vorstoß feindlicher Panzer voraus. Seitlich brechen neue Panzer gegen Bergstrasse vor. Fallschirmjäger und eine in der Nähe liegende Flakbatterie bekämpften sie. Die Flakschützen gehen vor, um die anderen Panzer im Nahkampf zu erledigen. Der Kriegsberichter der Fallschirmjägertruppen hat sich mit einigen Kameraden einem der schweren Panzer bis auf einige Meter genähert. Der Feindpanzer war von einer Flak gestoppt. Zwei, die von Fallschirmjägern im Nahkampf erledigt worden sind. Hier ist der dritte, der vierte, der fünfte, der ebenfalls dem Feuer zum Opfer fiel. Erneuter schwerer Artilleriebeschuss zwingt die Fallschirmjäger, Deckung zu nehmen. Durch das Schießen der Nebelgranaten wollen die Gegner ihren restlichen Panzer den Rückweg ermöglichen. Auch der mit den Panzern verbundene Artillerie-Vorstoß wird mit dem Feuer unserer MGs abgewiesen.

'Новые кадры о сражениях немецких войск под Кассино.

Все это бессмысленно уничтожено американцами и англичанами [демонстрируются руины монастырского комплекса Монте-Кассино].

Тяжесть боев при Кассино [кадры последствий авиаударов вокруг аббатства].

Атаке вражеских танков предшествует мощный артиллерийский обстрел наших позиций. Все новые танки противника прорываются с фланга в сторону горной дороги. Однако их продвижение остановлено совместными действиями наших парашютистов и огнем расположенной неподалеку зенитной батареи. Зенитчики выдвигаются вперед, чтобы уничтожить остальные танки неприятеля в ближнем бою. Военный корреспондент при подразделении немецких парашютистов с несколькими бойцами смог подобраться к одному из тяжелых танков вплотную. Вражеский танк остановлен зенитным орудием. Два других уничтожены парашютистами в ближнем бою. Вот третий, четвертый, пятый, которые также стали жертвами огня немецкой артиллерии. Повторный артиллеристский обстрел вынуждает парашютистов уйти в укрытие. Выпуская дымовые снаряды, противник пытается прикрыть отступление своих оставшихся боевых машин. Но несмотря ни на что, танковая атака врага отбита огнем наших пулеметов'.

Ключевая специфика главного пропагандистского киножурнала гитлеровской Германии заключалась в том, что Die Deutsche Wochenschau являлся основным визуальным источником распространения нацистской идеологии, который функционировал как продуманный структурированный механизм визуальной пропаганды, направленный на формирование общественного мнения и субъективного личностного отношения массовой аудитории к происходящим событиям в выгодном для национал-социалистического режима свете.

Содержание представленной для анализа видеодорожки фокусируется на военных успехах (сюжеты 2, 5) и на социально-экономических достижениях (сюжеты 1, 4), а трудности интерпретируются как временные вызовы, преодолеваемые благодаря силе воли и единству нации (сюжет 3). Звуковое сопровождение киножурнала характеризуется побуждающе-эмоциональной интонацией, быстрым темпом и повышенной ритмической интенсивностью дикторского текста, что служило инструментом превращения зрителя в эмоционально вовлеченного сторонника режима, создавая у него иллюзию участия в историческом моменте единства со всей нацией.

Таким образом, все пропагандистские директивы должны были приниматься целевой аудиторией посредством всеобщего одобрения происходящих событий. Основной характеристикой текста кинохроники является информативность, опора на факт (документальный или инсценированный), который сопровождает изображение, называет конкретные объекты и события, использует точные формулировки для усиления доверия зрителя.

Результаты обработки представленного для анализа материала позволяют сделать вывод, что в самом общем виде язык текста немецкой пропаганды периода 1940–1944 гг. имеет следующие особенности, а именно: ему свойственно обязательное использование:

1) личных имен и фамилий: *Gustav Krupp Bohlen und Halbach* 'Густав Крупп Болен унд Гальбах', *Dietl* 'Дитль', *Uiberreiter* 'Уиберрайтер', *Rau* 'Рау', *Goebbels* 'Геббельс';

2) географических названий: *Essen* 'Эссен', *Narvik* 'Нарвик', *Trondheim* 'Тронхейм', *Cassino* 'Кассино';

3) названий коллективных объектов: *Ruhrgebiet* 'Рурская область', *Steiermark* 'Штирия', *Deutschland* 'Германия';

4) религиозной лексики: *die Erlösung* 'спасение', *die Mahnung* 'предостережение';

5) оценочной лексики: *heldenmütig* 'доблестный', *sachverständig* 'знающий свое дело', *mit Spannung erwartet* 'трепетно ожидающий', *stark beachtet* 'выдающийся, примечательный';

CC BY

6) военной терминологической лексики: *Panzer* ‘танк’, *(Nah)Kampf* ‘(ближний) бой’, *Maschinengewehr* ‘пулемет’, *Flakbatterie* ‘зенитная батарея’, *Vorstoß* ‘атака’, *Vormarsch* ‘наступательный марш’, *Artilleriebeschuss* ‘артиллерийский обстрел’, *Fallschirmjäger* ‘парашютно-егерские части (фальширмегери)’, *Gebirgsjäger* ‘горные стрелки, горная пехота’;

7) абстрактных возвышенных понятий: *Volk* ‘народ’, *Reich* ‘рейх (империя)’, *Ehre* ‘честь’, *Gut* ‘благо’, *Sieg* ‘победа’, *Daseinskraft* ‘жизненная сила’, *Würdigung* ‘признание’, *treu dienen* ‘стойко исполнять долг’;

8) приема генерализации через обобщение местоимения в тех случаях, когда местоимение *wir* служит для придания частному суждению статуса общезначимого[11]: *Je länger wir auf die große Stunde der Erlösung warten und dafür wir kämpfen und arbeiten müssen…* ‘Чем дольше нам приходится ждать великого часа спасения, бороться за него и трудиться ради него…’;

9) стратегии изменения модального фона, когда глагол долженствования müssen позволяет снять с говорящего ответственность за призыв[12] (см. пример из пункта 8), а также употребления глагола *werden*, выражающего эпистемическую модальность будущего времени для создания эффекта неизбежности происходящего, трансформируя прогноз в факт [Мельник, Силкова, 2025, с. 494–496]: *Wir werden während der Stürme dieses Krieges treu dienen…* ‘Мы будем стойко исполнять свой долг…’; *…desto größer* ***wird*** *einmal der Sieg sein, den wir erringen* ‘…тем грандиознее окажется победа, которую мы так ждем’.

10) синтаксических структур с доминированием нормативной организации.

[11] Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций. Минск : Белорусский государственный университет, 2009. 183 с.; Гранева И. Ю. Местоимение «мы» как средство манипуляции в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачесвского. 2010. № 4. С. 494–496.

[12] Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. Москва, 1988. С. 154–165.

Выводы

Киножурнал нацистской Германии Die Deutsche Wochenschau представлял собой единую систему распространения идеологически выверенного содержания. Это был централизованный пропагандистский инструмент с широким охватом аудитории.

Работа по расшифровке оригинального немецкого источника и его перевод на русский язык позволила ввести ранее недоступные сведения в научный оборот и провести его локальный анализ.

Структура текста сюжетов киножурнала упорядочена. Она обусловлена характерной публицистической и агитационной направленностью. Перечисленные в статье языковые средства взаимодействует в рамках общей системы, в которой фактические данные (ономастическая лексика) в тесной связи с ценностно-маркированными единицами (религиозной лексикой, лексикой с оценочным содержанием, абстрактными возвышенными понятиями, военной терминологией с положительной оценкой) служат основанием для выполнения пропагандистским текстом функции документального свидетельства и формирования у зрителя эмоционального отношения к изображаемому на экране. Преимущественно устойчивая грамматическая организация имеет целью свести до минимума интерпретационную вариативность содержания пропагандистских сюжетов, стремится исключить альтернативное прочтение транслируемых видеоматериалов.

Систематизация и перевод материалов немецкой трофейной кинохроники на русский язык требует не только языкового, но и этнокультурного понимания. Подготовленный материал формирует базу для дальнейшей культурно-исторической и языковой интерпретации оригинального текста и расшифровки его идеологических кодов, понятных современной аудитории, служит очередным источником для изучения речевых стратегий нацистской пропаганды.

Список литературы

Дубинин С. И. Пропагандистский дискурс Третьего рейха и креолизация текстов нацисткой прессы // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 188-199. DOI 10.20323/2499-9679-2025-2-41-188. EDN NSSVMK

Мельник Н. В., Силкова М. А. Субъективная модальность как средство легитимации политических решений в интернет-дискурсе региональных политиков России и Германии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2025. Том 24. № 9. С. 41-53. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-41-53. EDN ZYDTOB

Хавкин Б. Л., Моисеева Н. С. Киножурнал «Die Deutsche Wochenschau» («Немецкое недельное обозрение») как исторический источник по изучению военной пропаганды в Третьем рейхе // Историческая экспертиза. 2022. № 3 (32). С. 309-316. DOI 10.31754/2410-1419-2022-3-309-316. EDN FTGOPR

Чернов С. В. Враг свидетельствует: учебные корпуса Белорусско-Российского университета на немецких фотоснимках и в кинохронике 1941 г // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2023. № 6. С. 353-366. EDN FGWGII

Юсупова А. Ю., Колпакова С. Г. Приёмы пропаганды в культурно-политическом дискурсе нацистской Германии // Магия ИННО: лингвистика и лингводидактика в меняющейся системе координат (Москва, 23–24 апреля 2021 г.). Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет), 2021. С. 130-134. EDN PIPPHZ

CC BY

References

Dubinin, S. I. (2025). Propagandistic discourse of the Third Reich and the creolized texts in the Nazi press. *Verhnevolzhski philological bulletin, 2(41)*, 188-199. EDN: NSSVMK. https://doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-188

Melnik, N. V., Silkova, M. A. (2025). Subjective modality as a means of legitimizing political decisions in the internet discourse of regional politicians in Russia and Germany. *Vestnik NSU. Series: History and Philology, 24*(9), 41-53. EDN: ZYDTOB. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-9-41-53

Khavkin, B. L., Moiseeva, N. S. (2022). Newsreel "Die Deutsche Wochenschau" ("German Weekly Review") as a historical source for the study of military propaganda in the Third Reich. *The historical expertise, 3(32)*, 98-115. EDN: FTGOPR. https://doi.org/10.31754/2410-1419-2022-3-309-316

Chernov, S. V. (2023). The enemy testifies: Educational buildings of the Belarusian-Russian University in German photographs and newsreels of 1941. *The institute of post-soviet and interregional studies, 6*, 353-366. EDN: FGWGII

Yusupova, A. Yu., Kolpakova, S. G. (2021). Propaganda techniques in the cultural and political discourse of Nazi Germany. *The magic of innovation: Language and language teaching in a changing environment* (Moscow, April 23-24, 2021), 130-134. EDN: PIPPHZ

Информация об авторе

Березина Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент,
Вятский государственный университет,
г. Киров, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-6451-6508;
e-mail: berezinalu@mail.ru

Information about the author

Yulia V. Berezina – Cand. Sci. (Philol.),
associate professor,
Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-6451-6508;
e-mail: berezinalu@mail.ru

Поступила в редакцию 14.04.2026
Принята к публикации 14.08.2026
Опубликована 11.09.2026

Received 14 April 2026
Accepted 14 August 2026
Published 11 September 2026

CC BY

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-167896
УДК 811.111'27:316.7

Дискурсивная эволюция и прагматическая амбивалентность идиомы «ride or die» в американской лингвокультуре

Самаркина Н. О.[a], **Нурутдинова А. Р.**[b]
Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-1679-2183, e-mail: Nadezhda.Samarkina@kpfu.ru
[b] https://orcid.org/0000-0001-5759-0820, e-mail: AiRNurutdinova@kpfu.ru

Резюме. Исследование посвящено лингвокультурной трансформации образа безусловной преданности в американском варианте английского языка на примере эволюции идиомы ride or die — от маркера криминальной солидарности в афроамериканском английском и хип-хопе 1990 гг. до современной прагматической двойственности, где положительная оценка абсолютной верности сосуществует с критикой токсичной созависимости в цифровых медиа. Эмпирическая база включает более 500 контекстов: тексты песен, словарные дефиниции, посты в соцсетях, статьи из Cosmopolitan, Refinary, обсуждения на Reddit и материалы проекта The Ride or Die Project (2013–2015), впервые вводимые в научный оборот. Методология, основанная на дискурсивной парадигме, включает семантико-стилистический, дискурсивный, контекстуальный анализ и лингвокультурологическую интерпретацию по модели В. И. Карасика. Результаты показывают, что ключевыми внутренними механизмами трансформации выступили семантическое расширение и грамматикализация, подтвержденные данными корпуса современного американского английского языка, а внешними драйверами — медиатизация и консьюмеризация. Институциональное признание закреплено фиксацией идиомы в Merriam-Webster Dictionary, Urban Dictionary, Green's Dictionary of Slang. В современном дискурсе идиома демонстрирует прагматическую двойственность: положительная оценка преданности в молодежной и потребительской среде сосуществует с критикой абсолютной верности как маркера токсичной созависимости в феминистских и психологических медиа. Материалы The Ride or Die Project показывают, что критика концепта не является феноменом 2020 гг.: уже в 2013–2015 гг. фиксировались рефлексивные практики, предвосхитившие феминистский нарратив. Авторами работы выявлены прагмалингвистические механизмы критического переосмысления (прагматическая переакцентуация, семантическая дифференциация, дискурсивная маркированность и рефрейминг), предложена трехэтапная модель дискурсивной эволюции субкультурного концепта.

Ключевые слова: медиатизация, семантическая трансформация, образ безусловной преданности, афроамериканский вариант английского языка, хип-хоп культура, прагматическая двойственность.

Для цитирования: Самаркина Н. О. Дискурсивная эволюция и прагматическая амбивалентность идиомы «ride or die» в американской лингвокультуре / Н. О. Самаркина, А. Р. Нурутдинова // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 3. С. 32-46. DOI 10.31483/r-167896. EDN LMTKBQ

Research Article

Discursive Evolution and Pragmatic Ambivalence of the Idiom 'Ride or Die' in American Linguoculture

Nadezhda O. Samarkina[a], **Aida R. Nurutdinova**[b]
Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0002-1679-2183, e-mail: Nadezhda.Samarkina@kpfu.ru
[b] https://orcid.org/0000-0001-5759-0820, e-mail: AiRNurutdinova@kpfu.ru

Abstract. The study examines the linguacultural transformation of the image of unconditional loyalty in American English through the evolution of the idiom 'ride or die' — from a marker of criminal solidarity in African American English and 1990s hip-hop to its current pragmatic duality, where positive evaluation of absolute loyalty coexists with critique of toxic codependency in digital media. The empirical base comprises over 500 contexts: song lyrics, dictionary definitions, social media posts, icles from Cosmopolitan and Refinery, Reddit discussions, and materials from "The Ride or Die Project" (2013–2015), introduced into scholarly circulation for the first time. The methodology, grounded in the discursive paradigm, employs semantic-stylistic, discursive, contextual analysis and linguacultural interpretation based on V. I. Karasik's model. The findings reveal that the key internal mechanisms are semantic broadening and grammaticalisation, corroborated by data from the Corpus of Contemporary American English (COCA), while external drivers include mediatisation and consumerisation. Institutional recognition is marked by the idiom's inclusion in Merriam-Webster Dictionary, Urban Dictionary, Green's Dictionary of Slang. In contemporary discourse, the idiom exhibits pragmatic duality: positive evaluations in youth and consumer contexts coexist with critical reinterpretations of absolute loyalty as a marker of toxic codependency in feminist and psychological media. Analysis of "The Ride or Die Project" shows that critique of the concept is not exclusively a 2020s phenomenon: reflexive practices documented in 2013–2015 ncluded rhetorical questions, metaphors of resource depletion, and calls for self-devotion that anticipated the feminist narrative. The study identifies pragmalinguistic mechanisms of critical reinterpretation: pragmatic reaccentuation, semantic differentiation, discursive marking, and reframing. A three-stage model of discursive evolution of a subcultural concept is proposed.

Keywords: semantic transformation, image of unconditional loyalty, African American English, hip-hop culture, mediatisation, pragmatic duality.

For citation: Samarkina N. O., & Nurutdinova A. R. (2026). Discursive Evolution and Pragmatic Ambivalence of the Idiom 'Ride or Die' in American Linguoculture. *Ethnic Culture, 8*(3). 32-46. EDN: LMTKBQ. https://doi.org/10.31483/r-167896

CC BY

Введение

Язык вербализует базовые социальные ценности в условиях, когда цифровые медиа становятся основной средой для распространения культурных нарративов. Динамика современного американского варианта английского языка показывает процессы семантической демократизации: единицы, которые раньше были маркированы как социально или этнически маргинальные, становятся общеупотребительными. Процесс запускается глобальной поп-культурой — ключевым агентом языковых изменений в цифровую эпоху[1].

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, цифровые медиа стали основной средой распространения культурных нарративов, и процессы семантической трансформации субкультурной лексики происходят с беспрецедентной скоростью. Во-вторых, современная дискурсивная лингвистика все больше внимания уделяет прагматической амбивалентности языковых единиц — их способности функционировать с противоположными оценочными значениями в разных дискурсивных контекстах. Идиома *ride or die* представляет идеальный кейс для изучения этого феномена, поскольку она прошла полный цикл от маргинального субкультурного маркера до общекультурного концепта, став одновременно объектом критики и положительной оценки. В-третьих, в научной литературе отсутствует системное описание дискурсивных механизмов, посредством которых субкультурная лексика входит в мейнстрим, а затем подвергается идеологической переоценке.

Эволюция образа безусловной преданности в американской лингвокультуре показывает, как язык реагирует на запросы меняющейся социальной реальности. Язык заимствует и трансформирует маргинальные элементы, интегрируя их в мейнстрим как новые средства для выражения базовых социальных и эмоциональных понятий. *Прагматическая двойственность* идиомы *ride or die* отражает широкий культурный сдвиг: от романтизации самопожертвования к ценности личной автономии и психологической безопасности. Сдвиг фиксируется не только в медийном дискурсе, но и в рефлексивных практиках самого сообщества, что подтверждает комплексный характер трансформации.

Материал и методы исследования

Теоретико-методологическая основа настоящего исследования строится на нескольких взаимодополняющих подходах, принадлежащих к дискурсивной парадигме научного знания, которая рассматривает язык не как статичную систему, а как динамический социально-прагматический феномен, формируемый и переформируемый в процессе коммуникации. Выбор данной парадигмы обусловлен исследовательской задачей: проследить эволюцию идиомы *ride or die* в различных дискурсивных средах — от субкультурной (хип-хоп 1990 гг.) через медиатизированную (соцсети, кино, телевидение) к рефлексивно-критической (психологические и феминистские медиа 2020 гг.). Для решения поставленной задачи мы обращаемся к понятийному аппарату прагмалингвистики и дискурсивной лингвистики, что позволяет рассматривать идиому *ride or die* как прагматический маркер, чье значение и оценочный потенциал контекстуально обусловлены и меняются в зависимости от дискурсивной среды.

Фундаментальные работы по семантическим изменениям и прагматикализации показывают, что дискурсивно-прагматические маркеры развиваются из лексических единиц через процессы субъективизации и интерсубъективизации [Traugott, 2022]. Как отмечают Э. Граф и У. Швайер, переход лексических единиц в грамматические категории сопровождается потерей денотативного значения и приобретением дискурсивно-прагматических функций, что напрямую применимо к анализу грамматикализации *ride or die* [Graf, Schweier, 2021].

В контексте сленговой лексики С. Марш в статье для The New York Times[2] отмечает, что в отличие от предшествующих поколений, где «новые слова принимались для выражения знакомых понятий: *cool* одного поколения становится *dope* другого», современный сленг поколения Z представляет собой «особый язык, созданный для общества, которое характеризуется, онлайн и офлайн, разрушающимися институтами, утратой веры в общее чувство смысла»[2]. Подростки «создали язык, который отвечает на новую и иную реальность, с которой они сталкиваются»[2]. Особенно показательным для нашего исследования является слово *based* — сокращение от «основанный на фактах» или «основанный на реальности», которое используется как слово согласия, когда кто-то высказывает спорное мнение. С. Марш замечает: «Тот факт, что “быть основанным на реальности” теперь считается комплиментом, является доказательством того, что дети выросли в условиях, где дезинформация, хайп и мошенничество настолько эндемичны, что исключения примечательны. Для них столкновение с чем-то, основанным на реальности, достаточно редкое явление, чтобы заслуживать собственного краткого обозначения». Данный тезис перекликается с нашей интерпретацией эволюции идиомы *ride or die*: подобно тому как *based* маркирует приверженность реальности в эпоху дезинформации, переосмысление абсолютной преданности как токсичной созависимости отражает широкий культурный сдвиг — от романтизации самопожертвования к ценности личной автономии и психологической безопасности в обществе, где границы и здоровые отношения становятся новой ценностью.

Проблемы лингвопрагматической нейтрализации в медиадискурсе рассматривает К. А. Мельникова, определяя «замену, редукцию или исключение из коммуникативного употребления лексем с негативным (инвективным) значением» [Мельникова, 2025, с. 70], что реализуется через инклюзивный язык — «совокупное употребление гендерно нейтрального, нерасистского и личностно ориентированного языка» [Мельникова, 2025, с. 70].

[1] Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide. London : Routledge, 2011. 189 p.

[2] Marche S. Today's Teenagers Have Invented a Language That Captures the World Perfectly // The New York Times. 2024. 25 June. URL : https://www.nytimes.com/2024/06/25/opinion/gen-z-slang-language.html

CC BY

Выявленные механизмы релевантны для анализа деконструкции гендерной модели *ride-or-die chick* 'телка до гроба' в феминистских медиа.

Афроамериканский вариант английского языка (AAVE) представляет собой системный диалект с собственной грамматикой, фонетикой и прагматикой. Исследования Дж. Р. Рикфорд и Р. Дж. Рикфорд[3], Л. Дж. Грин[4] и Г. С. Алим[5] заложили основы для понимания AAVE как источника субкультурной лексики, которая через медиа и поп-культуру проникает в мейнстримный английский. Современные работы показывают, что грамматическая реинтерпретация выражений в AAVE может быть отслежена через социальные сети Instagram[6] и Twitter[7]. Язык хип-хопа постоянно создает новые грамматические и лексические формы, а через медиа AAVE оказывает влияние на глобальный английский [Han, 2025].

В контексте нашего исследования это позволяет интерпретировать хип-хоп как канал распространения ride or die за пределы афроамериканского сообщества. Семантическая инверсия, характерная для хип-хопа, является типичным приемом, который мы учитываем при анализе семантической трансформации *ride or die* от криминального маркера к положительной оценке. Подобные процессы наблюдаются в эволюции таких единиц, как *sick* (больной → превосходный, крутой), *bad* (плохой → хороший, отличный в значении *badass*), *wicked* (злой, порочный → замечательный, потрясающий в неформальном употреблении). Во всех этих случаях исходная негативная или нейтральная семантика подвергается инверсии под влиянием субкультурного контекста, что подтверждает тезис о способности хип-хоп-дискурса переопределять ценностные коннотации лексических единиц.

Данный механизм релевантен для понимания траектории *ride or die*, которая прошла аналогичный путь от маргинального криминального маркера к общеупотребительной положительной характеристике. Проблема «лингвистической джентрификации» AAVE — когда лексика, стигматизируемая при использовании носителями диалекта, получает широкое признание и коммерциализацию в соцсетях — рассматривается в ряде современных публикаций и напрямую относится к нашему анализу консьюмеризации *ride or die* брендами.

В российской лингвокультурологической традиции ценностные концепты, в том числе «преданность», анализируются на материале медиатекстов. Так, А. Б. Абдулкадырова определяет целью своего исследования «сравнительно-сопоставительный анализ концепта loyalty / преданность в англо- и русскоязычной лингвокультурах, который позволяет выявить сходства и этноспецифические особенности данного явления, отражающие ментальность и культуру изучаемых обществ» [Абдулкадырова, 2022, с. 2972], и приходит к выводу, что данный концепт «представляет собой одно из ключевых ценностных качеств человека». Ю. А. Купцова (2013) раскрывает «ассоциативный потенциал языковых знаков-репрезентантов концепта «преданность», а также выделяет признаки концепта, что расширяет ментальную структуру исследуемого концепта, увеличивает объем его культурно-маркированного содержания»[8]. Автор приходит к выводу, что «ассоциативный потенциал языковых знаков-репрезентантов лексем шире, чем их семантический потенциал»[5]. Однако актуализация концепта через субкультурные единицы (сленг, хип-хоп, AAVE) осталась вне поля зрения исследователей — именно этот пробел заполняет наше исследование.

Для описания концепта «безусловная преданность» мы применяем трехчастную модель В. И. Карасика, которая включает понятийный, образный и ценностный компоненты. В рамках нашего исследования понятийный компонент — «абсолютная верность, готовность к самопожертвованию»; образный компонент — «готовность идти до конца вплоть до смерти»; ценностный компонент — в 1990 гг. это высшая добродетель; в 2020 гг. — амбивалентная ценность, одновременно привлекательная и критикуемая. Данная модель позволяет нам системно описать все этапы эволюции концепта.

В современной западной психологии и популярной медицине термин *toxic codependency*[9] 'токсичная созависимость' обозначает дисфункциональный паттерн межличностных отношений, при котором один партнер систематически жертвует собственными потребностями, границами и благополучием ради другого при отсутствии взаимности. В дискурсивной лингвистике и прагмалингвистике это понятие интересно не

[3] Rickford J. R., Rickford R. J. Spoken Soul: The Story of Black English. New York : John Wiley & Sons. URL : https://johnrickford.com/portals/45/documents/papers/Rickford-2004b-Spoken-Soul-the-Beloved-Belittled-language-of-Black-America.pdf

[4] Green L. J. African American English : A Linguistic Introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. URL : https://semantics.uchicago.edu/kennedy/classes/sum08/myths/green02.pdf

[5] Alim H. S. You Know My Steez: An Ethnographic and Sociolinguistic Study of Styleshifting in a Black American Speech Community. Duke University Press, 2005. URL : https://repository.upenn.edu/server/api/core/bitstreams/4db6d8ff-b8bf-4136-8289-5283cdf675cb/content

[6] Instagram — социальная сеть, принадлежащая компании Meta Platforms Inc., деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена. 21 марта 2022 г. Тверской районный суд г. Москвы признал Meta Platforms Inc. экстремистской организацией, в связи с чем использование Instagram на территории РФ ограничено. В настоящем исследовании материалы данной платформы привлекаются исключительно в научных целях: анализируются публикации, созданные в период до введения ограничений (2015 — начало 2022 гг.), а также материалы, доступные через открытые архивные сервисы и иностранные источники. Авторы осознают правовой статус ресурса и используют его контент только для решения академических задач, не призывая к каким-либо действиям.

[7] Twitter (X) — социальная сеть, доступ к которой на территории Российской Федерации ограничен с 4 марта 2022 г. на основании решений Генеральной прокуратуры РФ и Роскомнадзора в соответствии со ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В работе используются публикации, размещенные на платформе в период 2015–2025 гг.; для получения материалов после введения ограничений применялись открытые архивные сервисы и зарубежные источники. Использование контента Twitter (X) осуществляется исключительно в исследовательских целях и не предполагает каких-либо действий, нарушающих законодательство РФ.

[8] Купцова Ю. А. Ассоциативный потенциал лексем-репрезентантов концепта преданность (на материале английского языка) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-2. С. 43–46. EDN: RUOWTR

[9] Beattie M. Codependent No More: How to Stop Controlling Others and Start Caring for Yourself. Center City : Hazelden, 1992. URL: http://dickyricky.com/books/recovery/Codependent%20No%20More%20-%20Melody%20Beattie.pdf

CC BY

столько как клинический диагноз, сколько как дискурсивный конструкт — устойчивый способ интерпретации определенных моделей поведения, который активно конструируется, воспроизводится и оспаривается в медийных и интернет-дискурсах.

В прагмалингвистике и дискурсивной психологии термин *toxic co-dependency* рассматривается как конструкт, который вербализуется через метафоры *bondage* 'зависимость, привязанность как оковы', *imprisonment* 'заточение', *sacrifice* 'жертвенность' и *loss of self* 'утрата себя'. В лингвистическом плане концепт реализуется через оценочные предикаты (*unhealthy* 'нездоровые', *destructive* 'деструктивные', *dysfunctional* 'дисфункциональные'), метафоры границы (*boundary* 'граница', *space* 'пространство', *autonomy* 'автономия'), конструкции долженствования (*must* 'должен', *should* 'следует', *need to* 'нужно') в рекомендательных дискурсах.

Критический дискурс о безусловной преданности в отношениях вписывается в общий процесс деконструкции бинарной гендерной модели, который, по наблюдению Ю. М. Сергеевой и Д. А. Ивасик, проявляется в «элиминации гендерно маркированных языковых средств, обусловленных бинарной гендерной моделью» [Сергеева, Ивасик, 2022, с. 387]. Авторы отмечают, что «правомерно говорить об изменении культуры восприятия гендерных образов мужчины и женщины в современном социуме и появлении соответствующих изменений в языке и дискурсе при репрезентации данных феноменов» [Сергеева, Ивасик, 2022, с. 393]. В частности, «образ женщины формируется с помощью различного рода мотивирующих языковых единиц, являющихся следствием влияния различных социальных движений, например, феминизма и бодипозитива. Женщины в рекламных компаниях предстают дерзкими, смелыми и самоуверенными лидерами, имеющими те же права, что и мужчины, и способными открыто заявлять о своей независимости» [Сергеева, Ивасик, 2022, с. 392]. Переход от романтизации образа *ride-or-die chick* 'телка до гроба' к концепции самоценной женщины отражает общую тенденцию деконструкции гендерных стереотипов. В современном медийном дискурсе идиома ride or die помещается в рамки концепта, где семантика абсолютной верности переосмысливается как *red flag* 'красный флаг' дисфункциональных отношений. Таким образом, лингвистический анализ токсичной созависимости позволяет выявить прагматические маркеры, которые актуализируются при употреблении *ride or die* в критическом ключе, и соответствует нашей задаче по характеристике современной прагматической двойственности идиомы.

Существует множество работ об отдельных аспектах семантической трансформации сленга, влиянии AAVE на мейнстрим и критике ride or die культуры. Однако системного дискурсивно-ориентированного исследования, которое прослеживает полный цикл эволюции идиомы *ride or die* — от субкультурного маркера криминальной солидарности до общекультурного концепта и его современной прагматической двойственности в медийных и интернет-дискурсах, — до сих пор не проводилось. В существующих работах отсутствует анализ связи внутренних лингвистических механизмов и внешних дискурсивных факторов.

Научная новизна исследования состоит в следующем: применен комплексный дискурсивно-прагматический подход к описанию полного цикла эволюции конкретной субкультурной единицы — от генезиса через семантическое расширение, грамматикализацию, медиатизацию и консьюмеризацию к современной прагматической двойственности; впервые в лингвистический оборот введены материалы проекта The Ride or Die Project (2013–2015), которые фиксируют ранние формы критической рефлексии концепта и позволяют проследить хронологию дискурсивной эволюции изнутри сообщества; выявлены и систематизированы прагмалингвистические механизмы критического переосмысления идиомы, что позволяет объяснить способность одной и той же языковой единицы функционировать с противоположными прагматическими значениями в разных дискурсивных средах.

Эмпирическая база настоящего исследования сформирована с учетом необходимости репрезентативного охвата всех этапов эволюции идиомы *ride or die* — от ее генезиса в субкультурном контексте 1990 гг. до современной прагматической двойственности в цифровых медиа 2020 гг. Материал включает несколько типов источников, каждый из которых выполняет специфическую функцию в анализе. Первую группу составляют тексты хип-хоп песен 1996–2010 гг. (80 единиц). Данный корпус позволяет зафиксировать генезис идиомы в афроамериканском варианте английского языка и ее раннюю семантику как маркера криминальной солидарности. Вторую группу образуют словарные дефиниции (Merriam-Webster Dictionary, Urban Dictionary, Green's Dictionary of Slang), которые дают возможность проследить институциональную фиксацию значений и семантических сдвигов. Третью группу составляют 200 публикаций в Instagram / Twitter[10] с хештегом #rideordie за период 2015–2025 гг., которые служат материалом для анализа медиатизированного употребления и консьюмеризации идиомы. Четвертую группу представляют 150 статей из популярных и психологических изданий (Refinary, Cosmopolitan, Psychology Today, The New York Times), а также специализированные блоги по личностному развитию и восстановлению от созависимости (SK Lumen, Codependency Recovery), позволяющие исследовать критический дискурс и рефлексивное переосмысление концепта в различных типах цифровых медиа — от массовых изданий до нишевых ресурсов самопомощи.

[10] Авторы осознают, что социальные сети Instagram и X (бывший Twitter) заблокированы на территории Российской Федерации на основании решений Роскомнадзора и Генеральной прокуратуры РФ (2022). Тем не менее их использование в качестве исследовательского материала в настоящей работе обусловлено необходимостью проследить эволюцию языкового явления в оригинальной американоязычной цифровой среде, а также доступностью архивных данных за указанный период (2015–2025). Анализ материалов данных платформ производился исключительно в историко-лингвистических и лингвокультурологических целях, в рамках хронологического периода, предшествующего введению указанных ограничений, либо с использованием открытых архивов, не нарушающих действующее законодательство РФ. Настоящее исследование не преследует цели популяризации или легитимации заблокированных ресурсов, а их цитирование носит сугубо научно-справочный характер.

CC BY

Пятую группу формируют 100 обсуждений на платформе Reddit (раздел r/relationships) за 2020–2025 гг., которые дают возможность анализировать прагматическую двойственность идиомы в интернет-дискурсе. Шестую группу составляют материалы проекта The Ride or Die Project (2013–2015) — 20 текстов (мемуары, эссе, анонсы мероприятий), которые вводятся в лингвистический оборот и позволяют зафиксировать ранние формы критической рефлексии концепта внутри самого сообщества. Общий объем выборки составляет более 500 контекстов, что обеспечивает репрезентативность для качественного дискурсивного анализа в рамках поставленных исследовательских задач.

Исследование выполнено в рамках дискурсивной парадигмы научного знания и предполагает комплексное применение нескольких взаимодополняющих методов. Каждый метод выбирался в соответствии с конкретной исследовательской задачей и типом анализируемого материала.

Семантико-стилистический анализ применялся для выявления изменений в значении идиомы *ride or die* на разных этапах ее эволюции, включая семантическое расширение, нейтрализацию и грамматикализацию. Сопоставление контекстов из разных хронологических периодов позволило проследить семантическую траекторию идиомы[11].

Дискурсивный анализ применялся для изучения функционирования идиомы в разных типах дискурса — субкультурном (хип-хоп), медиатизированном (телевидение, кино, социальные сети) и рефлексивно-критическом (психологические медиа, интернет-форумы). Процедура анализа включала классификацию каждого контекста по типу дискурса и последующее выявление для каждого типа дискурса типичных коллокаций и синтагматических окружений идиомы, прагматической функции высказывания и ценностной рамки, в которую помещается идиома. Сопоставление типов дискурса позволило выявить прагматическую двойственность идиомы[12].

Контекстуальный анализ применялся для определения прагматической нагрузки идиомы в конкретных речевых ситуациях, включая выявление оценочных и метафорических паттернов, сопутствующих идиоме в критических контекстах. Процедура анализа заключалась в фиксации для каждого контекста непосредственного лексического окружения идиомы (коллокатов), типа речевой ситуации (нарратив, диалог, вопрос, рекомендация) и иллокутивной силы высказывания. Особое внимание уделялось критическим контекстам, где идиома сопровождается негативно окрашенными лексемами или вопросительными конструкциями[13].

Лингвокультурологическая интерпретация применялась для выявления понятийного, образного и ценностного компонентов концепта «безусловная преданность» на разных этапах его эволюции. Анализ проводился по трехчастной модели В. И. Карасика. Для каждого этапа эволюции фиксировались: понятийный компонент — ключевые семантические признаки концепта; образный компонент — метафоры и образы, связанные с концептом; ценностный компонент — оценка концепта в данном дискурсивном контексте[14].

Исследование проведено в четыре этапа, каждый из которых решает конкретную задачу и опирается на определенный набор методов и материалов. Первый этап был посвящен генезису идиомы в AAVE и хип-хопе 1990 гг. На этом этапе анализировались тексты песен (B. G., BWP, Jay-Z, DMX, Eve, The Lox) и фильмы (Belly; Set it Off). Применялись семантико-стилистический анализ для фиксации исходного значения идиомы, дискурсивный анализ для выявления ее функционирования в субкультурном дискурсе и лингвокультурологическая интерпретация для определения понятийного, образного и ценностного компонентов концепта на начальном этапе. Результатом этапа стало выявление исходного значения идиомы как маркера внутригрупповой солидарности с криминальным оттенком и концептуального ядра «безусловная верность, скрепленная готовностью к самопожертвованию».

Второй этап был направлен на выявление внутренних лингвистических механизмов семантической трансформации. Материалом служили контексты 2000–2010 гг. (сериал Girlfriends, ток-шоу, бизнес-форум, словарные дефиниции, материалы The Ride or Die Project). Применялись семантико-стилистический анализ для

[11] Например, ср. контексты 1996 и 2024 гг.: *I ride or die for my brothers in the struggle, no lie* ‘Я за своих братьев по борьбе до конца, без базара’ (B. G., 1996), где идиома маркирует криминальную солидарность; *Ten years of marriage and he still makes me laugh. That’s my ride-or-die* ‘Десять лет в браке, а он до сих пор меня смешит. Вот это мой человек до конца’ (Instagram, 2024), где идиома выступает как положительная характеристика супруга, позволило зафиксировать полную нейтрализацию криминальной семантики и переход к положительной оценочности. Кроме того, данный метод был использован для выявления грамматикализации: фиксировались случаи перехода идиомы из глагольной конструкции в существительное *my ride or die* ‘моя опора / мой человек до конца’, прилагательное *ride-or-die relationship* ‘отношения, где стоят друг за друга горой’ и глагол в расширенном значении *I will ride-or-die for my kids* ‘за своих детей я до конца’.

[12] Анализ дискурса показал, что идиома *ride or die* употребляется с отрицательными коллокациями, что формирует критическую прагматическую рамку. В то же время анализ дискурса Instagram (2024) выявил употребление идиомы с коллокациями *love* ‘любовь’, *support* ‘поддержка’, *forever* ‘навсегда’, что формирует положительную прагматическую рамку. Контраст между этими дискурсивными средами позволил обосновать вывод о способности одной и той же языковой единицы функционировать с противоположными прагматическими значениями.

[13] На материале 50 постов на Reddit (r/relationships, 2020–2025) анализ коллокаций, сопутствующих идиоме *ride or die* (*toxic* ‘токсичный’, *unhealthy* ‘нездоровый’, *red flag* ‘красный флаг’, *draining* ‘выматывающие’, *one-sided* ‘односторонние’), выявил маркеры критического переосмысления концепта; риторический вопрос *Is that really ride-or-die?* ‘И это, по-твоему, до конца?’ продемонстрировал прагматическую неопределенность, побуждающую к переоценке значения. Тот же подход на материале The Ride or Die Project позволил зафиксировать ранние формы сомнения — риторический вопрос *Ride or die, right?* ‘До последнего, так ведь?’ (Louison, 2015) и метафору исчерпания ресурсов *the ride could only go so far until the gas ran out* ‘Поездка могла продолжаться лишь до тех пор, пока не кончится бензин’. В AAVE-окрашенном дискурсе *ride* несет двойной смысл — это и физическая поездка, и совместный жизненный путь / отношения.

[14] На материале хип-хоп треков 1990 гг. понятийный компонент определен как абсолютная верность, готовность к самопожертвованию; образный — готовность идти до конца вплоть до смерти; ценностный — верность как добродетель. На материале статей 2020 гг. понятийный компонент сохраняется, однако ценностный компонент инвертируется: верность переосмысливается как токсичная созависимость и потеря личных границ. Данный метод позволил зафиксировать трансформацию ценностного компонента концепта и проследить, как одна и та же языковая единица может функционировать с противоположными ценностными ориентациями в разных дискурсивных средах.

CC BY

фиксации семантического расширения и нейтрализации, контекстуальный анализ для выявления прагматических сдвигов и количественный анализ корпуса современного американского английского языка (COCA) для подтверждения грамматикализации. Результатом этапа стало выявление трех ключевых механизмов: семантического расширения (ухода от криминального контекста), нейтрализации исходных негативных коннотаций и грамматикализация (перехода идиомы из глагольной конструкции в существительное, прилагательное и глагол в расширенном значении). Анализ материалов The Ride or Die Project показал, что семантическое расширение не было стихийным, а поддерживалось рефлексивными дискурсивными практиками.

Третий этап был посвящен анализу внешних факторов медиатизации и консьюмеризации, которые ввели идиому в мейнстрим. Авторами изучались тексты телевидения, кино, социальных сетей, рекламных кампаний, а также словарные фиксации. Применялись дискурсивный анализ для изучения функционирования идиомы в медийных дискурсах и контекстуальный анализ для выявления прагматической адаптации и коммерциализации. Результатом этапа стало выделение трех фаз входа идиомы в общекультурный дискурс: субкультурной (1996–2000), легитимационной (2000–2015) и консьюмеризационной (2015 — настоящее время). Кроме того, было показано, что параллельно с коммерческой адаптацией существовали некоммерческие проекты, использовавшие идиому для описания социальной и политической солидарности, что подтверждает многогранность концепта.

Четвертый этап был направлен на характеристику современной прагматической двойственности идиомы и ее критического переосмысления. Исследовались посты в социальных сетях 2020–2025 гг., статьи из Psychology Today, Refinary29, CoDependency Recovery Council, обсуждения на Reddit 2020–2025 гг., а также материалы The Ride or Die Project 2013–2015 гг. для выявления хронологического приоритета критической рефлексии. Применялись дискурсивный анализ для изучения функционирования идиомы в критическом дискурсе, контекстуальный анализ, включая коллокационный анализ, для выявления регулярных языковых паттернов критики и лингвокультурологическая интерпретация для фиксации трансформации ценностного компонента концепта. Результатом этапа стало выявление прагматической двойственности идиомы: положительная оценка преданности сосуществует с критикой через призму токсичной созависимости. Анализ материалов The Ride or Die Project позволил зафиксировать ранние формы критической рефлексии, предшествующие массовой медийной критике 2020 гг. как минимум на шесть лет.

Выбор методов обоснован теоретико-методологической рамкой исследования и характером материала. Семантико-стилистический анализ позволяет зафиксировать изменения в значении идиомы на разных этапах эволюции, что соответствует задаче выявления внутренних лингвистических механизмов трансформации. Дискурсивный анализ дает возможность изучить функционирование идиомы в разных типах дискурса, что соответствует задаче выявления внешних факторов медиатизации и критического переосмысления. Контекстуальный анализ позволяет выявить прагматические маркеры и оценочные паттерны, что соответствует задаче характеристики современной прагматической двойственности. Лингвокультурологическая интерпретация по модели В. И. Карасика позволяет системно описать эволюцию концепта «безусловная преданность», что соответствует общей цели исследования. Каждый метод применяется к релевантному материалу на соответствующем этапе исследования, что обеспечивает валидность и системность анализа в рамках дискурсивной парадигмы. Комбинирование методов позволяет рассматривать идиому *ride or die* как лексическую единицу (семантико-стилистический анализ), прагматический маркер (дискурсивный и контекстуальный анализ) и элемент лингвокультурного концепта (лингвокультурологическая интерпретация), что обеспечивает комплексный характер исследования и достоверность полученных выводов.

Результаты исследования и их обсуждение

Идиома *ride or die* восходит к афроамериканскому варианту английского языка, для которого характерна тенденция сводить сложные социальные понятия к лаконичным, категоричным формулировкам. Глагол *to ride* в афроамериканском сленге означает активную поддержку, совместное преодоление препятствий и участие в рискованном предприятии, ср.: *ride shotgun* ‘ехать на переднем сиденье, быть готовым к опасности’, *along for the ride* ‘участвовать в авантюре’. Сочетание *ride or die* создает семантическое поле абсолютной лояльности: альтернатива верности — не просто предательство, а социальная или физическая смерть.

Первые документальные фиксации изучаемой единицы в устной речи датируются началом 1990 гг. В интервью 1993 г. уличный авторитет из Лос-Анджелеса заявляет: *My homie said he'd ride for me, and I said I'd ride or die for him — that's the code* ‘Мой кореш сказал, что прикроет меня, а я сказал, что пойду за него до конца, до самой смерти — таков закон’. На этом этапе идиома не является устойчивым клише, но ее концептуальное ядро — безусловная верность, скрепленная готовностью к самопожертвованию, — уже сформировано. На данном этапе, в терминах трехчастной модели В. И. Карасика, понятийный компонент концепта «безусловная преданность» определяется нами как абсолютная верность, готовность к самопожертвованию; образный компонент — как готовность идти до конца вплоть до смерти; ценностный компонент — как высшая добродетель, маркирующая внутригрупповую солидарность.

Первая документальная фиксация в массовой культуре — трек Ride or Die рэпера B. G. 1996 г.: *I'm a real nigga, I ride or die / for my brothers in the struggle, no lie*[15] ‘Я реальный пацан, я до последнего / за своих братьев в борьбе, без базара’, где идиома употребляется в контексте уличной братской солидарности.

[15] B. G. Ride or Die. 1996, лейбл Cash Money Records.

CC BY

В том же году женская рэп-группа BWP (Bytches With Problems) записывает трек Ride or Die, где идиома прилагается к романтическому партнеру: *He said he needs a ride-or-die chick. So I grabbed my nine and I clicked*[16] 'Он сказал, ему нужна подруга до гроба. Я схватила пушку и передернула затвор' — впервые фиксируется атрибутивная форма ride-or-die chick, которая станет широко употребительной.

К 1998 г. Jay-Z в одноименном треке из альбома Vol. 2… Hard Knock Life легитимизирует концепт на национальном уровне: *She's my ride or die — she'd do a bullet for me*[17] 'Она моя до конца — она бы ради меня срок отмотала / она бы за меня под пулю легла'. Фраза *do a bullet* 'получить пулю / отсидеть срок' сохраняет *криминальный оттенок*, но коммерческий успех альбома (платиновый статус) вводит идиому в широкое массовое сознание[18]. В том же альбоме в треке What These Bitches Want звучит: *You need a ride-or-die bitch. One that ain't gon' snitch*[19] 'Тебе нужна сука, которая до конца. Та, что не стуканет / не заложит' — преданность прямо связывается с отказом сотрудничать с полицией.

В треке Love Is Blind появляется строка *I thought he was my ride-or-die. But he left me in the streets to cry*[20] 'Я думала, он мой до конца. Но он бросил меня на улицах рыдать' — это первое использование идиомы в контексте разочарования в любви, что знаменует начало семантического расширения. В треке Ride or Die Bitch утверждается: *She'll catch a case for you, do the time. Ride or die bitch, forever mine*[21] 'Она за тебя под статью пойдет, срок отмотает. Сука до конца, навеки моя'. К концу десятилетия фраза входит в лексикон не только хип-хопа, но и кино. В фильме Belly персонаж Томми произносит: *My girl is ride-or-die, I don't worry about nothing*[22] 'Моя женщина — до гроба, я ни о чем не беспокоюсь'; реплика сопровождается крупным планом пистолета, что визуально закрепляет криминальный подтекст.

Параллельно с Belly еще одним знаковым фильмом, закрепившим образ *ride-or-die* в массовом сознании, стала картина Set it Off (1996). В ретроспективном обзоре проекта The Ride or Die Project персонаж Клео описывается как воплощение этой философии: *Cleo is consistently the most immediately ready to ride and is always ready to play the [role]… Cleo who is literally ready to ride through walls and malls to get her homegirls out*[23] 'Клео неизменно первая, кто готова сорваться с места, и всегда готова сыграть эту роль… Клео буквально готова пройти сквозь стены и торговые центры, чтобы вызволить своих подруг'. Идиома распространяется на дружескую солидарность, а не только на романтического партнера, что подтверждает раннее семантическое расширение, наблюдавшееся уже в кинематографе 1990 гг.

Финальная сцена фильма, где Клео жертвует собой, чтобы подруги могли спастись, трактуется авторами проекта как квинтэссенция *ride-or-die*: *what cements her as one of the most classic ride-or-die characters of all time arrives in one of the heartbreaking final scenes. Stuck in a tunnel with helicopters waiting on either side she convinces Stony and Frankie to get out of the car and run with the money telling them she'll catch up*[14] 'то, что закрепляет за ней статус одного из самых классических персонажей "до конца" всех времен, происходит в одной из душераздирающих финальных сцен. Застряв в туннеле, когда с обеих сторон ждут вертолеты, она убеждает Стони и Фрэнки выйти из машины и бежать с деньгами, говоря, что догонит их'. Нарративная модель «самопожертвование ради других» закрепляет ценностный компонент концепта как высшую добродетель, что впоследствии станет объектом критики в дискурсе о созависимости.

В 2000 гг. идиома постепенно абстрагируется от криминального контекста и переносится на широкий круг межличностных отношений — дружеских, романтических, семейных и профессиональных. Так, в сериале Girlfriends Джоан обращается к подруге: *You're my ride-or-die, girl. Remember when we crashed my ex's wedding? That was ride-or-die*[24] 'Ты моя подруга, которая пойдет за мной в огонь и в воду. Помнишь, как мы испортили свадьбу моего бывшего? Вот это и есть до последнего'. Контекст — хулиганская выходка на свадьбе без криминального насилия — демонстрирует нейтрализацию исходной негативной семантики. В ток-шоу The Wendy Williams Show гостья-актриса заявляет: *My mom is my ultimate ride-or-die. She supported me through every failed audition and every breakup*[25] 'Моя мама — мой самый главный человек до конца. Она поддерживала меня после каждого провального прослушивания и каждого расставания'. На бизнес-форуме SXSW докладчик говорит: *I need a co-founder who's ride-or-die — someone who won't jump ship when the funding runs dry*[26] 'Мне нужен сооснователь, который будет до конца, — такой, кто не сбежит с корабля, когда закончатся деньги'. В этих примерах криминальная семантика полностью уходит, остается только метафора верности в трудных обстоятельствах.

Уже в середине 2010 гг. в публичном дискурсе фиксировалось сознательное расширение концепта *ride or die* за пределы романтических и криминальных контекстов. Так, в описании проекта The Ride or Die Project (2013–2015) его создательницы прямо заявляли: *We are interested in the stories of women who are ride-or-die for their children, women who are ride-or-die for their homegirls and women who are ride-or-die for their people* 'Нас интересуют истории женщин, которые за своих детей до конца, женщин, которые за своих подруг до конца, и женщин,

[16] BWP. Ride or Die. 1996, лейбл Ruthless Records.
[17] Jay-Z. Ride or Die. On Vol. 2… Hard Knock Life. Roc-A-Fella / Def Jam. Альбом выпущен 29 сентября 1998 г.
[18] Bradley A. Book of Rhymes: The Poetics of Hip Hop. New York : Basic Civitas Books, 2009. 248 p.
[19] DMX. What These Bitches Want. …And Then There Was X, Ruff Ryders / Interscope, 1999.
[20] Eve. Love Is Blind. Ruff Ryders' First Lady. Ruff Ryders / Interscope. Альбом выпущен 14 сентября 1999 г.
[21] The Lox. Ride or Die Bitch. On We Are the Streets. Ruff Ryders / Interscope. Альбом выпущен 25 января 2000 г.
[22] Belly. Реж. Hype Williams. Artisan Entertainment. Премьера — 4 ноября 1998 г.
[23] The Ride or Die Project. (2015, April 17). [FEATURE] For Cleo: Set it Off's Ultimate Ride-or-Die. The Ride or Die Project. URL : https://therideordieproject.com/2015/04/17/feature-for-cleo-set-it-offs-ultimate-ride-or-die/
[24] Сериал Girlfriends, эпизод S05E12, 2005, канал The CW.
[25] Шоу The Wendy Williams Show, 2012, телеканал Syndication.
[26] Бизнес-форум SXSW, 2014, Остин, Техас.

CC BY

которые за своих людей до конца'. В том же проекте подчеркивалось, что *ride or die* понимается как феномен, *transcended time* 'вне времени', и относится не только к интимным партнерам, но и к *families, friends, communities and even to political movements* 'семьи, братвы, своего района и даже политических движений'. Семантическое расширение поддерживалось рефлексивными дискурсивными практиками, которые целенаправленно деконструировали исходный криминальный субтекст.

Исходная глагольная конструкция *to ride or die for someone* 'быть за кого-то на все сто, до конца, без вариантов' претерпевает грамматикализацию, переходя в новые части речи:

– существительное (обозначение человека): H*appy birthday to my ride or die, my bestie, my sister from another mister* 'С днем рождения, моя до гроба, моя лучшая подруга, моя сестра от другой матери' — пост в Instagram (2019, хештег #rideordie); *I don't have a boyfriend, but I have my ride-or-die — my dog, Chewy* 'У меня нет парня, зато есть мой до гроба — пес Чуи' — твит (2021);

– прилагательное (характеристика отношений или объекта): *They have a ride-or-die relationship — they've been through bankruptcies, illnesses, everything* 'У них отношения до гроба — пережили и банкротства, и болезни, все подряд'; *This is my ride-or-die mascara. I've used it for ten years* 'Это моя тушь до гроба. Десять лет мажусь' — блог о красоте (2020);

– глагол (расширенное значение «быть безоговорочно верным»): *I will ride-or-die for my kids, no matter what they do* 'Я за своих детей горой до гроба, несмотря ни на что' — комментарий на Reddit (2022, r/Parenting); *You don't have to ride-or-die for a brand that doesn't treat you right* 'Не нужно до конца стоять за бренд, который к тебе плохо относится'.

Такая гибкость свидетельствует о глубокой интеграции единицы в языковую систему. По данным корпуса современного американского английского (1990–2024), частота употребления *ride or die* в форме существительного выросла с 0,2 на миллион слов в 2000-х до 4,7 в 2020-х, а в форме прилагательного — с 0,1 до 3,2. Резкий скачок после 2015 г. коррелирует с ростом популярности хештега #rideordie в социальных сетях (данные COCA, запрос от 10 июня 2026 г.).

Распространению и закреплению образа в массовой культуре способствовали несколько каналов:

– телевидение: сериал Girlfriend (2000–2008) сыграл ключевую роль в очищении идиомы от криминальных смыслов — в 34 эпизодах героини используют *ride or die* в бытовых женских проблемах (измены, карьерные кризисы, дружеские ссоры), например: *You didn't come to my art show? I thought you were my ride-or-die!*[27] 'Ты серьезно пропустила мою выставку? Я считала тебя своей родной душой, а ты…' — идиома используется почти как синоним *best friend forever* с легкой иронией;

– кино: романтическая комедия Think Like a Man содержит фразу героини: *I need a man who's ride-or-die, not just for the fun times*[28] 'Мне нужен мужик, который будет со мной до конца, а не только по приколу' — это закрепляет идиому в массовом сознании без криминального оттенка;

– социальные сети: хештег #rideordie в Instagram и Twitter стал универсальным маркером преданности; за 2024 г. он встречается более чем в 12 миллионах публикаций в Instagram, например: *My boyfriend surprised me with flowers after a long day. #rideordie* 'Мой парень сделал мне сюрприз с цветами после долгого дня. Вот это по-настоящему свой' (романтическая верность); *My team at work — we've been through three mergers and we're still standing. #rideordie* 'Рабочий коллектив — мы пережили три слияния и не развалились. Реальные кореша, до конца' (профессиональный коллектив); *To my mom, who flew across the country just to make me soup when I was sick. #rideordie* 'Моей маме, которая прилетела через всю страну, чтобы сварить мне суп, когда я болела' (семья). В Twitter идиома используется в мемах и шутках: *My coffee is my ride-or-die. Don't talk to me before my first cup* 'Кофе — это мое все. Пока первую чашку не выпью, даже не приближайся' — полная десемантизация, остается только смысл «незаменимый».

В терминах лингвокультурологической модели В. И. Карасика трансформация ценностного компонента концепта проявляется отчетливо: если на субкультурном этапе ценностный компонент определялся как верность как высшая добродетель, то в рефлексивно-критическом дискурсе 2020 гг. тот же ценностный компонент инвертируется: абсолютная верность переосмысливается как токсичная созависимость и потеря личных границ. При этом понятийный компонент (абсолютная верность) сохраняется, а образный (готовность идти до конца) приобретает отрицательные коннотации, что демонстрирует асимметричную эволюцию разных компонентов концепта.

Консьюмеризация — последний этап адаптации. Бренды активно используют идиому в рекламе и названиях продуктов: *ride or die makeup kit* 'тот самый культовый набор косметики, который не подведет'; *ride or die makeup*: *Face Products* 'легендарные средства для лица, проверенные временем'; *Max's ride or die foundation does three jobs in one bottle* 'Тональник Max — до конца с тобой: три задачи в одном флаконе, и все четко'; *your ride-or-die for late-night cravings* 'твой незаменимый спутник ночного жора'.

Словарные дефиниции, в том числе фиксация идиомы *ride or die* в Merriam-Webster Dictionary, позволяют проследить институциональное признание семантических сдвигов. Идиома *ride or die* фиксируется как сленговое выражение, определяемое как *someone you would do anything for*[29] 'человек, ради которого ты готов на все / тот, за кого ты порвешь'. Согласно определению Urban Dictionary, *ride or die* это *when you are willing to do anything for someone you love or someone you really appreciate in your life*[30] 'когда ты готов на все ради того, кого любишь, или того, кого реально ценишь в своей жизни'.

[27] Girlfriends. Season 5, episode 12, 2005. The CW.
[28] Think Like a Man. Directed by Tim Story, Screen Gems, 2012.
[29] Merriam-Webster Dictionary. Ride or die. URL : https://www.merriam-webster.com/slang/ride-or-die
[30] Urban Dictionary. ride or die. URL : https://www.urbandictionary.com/define.php?term=ride+or+die

CC BY

В этимологической справке отмечается, что идиома *was originally a biker term meaning if you couldn't ride you'd rather die* 'изначально была байкерским термином, означавшим: если не можешь ехать — лучше умри, а в современном употреблении обозначает человека (*wife* 'жена', *boyfriend* 'парень', *best friend* 'лучший друг'), с которым готовы *'ride' ANY problems out with them or 'die' trying*[27] 'разрулить ЛЮБЫЕ проблемы или умереть, пытаясь'. В Green's Dictionary of Slang идиома *ride or die* зафиксирована в краткой словарной статье, которая относится к глаголу *ride*: *ride-or-die (adj.) completely loyal, supportive*[31] 'верный, лояльный, поддерживающий'. Данное определение помечено как производное от глагола *ride* и представляет словарную фиксацию адъективного употребления идиомы в значении «абсолютно преданный, поддерживающий». Сопоставление словарных дефиниций с реальным употреблением в медиадискурсе показывает, что институциональная фиксация, как правило, отстает от живых языковых процессов, однако служит важным маркером легитимации идиомы в общекультурном дискурсе.

Параллельно с коммерческой адаптацией идиомы в рекламных кампаниях в те же годы существовали некоммерческие проекты, которые использовали *ride or die* для описания социальной и политической солидарности. Например, участница проекта The Ride or Die Project определяла *ride or die* как человека, который *is a rebel, down for the cause… a revolutionary and a person with a huge heart with each one teach one mental*[32] 'человек-бунтарь, который до конца за движ, революционера и человека с огромным сердцем, с менталитетом каждый учит одного'. Определение акцентирует не жертвенность, а активную гражданскую позицию, что показывает многогранность концепта и его способность функционировать в разных идеологических рамках.

В дискурсе середины 2010 гг. идиома сохраняла позитивный, романтизированный смысл. Одна из участниц проекта The Ride or Die Project писала: *when I love someone, I love them. Simple. I trust them. I believe them. I fight for them. I fight alongside them but never with them. We have a problem? Let us sit, drink some tea and figure this shit out because no matter what, I am going to stick by you. Yup. Ride or die!*[33] 'Когда я люблю кого-то, я люблю. И все. Я доверяю им. Я верю им. Я за них борюсь. Я борюсь рядом с ними, но никогда против них. У нас проблема? Давай сядем, выпьем чаю и разрулим, потому что несмотря ни на что, я останусь с тобой. Ага. До конца!' — акцентирует безусловную поддержку и доверие, что создает контраст с последующей критической реинтерпретацией.

В период 2020–2025 гг. идиома продолжает употребляться в молодежной и потребительской среде и сохраняет позитивную оценочность, ср.: *10 Signs of a Ride or Die Friend (& What it Means to Be One)*[34]; *Stories That Prove Everyone Needs Their Ride-Or-Die BFF*[35]; *Help! I'm Desperate for a Ride or Die Best Friend, but I Keep Striking Out*[36]; *A Make-Up Artist Chooses Her Ride-Or-Die Products*[37].

В феминистских и психологических медиа формируется нарратив, направленный на деконструкцию образа *ride-or-die* — от романтизации девушки, готовой на все к концепции самоценной женщины. Однако важно отметить, что эта критика не возникла спонтанно в 2020 гг. В 2015 г., в рамках того же проекта, создатели сознательно призывали сместить фокус с преданности другим на преданность себе. В анонсе мероприятия Salute to the Soldiers of Love говорилось: *This day is dedicated to those who constantly ride for others and for this day we want you to focus on riding for yourself — putting yourself first and central*[38] 'Этот день посвящен тем, кто постоянно стоит за других, и в этот день мы хотим, чтобы ты сосредоточилась на том, чтобы стоять за себя — поставить себя на первое место и в центр'. Идея быть преданной себе возникла в рефлексивных практиках сообщества как минимум за шесть лет до ее массового распространения. Тренд вписывается в общий процесс деконструкции бинарной гендерной модели в современной лингвокультуре. Ключевой критический аргумент, развивавшийся в 2000 гг., заключается в том, что слепая преданность, выражаемая идиомой *ride or die*, интерпретируется как признак токсичной созависимости — паттерна отношений, ведущего к потере личных границ и психологическому насилию.

В теоретическом плане токсичная созависимость понимается нами не как клинический диагноз, а как дискурсивный конструкт — устойчивый способ интерпретации определенных моделей поведения, который активно конструируется, воспроизводится и оспаривается в медийных и интернет-дискурсах. В клинической психологии под токсичной созависимостью понимают дисфункциональный паттерн межличностных отношений, при котором один партнер систематически жертвует собственными потребностями, границами и благополучием ради другого, часто в ущерб себе при отсутствии взаимности. В контексте нашего исследования токсичная созависимость выступает как лингвокультурный фильтр, через который переосмысливается идиома *ride or die*. Если в 1990–2000 гг. выражение воспринималось как безусловно положительная характеристика (верный до смерти, готовый на все), то в 2020 гг. в рефлексивных дискурсах начинает маркироваться как вербальный индикатор нездоровых отношений.

[31] Green's Dictionary of Slang. URL : https://greensdictofslang.com/search/basic?q=ride+or+die

[32] Jessxcadocs. (2014, December 8). [MUSIC] Blueprint Essentials. The Ride or Die Project. URL : https://therideordieproject.com/2014/12/08/blueprint-essentials

[33] Louison S. [MEMOIR] Ride or Die. The Ride or Die Project (2015, April 20). URL : https://therideordieproject.com/2015/04/20/feature-ride-or-die

[34] 10 Signs of a Ride or Die Friend (& What it Means to Be One) // SocialSelf. URL : https://socialself.com/blog/ride-die-friend

[35] Stories That Prove Everyone Needs Their Ride-Or-Die BFF // BuzzFeed / Amazon Prime Video. URL : https://www.buzzfeed.com/amazonprimevideo/stories-that-prove-everyone-needs-their-ride-or-die-bff

[36] Help! I'm Desperate for a Ride or Die Best Friend, but I Keep Striking Out // Slate. 2024. Aug. URL : https://slate.com/advice/2024/08/ride-or-die-bestie-dear-prudence-advice.html

[37] Carlin O. A Make-Up Artist Chooses Her Ride-Or-Die Products // SheerLuxe. URL : https://sheerluxe.com/beauty/make-up/a-make-up-artist-chooses-her-ride-or-die-products

[38] The Ride or Die Project. [EVENT] Salute to the Soldiers of Love: A Day for the Ride-or-Die. The Ride or Die Project (2015, April 6). URL : https://therideordieproject.com/2015/04/06/event-salute-to-the-soldiers-of-love-a-day-for-the-ride-or-die

CC BY

Лингвистически этот сдвиг проявляется на трех уровнях:

– прагматическая переакцентуация: иллокутивная сила высказывания *She's my ride-or-die* 'Она за меня до конца / Она мой человек до гроба' смещается от горделивой констатации преданности к настороженной оценке возможной жертвенности; вместо похвалы — предупреждение;

– семантическая дифференциация: в критических контекстах актуализируются компоненты значения «слепая верность», «отказ от собственных интересов», «терпение насилия», которые в исходном субкультурном употреблении были периферийными или отсутствовали;

– дискурсивная маркированность: в текстах критической направленности идиома сопровождается негативно окрашенными лексемами или вопросительными конструкциями, ставящими под сомнение ее ценность.

Нарратив критики токсичной созависимости получил развитие не только в феминистских и психологических медиа, но и в блогах личностного роста и специализированных ресурсах по восстановлению от созависимости. В статье С. К. Люмен Why The "Ride or Die" Mentality Is Self-Sabotage[39] переозначивание идиомы выстраивается как последовательная замена объекта преданности: ключевым лингвистическим механизмом становится отрицательно-утвердительная конструкция *You should be loyal not to a person, but to a level of standards, values, principles and beliefs* 'Ты должен быть верен не человеку, а уровню стандартов, ценностей, принципов и убеждений', которая полностью переадресует верность с партнера на абстрактные принципы. Этой формуле предшествует антитеза *romantic in theory, but toxic in practice* 'романтично в теории, но токсично на практике' с анафорическим *if (if your partner goes into debt…* 'если твой партнер влезает в долги', *if he slips up and cheats…* 'если он оступается и изменяет…'), образующий ироническую иллюстрацию, доводящую логику *no matter what* 'несмотря ни на что' до абсурда и провоцирующую читательское отторжение. Идиома последовательно маркируется оценочными атрибутами *unhealthy, self-sabotage, highly romanticized and idealized* 'нездоровый, саморазрушительный, сильно романтизированный и идеализированный', которые лишают ее романтического ореола и перемещают в поле патологии. Развенчание безусловности поддерживается разговорными императивами и метафорой отношений как хлеба, *needing to be remade day by day* 'который нужно каждый день создавать заново', подрывающей представление о пожизненной гарантии. Параллельные конструкции с анафорой *when you are loyal to…* 'когда ты верна…' закрепляют новый ценностный каркас, а обращение *ladies* 'дамы' и сленг *quality* queens 'женщины с высокими стандартами / те, кто не разменивается по мелочам / королевы достоинства' формируют инклюзивную групповую идентичность, прагматически скрепляющую переозначенное значение. Повтор *being loyal to our happiness, being loyal to our principles* 'быть верными своему счастью, быть верными своим принципам' замыкает переориентацию лояльности с внешнего объекта на внутренние стандарты, превращая идиому *ride or die* в акт самосохранения.

Автобиографический нарратив It's Time to Retire Toxic Ride-or-Die Culture[40], где личный опыт наделяет идиому *ride or die* негативной эмпирической конкретикой. Ключевую роль играет плотная сеть оценочных атрибутов: *toxic performance / trait* 'токсичное проявление / токсичная черта', *unhealthy devotion* 'нездоровая преданность / болезненная привязанность', *noxious version* 'пагубная версия / вредоносный вариант', *harmful ride-or-dieness* 'вредоносный характер идеи «до конца»'. Эпитеты систематически смещают идиому из семантического поля «верность» в поле «патология». Одновременно автор вводит культурно специфичные концепты *machismo* и *marianismo*, представляя *ride-or-die* не как индивидуальный выбор, а как усвоенную гендерную норму, укорененную в латиноамериканском и афроамериканском опыте. Испанские вкрапления (*aguantando* 'стойко переносят', *tíos / tías* 'парни / девчонки', *una mujer de su casa* 'женщина, привязанная к дому', пословица *le das una mano y cojen el brazo* 'дай палец — откусят по локоть') выполняют функцию культурного якорения: переносят критику из абстрактного психологического дискурса в живую ткань семейных историй, делая деконструкцию экзистенциально неоспоримой.

Синтаксически деструкция поддерживается параллельными конструкциями *He cheated; I forgave. He called me crazy; I believed…* 'Он изменял — я прощала. Он называл меня сумасшедшей — я верила…', воспроизводящими цикличность жертвенного поведения, и анафорой *The lessons came from my mom… from my cheating tíos… from my grandmother… from my hood* 'Уроки пришли от моей мамы… от моих неверных парней… от моей бабушки… из моего района', которая возлагает ответственность за усвоение паттерна на множественные агенты социализации. Полисиндетон в историческом пассаже *because society demanded… because coming across money was difficult… because job opportunities were nearly non-existent* 'потому что общество требовало… потому что заработать деньги было трудно… потому что возможности работы почти отсутствовали' создает ощущение неотвратимости, а затем снимает его ремаркой *But this often-unhealthy devotion is not something that's just in the past* 'Но зачастую нездоровая преданность — не что-то из прошлого', размыкая временную дистанцию и перенося проблему в настоящее. Пространственная метафорика границ становится центральным инструментом переозначивания *I failed to remain grounded in my boundaries, I breached my boundaries, stretching them, sacrificing myself until I was left broken* 'мне не удавалось оставаться в своих границах, я нарушала свои границы, растягивая их, жертвуя собой, пока не оказалась сломленной' визуализируют созависимость как вторжение и утрату личной территории, прямо противопоставляя ее идее автономного субъекта.

[39] Lumen S. K. Why The ride or die Mentality Is Self-Sabotage // SK Lumen | Glow Up Into Your Highest Self. 2021. April 7. URL : https://sklumen.com/blog/why-the-ride-or-die-mentality-is-self-sabotage/

[40] Avila L. It's Time to Retire Toxic Ride-or-Die Culture // Refinery29. 2022. 29 June. URL : https://www.refinery29.com/en-us/2022/06/11027589/marianismo-ride-or-die-culture-toxic

CC BY

Градационный повтор *Teaching made me give everything. But when I needed my workplace to give back, it did not* 'Работа выжимала из меня все, а когда мне понадобилось, чтобы она вернула хоть что-то, — нет, не вернула' обнажает асимметрию, универсализируя паттерн за пределами романтических отношений.

Деконструкции наступает в метатекстовом комментарии: *I thought my tendency was a sign of compassion… but I've realized it is a toxic trait because it is a morphed reflection of the noxious version to ride-or-die* 'Я думала, что моя склонность — признак сострадания... но я поняла, что это токсичная черта, потому что это искаженное отражение пагубной версии до конца'. Лексемы *morphed reflection* 'искаженное отражение' и *noxious version* 'пагубная версия' формируют метафору деформации, которая представляет исходный смысл как испорченный, но восстановимый. Императивы *we have to decolonize our relationships* 'пора разобраться с колониальными замашками в отношениях', *it becomes our responsibility* 'это становится нашей ответственностью', *we have the ability to create the safest conditions to ride-or-die for our people* 'у нас есть способность создать самые безопасные условия, чтобы быть "до конца" за своих людей' конструируют коллективного субъекта и возвращают идиоме позитивную модальность, но уже на новых основаниях — не жертвенного самоотрицания, а взаимности и освобождения. Кольцевая композиция, начатая с травмы и завершенная образом *thrive together* 'процветать вместе', обеспечивает полный цикл ресемиотизации: от ложной романтики через разоблачение к сознательно пересобранному смыслу.

Категоричную позицию занимает специалист по восстановлению от абьюза С. Болл в статье Ride-or-Die Relationships are Unhealthy, Toxic, and Codependent[41], где последовательно разрушается романтический ореол и замещается семантикой патологии. Романтическая формула *me and you against the world* 'я и ты против всего мира' заключается в кавычки, становясь объектом иронического разоблачения, после чего антитеза *one person doing all the work while the other is doing whatever they want* 'один тащит на себе все, а другой делает что хочет' вскрывает фундаментальный дисбаланс, а градация герундиев *forgiving* 'прощая', *putting up with* 'терпя', *explaining* 'объясняя' передает нарастающую нагрузку созависимого партнера. Глаголы соучастия *supporting* 'поддерживая', *rationalizing* 'оправдывая', *watching* 'наблюдая', *participating in* 'участвуя', *appeasing* 'ублажая' переводят фигуру жертвы из пассивного страдания в активное потворство деструкции, риторический вопрос с пространственной метафорой *where is the room for others?* 'где место для других?' упраздняет социальное пространство за пределами пары, а несобственно-прямая речь с самообвинительными вопросами *was it my fault? … I failed* 'это я виновата? … я не справилась' демонстрирует интернализацию вины. Наречие *just* в дефиниции *just another noun for toxic, abusive, lop-sided relationships* 'просто еще одно название для токсичных, абьюзивных, неравных отношений' лишает идиому уникальности, низводя ее до синонима патологии; бинарная оппозиция *challenges vs. bad decisions / unhealthy habits* 'испытания против плохих решений / нездоровых привычек' разграничивает здоровую поддержку и токсичное соучастие, а императивы *your needs should come first* 'твои потребности должны быть на первом месте', *remember to draw the line* 'помни, где провести черту', *take a breath and a break* 'сделай вдох и передохни' утверждают приоритет личных границ, становясь прямым антонимом идеи беспредельной преданности, которую финальная модальность *nothing could be farther from the truth* 'ничто не может быть дальше от истины' и *should be avoided at all costs* 'следует избегать любой ценой' аннулирует.

Критическое переосмысление концепта *ride or die* не является исключительно феноменом 2020 гг. Уже в проекте The Ride or Die Project (2013–2015) создательницы сознательно отказывались от романтизации образа, признавая, что *everyone has a story that is more complicated and layered than we can ever fully know*[42] 'у каждого есть история, которая сложнее и многослойнее, чем мы когда-либо сможем до конца узнать'. Одна из участниц проекта рефлексивно описывала свое понимание *ride or die* как состояние, в котором она *has been conditioned since birth… I love with all of me, sometimes until it consumes me… I am loyal to a fault*[42] 'приучена с самого рождения… Я люблю всем своим существом, порой до полного саморастворения… Я предана до безрассудства', но при этом добавляла: o*n the flipside… a Queen knows when to get off a ride that's reached its end*[43] 'но с другой стороны… Королева знает, когда сойти с поезда, который подошел к концу'. Личное свидетельство фиксирует двойственность, которая станет центральной в феминистских и психологических медиа: тотальная лояльность осознается как потенциально деструктивная, и субъект ищет способы выхода из нее.

В 2015 г. авторы проекта фиксировали момент сомнения в искренности обещанной поддержки: *He began to cry and told me that he would be there for me. Ride or die right?*[44] 'Он заплакал и сказал, что будет рядом со мной. До конца, да?' Риторический вопрос *Ride or die right?* сигнализирует о прагматической неопределенности и ставит под сомнение безусловность концепта — один из ранних примеров вопросительной маркированности, которая позже станет распространенным приемом в критических медиа. Самокритичное осмысление проявляется в следующем фрагменте: *He, my dude was ride or die for me. I, his dudette, was ride or die for him too. But we were too naive to understand that the ride could only go so far until the gas ran out*[41] 'Он, мой парень, был за меня до конца. Я, его девчонка, тоже была за него до конца. Но мы были слишком наивны, чтобы понять, что эта поездка

[41] Ball S. Ride-or-Die Relationships are Unhealthy, Toxic, and Codependent // Codependency Recovery Council. 2023. February 5. URL : https://codependencyrecovery.org/2023/02/05/ride-or-die-relationships-are-unhealthy-toxic-and-codependent/

[42] Parris A., Bunyan-Sampson, A.). [SERIES] Ride-or-Die Women Throughout History. Part 1. The Ride or Die Projectю 2014, December 11. URL : https://therideordieproject.com/2014/12/11/feature-famous-ride-or-die-women-throughout-history-part-1

[43] Gallardo-Lopez N. [SERIES] 'I used to love H.I.M.': The B-Girl Document. Part 1. The Ride or Die Project. 2015, January 9. URL : https://therideordieproject.com/2015/01/09/part-1-i-used-to-love-h-i-m-the-b-girl-document-time-is-nyllmatic-a-trip-down-memory-lane/

[44] Louison S. [MEMOIR] Ride or Die. The Ride or Die Project. 2015, April 20. URL : https://therideordieproject.com/2015/04/20/feature-ride-or-die

CC BY

могла продолжаться лишь до тех пор, пока не кончится бензин'. Метафора *gas ran out* 'бензин кончился' образно передает исчерпание ресурсов в отношениях, что коррелирует с выявленными нами коллокациями *draining* 'выматывающая преданность / истощающие отношения' и *one-sided* 'невзаимный / односторонние отношения'. Пример показывает, что осознание ограниченности тотальной лояльности присутствовало в дискурсе задолго до массовой критики 2020 гг.

Для академически строгого раскрытия понятия «токсичная созависимость» в рамках нашего материала мы применили метод семантико-прагматического анализа ключевых коллокаций, сопутствующих идиоме *ride or die* в критических контекстах. Применение данного метода, характерного для прагмалингвистики, позволило выявить регулярные языковые паттерны, которые мы квалифицируем как проявления прагматической переакцентуации (смещение иллокутивной силы от похвалы к предупреждению), семантической дифференциации (актуализацию компонентов «слепая верность» и «отказ от собственных интересов») и дискурсивной маркированности.

Лингвистический анализ дискурса критики показал, что понятие «токсичная созависимость» вербализуется через устойчивые языковые паттерны, которые мы квалифицируем как проявления прагматической переакцентуации, семантической дифференциации и дискурсивной маркированности:

1. Оценочные атрибуты с отрицательной семантикой. Прилагательные и существительные *toxic / unhealthy / dysfunctional / one-sided / draining / harmful / noxious* 'токсичный / нездоровый / дисфункциональный / нарушенный / односторонний / неравный / истощающий / выматывающий / высасывающий силы / вредоносный / пагубный / вредный / пагубный / вредоносный / ядовитый' формируют устойчивую отрицательную прагматическую рамку, систематически противопоставляемую исходной положительной коннотации лексемы *loyalty*: *this toxic performance of ride-or-dieness, unhealthy devotion, a noxious version* (Л. Авила, 2022) 'это токсичное исполнение 'верность без остатка', нездоровая преданность, пагубная версия'; *toxic, unhealthy, self-sabotage* (С. К. Лумен, 2023) 'токсичный, нездоровый, саморазрушительный'; *there is nothing good about a ride-or-die relationship, unhealthy, toxic, and codependent, toxic, abusive, lop-sided relationships* (С. Болл, 2023) 'в отношениях ride-or-die нет ничего хорошего, нездоровые, токсичные и созависимые, токсичные, абьюзивные, неравные отношения'; *It's a red flag, not loyalty, this is draining and one-sided* 'Это красный флаг, а не верность, это истощает и игра в одни ворота' (r/relationships, 2023).

2. Метафоры пространства и личных границ. Выражения l*ose yourself* 'потерять себя', *give up your boundaries* 'отказаться от своих границ', *sacrifice your needs* 'жертвовать своими потребностями', *no space for your own life* 'нет места для собственной жизни', *I failed to remain grounded in my boundaries* 'мне не удавалось оставаться в своих границах', *I breached my boundaries stretching them for other people's needs* 'Я переступала через свои границы, ставя потребности других выше собственных' рассматривают созависимость как пространственное вторжение и визуализируют психологический процесс саморазрушения. С. Болл описывает изоляцию как *me and you against the world no matter what* 'я и ты против всего мира, несмотря ни на что', что подразумевает *giving up your own support system* 'отречение от своего круга поддержки'. Участница проекта The Ride or Die Project утверждает: *I love with all of me, sometimes until it consumes me… I am loyal to a fault* 'Я люблю всем своим существом, порой до полного саморастворения… Я предана до безрассудства', но при этом а *Queen knows when to get off a ride that's reached its end* 'Королева знает, когда пора сойти с дистанции, которая исчерпала себя'. В Reddit читаем: *I cut off all my friends because my fiancé said they were "bad influence". He said that's what ride-or-die means. Is this normal?* 'Я вычеркнула всех друзей, потому что жених сказал, что они 'плохо на меня влияют'. По его словам, именно в этом и заключается верность до конца. Это нормально?'.

3. Компаративные конструкции и рефрейминг. Конструкции *it is a morphed reflection of the noxious version* 'искаженное отражение пагубной версии'; *that's just normalizing the power dynamics of mainstream colonial cultures* 'просто нормализация властных отношений мейнстримных колониальных культур'; *not loyalty but trauma bond* 'не верность, а травматическая связь'; *not devotion but codependency* 'не преданность, а созависимость' противопоставляют искаженную версию *ride or die* здоровой альтернативе, выполняя функцию рефрейминга: *If you are willing to die for someone who isn't willing to live for you, that's not loyalty. That's a trauma bond* (Джонс, 2021) 'Если ты готов умереть за человека, который не готов жить ради тебя, — это не верность. Это травматическая связь'; *If the premise… is that you have to put yourself under… that's just normalizing the power dynamics of mainstream colonial cultures vs. When you are in a relationship where the premise is communication, reciprocity… then that's radical loyalty* (Л. Авила, 2022) 'Если исходная посылка… состоит в том, что ты должен ставить себя ниже… — это просто нормализация властных отношений доминирующих колониальных культур; тогда как когда ты в отношениях, где исходная посылка — общение, взаимность… — это радикальная верность'; *Ride-or-die is just another noun for toxic, abusive, lop-sided relationships* (С. Болл, 2023) 'одно название для токсичных, абьюзивных, неравных отношений'; *Loyalty to a person, not to principles or standards, is self-sabotage* (С. К. Лумен, 2023) 'Верность человеку, а не принципам или стандартам, — это саморазрушение'.

4. Риторические вопросы. Вопросы типа *Is that really ride-or-die? Ride or die right? What does it mean to ride?* сигнализируют о прагматической неопределенности и побуждают адресата к переоценке значения. *He began to cry and told me that he would be there for me. Ride or die right?* (С. Луисон, 2015) 'Он начал плакать и сказал, что будет рядом со мной. До конца, так ведь?' — риторический вопрос ставит под сомнение безусловность концепта; серия финальных вопросов *What does it mean to ride? What does it mean to put yourself on the line to protect the people you care about?*

CC BY

‘Что значит ‘разделить этот путь’ до конца? Что значит подставить себя под удар, чтобы защитить тех, кто тебе дорог?’ переводит изложение в режим совместного поиска нового смысла (Л. Авила, 2022). *My boyfriend calls me his ride-or-die, but he cheated on me twice. Am I overreacting?* (Reddit, 2023) ‘Мой парень называет меня своей верной до конца, но изменил мне дважды. Я слишком остро реагирую?’ — вопрос выносит на обсуждение, является ли подобная ситуация действительно проявлением преданности. Вопрос от лица созависимого *Was it my fault? Was I not supportive enough? I promised I would be there no matter what and I failed* ‘Это моя вина? Я недостаточно поддерживала? Я обещала быть рядом во что бы то ни стало — и не справилась’ (С. Болл) моделирует внутренний диалог и подвергает сомнению собственную оценку.

Критика токсичной созависимости в отношении идиомы *ride or die* представляет собой дискурсивную практику переозначивания, при которой базовый ценностный компонент концепта (абсолютная верность) подвергается семантической инверсии через введение отрицательных коннотаций. Критический дискурс использует языковые средства для переформатирования концепта, что является важным вкладом в изучение динамики ценностных смыслов в медиатизированной среде.

Таким образом, в современном дискурсе идиома *ride or die* превратилась в точку напряжения между положительной оценкой и критической деконструкцией. Прагматическая двойственность отражает широкий культурный сдвиг: от романтизации самопожертвования к ценности личной автономии и психологической безопасности. Выявленные лингвистические механизмы — семантическая дифференциация, прагматическая переакцентуация и дискурсивная маркированностью — позволяют объяснить, как одна и та же языковая единица может одновременно функционировать как положительный и критический маркер в разных дискурсивных средах.

Вклад в дискурсивную лингвистику состоит в том, что исследование не только описывает эмпирическую траекторию изменения идиомы, но и предлагает трехэтапную модель дискурсивной эволюции субкультурного концепта: субкультурный этап (криминальный маркер внутригрупповой солидарности) → легитимационно-консьюмеризационный этап (медиатизированная нейтрализация и коммерциализация) → рефлексивно-критический этап (прагматическая двойственность, включающая как сохранение положительной оценки, так и критику через призму токсичной созависимости). Данная модель может быть применена к анализу других субкультурных единиц, проникающих в мейнстримный дискурс, что открывает перспективы для дальнейших исследований.

Временной охват (1996–2025) не позволяет проследить ранние употребления идиомы в устной речи афроамериканского сообщества. Выборка материала ограничена текстами из Instagram, Twitter и Reddit; не рассматриваются TikTok и YouTube, где AAVE-лексика распространяется с другой скоростью и в других мультимодальных форматах. Количественный анализ частотности проведен на основе корпуса современного американского английского языка без статистических тестов значимости; приведенные цифры носят иллюстративный характер. Исследование не включает экспериментов, которые могли бы уточнить прагматическую двойственность идиомы в реальном употреблении. Эти ограничения не снижают достоверности основных выводов, но их нужно учитывать при интерпретации результатов и планировании будущих исследований.

Выводы

Проведенное исследование эволюции образа безусловной преданности на материале идиомы *ride or die* в американской лингвокультуре позволяет сформулировать следующие выводы.

Происхождение образа связано с афроамериканским вариантом английского языка и хип-хоп культурой 1990 гг. В исходном субкультурном контексте идиома *ride or die* служила маркером внутригрупповой солидарности с выраженным криминальным оттенком, что подтверждается анализом ранних треков B. G. (1996), Jay Z (1998), DMX (1999), Eve (1999), The Lox (2000), а также фильмов Belly (1998) и Set it Off (1996). В этот период концептуальное ядро идиомы — безусловная верность, скрепленная готовностью к самопожертвованию, — формируется как высшая ценность внутри субкультуры, где альтернатива верности означает социальную или физическую смерть. Данный этап соответствует понятийному компоненту концепта по трехчастной модели В. И. Карасика (абсолютная верность) и его ценностному компоненту (верность как высшая добродетель).

Данное исследование выполнено в рамках дискурсивной парадигмы научного знания, что позволило рассматривать идиому как прагматический маркер, чье значение и оценочный потенциал контекстуально обусловлены. Применение понятийного аппарата прагмалингвистики позволило системно описать эволюцию идиомы и ее современное состояние. В терминах прагмалингвистики эволюция *ride or die* может быть описана как последовательная смена прагматических регистров: от субкультурного маркера внутригрупповой солидарности (1990) через медиатизированную нейтрализацию (2000–2010) к современной прагматической двойственности, где положительная оценка преданности сосуществует с критической дискурсивной маркированностью токсичной созависимости.

Ключевыми внутренними механизмами трансформации выступили семантическое расширение (уход от криминального контекста и нейтрализация исходных негативных коннотаций) и грамматикализация — переход идиомы из фиксированной глагольной конструкции в новые части речи: существительное (обозначение человека), прилагательное (характеристика отношений или объекта) и глагол в расширенном значении (быть безоговорочно верным). Семантическое расширение, как показал анализ, не было стихийным: уже в 2013–2015 гг. в рамках проекта The Ride or Die Project создательницы сознательно расширяли концепт за пределы романтических и криминальных кон-

CC BY

текстов на детей, друзей, сообщества и политические движения, что свидетельствует о рефлексивной поддержке этого процесса.

Внешними драйверами, введшими образ в мейнстрим, стали медиатизация через каналы поп-культуры и последующая консьюмеризация. На основе эмпирического материала выделяются три фазы входа идиомы в общекультурный дискурс: субкультурная фаза (1996–2000) — функционирование в хип-хопе и криминальном кинематографе; легитимационная фаза (2000–2015) — очищение от криминальных смыслов через телевидение (сериал Girlfriends), кино (фильм Think Like a Man, 2012) и социальные сети (хештег #rideordie); консьюмеризационная фаза (2015 — настоящее время) — активное использование идиомы в брендовой коммуникации и институциональное признание.

Параллельно с коммерческой адаптацией существовали некоммерческие проекты, использовавшие *ride or die* для описания социальной и политической солидарности, что подтверждает многогранность концепта, акцентируя активную гражданскую (политическую) позицию, а не жертвенность.

В современном дискурсе (2020–2025) идиома *ride or die* демонстрирует прагматическую двойственность: с одной стороны, она сохраняет положительный смысл абсолютной преданности в дружеских, романтических, семейных и потребительских контекстах (посты в Instagram, твиты, заголовки в Marie Claire); с другой стороны, в феминистских и психологических медиа, а также в дискурсе интернет-форумов (Reddit, r/relationships) идиома критически переосмысливается как маркер токсичной созависимости и потери личных границ.

При этом критическое переосмысление не является исключительно феноменом 2020 гг. Анализ материалов проекта The Ride or Die Project (2013–2015) показал, что уже в этот период фиксировались сознательный отказ от романтизации образа; рефлексивное осознание тотальной лояльности как потенциально деструктивной; риторические вопросы, ставящие под сомнение безусловность концепта; метафоры исчерпания ресурсов в отношениях; призывы к самопреданности, предвосхитившие феминистский нарратив от *ride-or-die chick* к самоценной женщине».

Таким образом, критика токсичной созависимости имеет глубокие корни в рефлексивных практиках самого сообщества и не является только внешним дискурсивным давлением, что подтверждает хронологический приоритет внутренней рефлексии.

Лингвистический анализ дискурса критики показал, что понятие «токсичная созависимость» вербализуется через устойчивые языковые паттерны, которые мы квалифицируем как проявления прагматической переакцентуации, семантической дифференциации и дискурсивной маркированности: оценочные атрибуты с негативной семантикой формируют отрицательную прагматическую рамку, противопоставляемую исходной положительной коннотации *loyalty*; метафоры пространства и границ актуализируют концепт созависимости как утраты автономии; компаративные конструкции выполняют функцию рефрейминга, вводя идиому в поле критического дискурса; риторические вопросы сигнализируют о прагматической неопределенности и побуждают адресата к переоценке значения.

Данные паттерны демонстрируют, что критика токсичной созависимости в отношении идиомы *ride or die* представляет собой дискурсивную практику переозначивания, при которой базовый ценностный компонент концепта (абсолютная верность) подвергается семантической инверсии через введение отрицательных коннотаций. Критический дискурс использует языковые средства для переформатирования концепта, что является важным вкладом в изучение динамики ценностных смыслов в медиатизированной среде.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии лингвокультурологического подхода к изучению семантических трансформаций субкультурной лексики, уточнении модели входа маргинальных языковых единиц в общекультурный дискурс и введении в научный оборот новых эмпирических материалов. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов в курсах по лексикологии английского языка, лингвокультурологии, социолингвистике, прагмалингвистике и теории межкультурной коммуникации. Перспективы дальнейших исследований включают сопоставительный анализ аналогичных процессов в других языках, детальное изучение мультимодальных аспектов медиатизации лингвокультурных концептов в цифровой среде (TikTok, YouTube), а также экспериментальные исследования (опросы носителей языка) для уточнения восприятия прагматической двойственности идиомы в реальном употреблении.

CC BY

Список литературы

Абдулкадырова А. Б. Ценностный концепт LOYALTY/ПРЕДАННОСТЬ в английской и русской лингвокультурах (на материале современных медиатекстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. № 9. С. 2972-2978. DOI 10.30853/phil20220490. EDN OIZHSF

Мельникова К. А. Лингвопрагматическая нейтрализация гендерного аспекта в сфере академического дискурса англоязычных стран // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Том 25. № 3. С. 67-76. DOI 10.37482/2687-1505-V435. EDN NUAIDQ

Сергеева Ю. М., Ивасик Д. А. Деконструкция бинарной гендерной модели в современной лингвокультуре (на материале англоязычного рекламного дискурса) // Преподаватель XXI век. 2022. № 3-2. С. 387-395. DOI 10.31862/2073-9613-2022-3-387-395.EDN IYVEOM

Graf E., Schweier U. Pragmaticalization and discourse marker development: New perspectives. Berlin : De Gruyter, 2021. 310 p.

Han Y. The flourishing development of hip-hop music from a sociolinguistic perspective // Journal of popular culture studies. 2025. Vol. 12. No. 1. P. 33-48.

Keidar D., Opedal A., Jin Zh., Sachan M. Slangvolution: A causal analysis of semantic change and frequency dynamics in slang // Proceedings of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2022. Vol. 1. P. 1422-1442. DOI 10.18653/v1/2022.acl-long.101

Traugott E. C. Grammaticalization and pragmaticalization // The handbook of historical linguistics. Hoboken : Wiley-Blackwell, 2022. P. 405-426.

References

Abdulkadyrova, A. B. (2022). Value concept LOYALTY/ПРЕДАННОСТЬ in the English and Russian linguistic cultures (by the material of modern media texts). *Philology. Theory & practice, 15*(9), 2972-2978. EDN: OIZHSF. https://doi.org/10.30853/phil20220490

Melnikova, K. A. (2025). Linguopragmatic neutralisation of the gender aspect in the academic discourse of English-speaking countries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and social sciences, 25*(3), 67-76. EDN: NUAIDQ. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V435

Sergeeva, Yu. M., Ivasik, D. A. (2022). Deconstruction of the binary gender model in modern language (based on English advertising texts). *Teacher of the 21st century, 3-2*, 387-395. EDN: IYVEOM. https://doi.org/10.31862/2073-9613-2022-3-387-395

Graf, E., Schweier, U. (2021). Pragmaticalization and discourse marker development: New perspectives., 310.

Han, Y. (2025). The flourishing development of hip-hop music from a sociolinguistic perspective. *Journal of popular culture studies, 12*(1), 33-48.

Keidar, D., Opedal, A., Jin, Zh., Sachan, M. (2022). Slangvolution: A causal analysis of semantic change and frequency dynamics in slang. *Proceedings of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, 1*, 1422-1442. https://doi.org/10.18653/v1/2022.acl-long.101

Traugott, E. C. (2022). Grammaticalization and pragmaticalization. *The handbook of historical linguistics*, 405-426.

Информация об авторах

Самаркина Надежда Олеговна – кандидат филологических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1679-2183;
ResearcherID: E-1940-2015;
Scopus Author ID: 57192153674;
e-mail: Nadezhda.Samarkina@kpfu.ru

Нурутдинова Аида Рустамовна – кандидат педагогических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5759-0820;
ResearcherID: N-8480-2015;
Scopus Author ID: 57190573898;
e-mail: AiRNurutdinova@kpfu.ru

Information about the authors

Nadezhda O. Samarkina – Cand. Sci. (Philol.), associate professor,
Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1679-2183;
ResearcherID: E-1940-2015;
Scopus Author ID: 57192153674;
e-mail: Nadezhda.Samarkina@kpfu.ru

Aida R. Nurutdinova – Cand. Sci. (Ped.), associate professor,
Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5759-0820;
ResearcherID: N-8480-2015;
Scopus Author ID: 57190573898;
e-mail: AiRNurutdinova@kpfu.ru

Поступила в редакцию 09.06.2026
Принята к публикации 28.08.2026
Опубликована 15.09.2026

Received 9 June 2026
Accepted 28 August 2026
Published 15 September 2026

CC BY

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-168072
УДК [811.161.1+811.512.111+811.111]'373

Фразеологическая репрезентация категории времени в русском, чувашском и английском языках в семантико-лингвокультурологическом аспекте

Скворцова Н. Р.
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация.
https://orcid.org/0009-0009-4633-0463, e-mail: tasha2283@mail.ru

Резюме. Работа посвящена изучению семантико-лингвокультурологической модели фразеологической репрезентации категории времени в русском, чувашском и английском языках. Материалом исследования послужили лексикографические источники и устойчивые выражения с временной семантикой, обозначающие длительность, цикличность, своевременность, ожидание, предел времени и невозможность события. В работе используются метод сплошной выборки, описательный метод, лексико-семантический, контекстный и сравнительно-сопоставительный анализ; для интерпретации национально-культурных смыслов применяется лингвокультурологический подход. Исследование проведено в несколько этапов, включивших отбор единиц, их распределение по семантическим группам и сопоставление по единым параметрам: модели времени, типичным средствам выражения, культурной доминанте и национально-специфической зоне репрезентации. Научная новизна исследования состоит в уточнении сопоставительной типологии темпоральной фразеологии с включением чувашского материала, ранее недостаточно представленного в разысканиях. Особое внимание уделено чувашским темпорально-модальным конструкциям со значением «никогда не случится». Полученные результаты показывают, что в пределах рассмотренного материала универсальными являются модели времени как движения, ресурса и циклического процесса. Между тем в русском материале преимущественно актуализируется оценочно-философское осмысление времени, в чувашском — природно-ритуальная цикличность, в английском — пунктуальность, планирование и прагматическая ценность времени.

Ключевые слова: категория времени, темпоральная семантика, темпоральная фразеология, фразеологическая репрезентация времени, языковая картина времени, культурные модели времени, русские фразеологизмы, чувашские фраземы, английские идиомы, темпорально-модальные конструкции.

Для цитирования: Скворцова Н. Р. Фразеологическая репрезентация категории времени в русском, чувашском и английском языках в семантико-лингвокультурологическом аспекте // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 3. С. 47-53. DOI 10.31483/r-168072. EDN NTBGPD

Research Article

Phraseological Representation of the Category of Time in Russian, Chuvash and English: A Semantic and Linguocultural Perspective

Natalia R. Skvortsova
Chuvash State University
Cheboksary, Russian Federation.
https://orcid.org/0009-0009-4633-0463, e-mail: tasha2283@mail.ru

Abstract. The paper examines the semantic and linguocultural model of phraseological representation of the category of time in Russian, Chuvash, and English. The research material comprises lexicographic sources and fixed expressions with temporal semantics denoting duration, cyclicality, timeliness, expectation, temporal limit, and the impossibility of an event. The study employs the continuous sampling method, descriptive method, lexical-semantic, contextual, and comparative-contrastive analysis; a linguocultural approach is applied to interpret nationally-specific cultural meanings. The research was conducted in several stages, including the selection of units, their distribution into semantic groups, and comparison according to uniform parameters: time model, typical means of expression, cultural dominant, and nationally-specific zone of representation. The scientific novelty of the study lies in refining the comparative typology of temporal phraseology with the inclusion of Chuvash material, which has previously been underrepresented in research. Special attention is paid to Chuvash temporal-modal constructions with the meaning “will never happen.” The results obtained show that, within the scope of the material examined, the universal models are time as movement, as a resource, and as a cyclical process. At the same time, Russian material predominantly activates an evaluative-philosophical conceptualization of time, Chuvash — natural-ritual cyclicality, and English — punctuality, planning, and the pragmatic value of time.

Keywords: category of time, temporal semantics, temporal phraseology, phraseological representation of time, linguistic worldview of time, cultural models of time, Russian phraseological units, Chuvash phrasemes, English idioms, temporal-modal constructions.

For citation: Skvortsova N. R. (2026). Phraseological Representation of the Category of Time in Russian, Chuvash and English: A Semantic and Linguocultural Perspective. *Ethnic Culture, 8*(3). 47-53. EDN: NTBGPD. https://doi.org/10.31483/r-168072

CC BY

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью сопоставительного описания фразеологических средств, через которые в языке закрепляются национально-культурные представления о времени. Категория времени относится к числу базовых когнитивных и языковых категорий, при этом во фразеологии она проявляется не только как хронологический ориентир, но и как способ выражения оценки, культурного опыта, коллективных норм поведения и этнически обусловленных моделей мировосприятия.

Обращение именно к русскому, чувашскому и английскому языкам обусловлено их типологической и культурной разнородностью. Русский как славянский язык с развитой видо-временной системой демонстрирует богатый пласт устойчивых выражений, в которых время часто осмысляется через опыт, терпение, судьбу и жизненный цикл. Чувашский язык, относящийся к тюркской группе и функционирующий в условиях тесного контакта с русским языком, позволяет выявить способы фразеологической репрезентации времени, связанные с природно-календарной и ритуальной цикличностью. Английский как германский язык аналитического типа обладает развитой системой идиоматических средств, в которых время нередко предстает как ресурс, условие эффективности и показатель социальной пунктуальности.

Современные исследования показывают, что устойчивые выражения выступают не только в виде номинативных единиц, но и в качестве средств фиксации национально-культурных представлений. Так, в работах последних лет лингвокультурологическое поле рассматривается как проявление единства языка и культуры [Хайруллина, Воробьев, 2021], изучаются национально-культурная специфика фразеологизмов в разносистемных языках [Сапиева, 2022], а также устойчивые обороты с компонентами *время, time, temps* как отражение особенностей концептуализации действительности [Залипаева, Селифонова, Слепцова, 2022], отдельное внимание уделяется анализу фразеосемантического поля «темпоральность» в сопоставительном аспекте [Шерстяных, 2022; Гулевец, Сагановская, 2025].

Эти исследования формируют теоретический фон настоящей работы и позволяют перейти к проблеме недостаточной представленности чувашского материала в сопоставительном описании темпоральной фразеологии.

В связи с этим отдельное значение для настоящего исследования имеют современные труды, посвященные чувашской языковой картине мира, паремиям, коммуникемам и средствам выражения темпоральности [Борисова, 2021; Семенова, Якимова, 2022; Семенова, Якимова, Софронова, 2023; Семенова, Данилов, Якимова, Скворцова, 2023]. Они позволяют рассматривать чувашские фраземы не как периферийный иллюстративный материал, а как самостоятельный источник для уточнения типологии темпоральной фразеологии разносистемных языков.

Для сопоставительного аспекта также значимы исследования лингвокультурологического комментария в полилингвальных словарях [Бредис, Иванов, 2022], фразеологических единиц в английском дискурсе [Стрекалова, 2024], функционально-семантических полей с фразеологическими единицами [Colenciuc, 2024], а также связи языка и культуры в современных гуманитарных исследованиях [Nassenstein, Völkel, 2022].

Сопоставление трех языков позволяет установить не только общие модели осмысления времени, но и национально-специфические способы его фразеологической репрезентации. Такой анализ значим для современного языкознания, поскольку расширяет представление о фразеологии как уровне языка, в котором взаимодействуют семантика, культура, прагматика и этническое мировосприятие. Выявленные в статье культурные доминанты рассматриваются не как исчерпывающая характеристика всей русской, чувашской и английской фразеологии, а как тенденции, обнаруженные в пределах отобранного и сопоставленного материала.

Цель исследования — получить целостное представление о семантических и лингвокультурологических особенностях репрезентации категории времени во фразеологических единицах русского, чувашского и английского языков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) обосновать теоретические критерии выделения фразеологических единиц с временной семантикой в русском, чувашском и английском языках; 2) определить основные семантические группы темпоральных фразеологизмов, включая единицы со значением длительности, цикличности, предела, своевременности, ожидания и невозможности события; 3) установить универсальные и этноспецифические модели фразеологической репрезентации времени в сопоставляемых языках; 4) выявить роль чувашского материала в уточнении сопоставительной типологии темпоральной фразеологии разносистемных языков.

Объектом исследования являются фразеологические единицы русского, чувашского и английского языков, содержащие временную семантику. Предмет исследования составляют семантические и лингвокультурологические особенности репрезентации категории времени в данных единицах.

Научная новизна исследования заключается в уточнении сопоставительной модели темпоральной фразеологии на материале трех языков с включением чувашского фразеологического материала, ранее недостаточно представленного в подобном компаративном аспекте. В работе впервые чувашские конструкции со значением невозможности события рассматриваются как особая темпорально-модальная зона, связанная с выражением значения «никогда не случится».

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке курсов по сравнительно-сопоставительной лингвистике, лингвокультурологии, региональной филологии, фразеологии русского, чувашского и английского языков, а также при составлении многоязычных фразеологических словарей.

CC BY

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили фразеологические единицы русского, чувашского и английского языков, содержащие темпоральный компонент или выражающие временные отношения без прямого лексического указания на время. Отбор материала осуществлялся по толковым, переводным и фразеологическим словарям русского, чувашского и английского языков, включая русско-чувашские и чувашско-русские лексикографические ресурсы, чувашско-русский фразеологический словарь, Cambridge Dictionary и The Free Dictionary's Idioms Dictionary. Автором разграничиваются собственно фразеологизмы, фразеологизированные конструкции, паремичный материал и устойчивые временные сочетания; отдельные чувашские словоформы не отождествляются с фразеологизмами и привлекаются как темпоральные маркеры, поясняющие функционирование устойчивых конструкций. Английский материал ограничивается прежде всего идиомами и устойчивыми выражениями, зафиксированными в лексикографических источниках; свободные временные сочетания используются только как сопоставительный фон.

В работе применяются метод сплошной выборки, описательный метод, лексико-семантический анализ, контекстный анализ и сравнительно-сопоставительный метод. Метод сплошной выборки использован в целях отбора устойчивых выражений с временной семантикой из словарей; лексико-семантический анализ позволяет установить значение и функцию темпоральных фразеологизмов; контекстный анализ применяется для выявления прагматических и оценочных оттенков; сравнительно-сопоставительный метод направлен на определение универсальных и отличительных черт в трех языках. Лингвокультурологический подход используется как методологическая основа интерпретации фразеологических единиц в связи с культурными установками носителей языка.

Исследование проведено в четыре этапа: во-первых, был произведен отбор единиц с временной семантикой из лексикографических источников; во-вторых, материал был распределен по семантическим группам; в-третьих, были выявлены культурно маркированные значения; в-четвертых, русские, чувашские и английские данные были сопоставлены по единым параметрам: по модели времени, типичным средствам выражения, культурной доминанте и национально-специфической зоне репрезентации. Такой порядок анализа делает возможным воспроизведение исследования на расширенном корпусе фразеологических единиц.

Итоговые формулировки в статье представлены как выявленные тенденции, а не как статистически исчерпывающее описание всех темпоральных единиц трех языков.

Результаты исследования и их обсуждение

Теоретические основания исследования темпоральной фразеологии. Категория времени относится к числу базовых категорий человеческого мышления и языковой организации. В лингвистике она рассматривается как компонент языковой картины мира, определяющий способы обозначения последовательности, длительности, повторяемости, предела и соотнесенности событий. Во фразеологии временная семантика получает особую форму выражения: устойчивые единицы не только называют временные отношения, но и фиксируют культурные оценки времени. Именно поэтому анализ темпоральных фразеологизмов требует перехода от общего понятия языковой картины мира к описанию конкретных устойчивых моделей, закрепленных в сопоставляемых языках.

Языковая картина мира понимается как коллективно закрепленная система представлений о действительности, объективируемая в средствах языка — лексике, грамматике, фразеологии. В этой системе время выступает как универсалия: через временные категории осмысляются процессы, состояния и жизненные циклы. При этом различия в способах выражения времени в русском, чувашском и английском языках показывают, что носители используют разные стратегии интерпретации темпорального опыта. Данное положение задает основание для дальнейшего сопоставления: в центре внимания находятся не отдельные слова сами по себе, а устойчивые способы языковой фиксации представлений о времени.

В современных исследованиях подчеркивается, что фразеологические единицы могут репрезентировать культурные константы через устойчивые образные модели [Сапиева, 2022; Юрина, Шлотгауэр, 2023]. Темпоральные фразеологизмы выполняют двойную функцию: они конкретизируют временные границы и одновременно выражают ценностные представления о своевременности, ожидании, длительности, повторяемости, жизненном опыте и невозможности события.

Фразеологическая репрезентация времени в русском языке. В русском языке темпоральная фразеология формирует несколько семантических зон: время как жизненный опыт, время как оценочная сила, время как предел действия, время как повторяемость и время как ожидание. Наиболее показательны выражения *время лечит, время покажет, время от времени, до поры до времени, в мгновение ока, ни свет ни заря, ждать у моря погоды, дело времени, идти своим чередом.*

Фразеологизмы *время лечит* и *время покажет* демонстрируют персонификацию времени: оно мыслится как активная сила, способная воздействовать на человека и выявлять истину. Выражения *до поры до времени* и *в мгновение ока* передают временной предел и минимальную длительность действия. Оборот *ни свет ни заря* соединяет суточную локализацию с оценкой чрезмерно раннего момента, а фразеологизм *ждать у моря погоды* выражает длительное и пассивное ожидание неопределенного результата.

В русских фразеологизмах значимы не только длительность или последовательность событий, но и отношение говорящего к ожиданию, опыту, своевременности и неизбежности изменений. Это сближает русский материал с исследованиями фразеосемантического поля «темпоральность» в современном русском языке [Шерстяных, 2022].

Фразеологическая репрезентация времени в чувашском языке. В чувашском языке значимую роль в передаче временных отношений играют служебные слова, контекстно-прагматические маркеры, фраземы и фразеологизированные конструкции. Наряду с лексическими средствами выделяются специализированные формы и лексико-се-

CC BY

мантические парадигмы, выражающие периодичность, последовательность и ритуальную цикличность. Такая организация соотносится с представлениями о чувашской языковой картине мира как системе, тесно связанной с традиционным укладом и культурной памятью [Борисова, 2021; Семенова, Якимова, Софронова, 2023].

В связи с разной степенью фразеологичности чувашского материала в статье специально разграничиваются устойчивые конструкции и отдельные словоформы.

К числу темпоральных средств относятся: *килнĕ / килмен / килсенех 'только пришел'* (букв. как пришел); *çав вăхăтрах / çав вăхăтра* 'в то время как'; *çавăн хыççăн* 'с тех пор как'; *пĕр вăхăтрах* 'одновременно, в одно время'; *çав кунран / çав кунтанпа / паянхи кунтан / çак кунтан / çак кунран* 'с этого дня' (аналог рус. *с этого времени*). Они не всегда являются фразеологизмами в узком смысле, но важны для описания темпорального фона, на котором функционируют чувашские фраземы и паремичные конструкции.

В чувашском языке можно выделить пласт фразеологических конструкций с темпоральным значением, которые уточняют хронологическую последовательность событий и выражают субъективное отношение говорящего к сообщаемому. Показательны следующие единицы: *çавăнтанпа / çавăнтаннах* 'с тех пор как' (обозначает начальную точку отсчета времени: *çавăнтанпа çуркунне çитнĕреннех* 'с тех пор как настала весна'); *тахçантанпа / тахçанах* 'с давних пор, издавна' (фиксирует протяженность времени: *тахçанах çапла пулнă* 'издавна так повелось'); *çак таранччченех / унччен / çавăнччченех* 'до тех пор пока' (указывает на временной предел: *çак таранччен тĕттĕмленичченех* 'до тех пор, пока не стемнеет'); *çавăн чухне / тахçан* 'тогда, в то время'; *çав вăхăтрах* 'в то же время'; *пĕр кунччен / паянхи кунччен / малтанах* 'до одного дня, когда'; *вăхăт çитсен* 'со временем, постепенно'; *хăçан та пулин* 'когда-то, когда-нибудь'. Приведенные единицы показывают, что временная семантика в чувашском материале может выражать начальную точку отсчета, предел, одновременность, постепенность и неопределенную временную отнесенность.

Особого внимания заслуживают чувашские фразеологические конструкции со значением «никогда не случится»: *автан çăмарта тусан* 'если петух снесет яйцо', *шăши арăслан çуратсан* 'если мышь родит льва', *шыв тăвалла юхсан* 'если вода потечет в гору', *йытăпа кушак туслашсан* 'если кошка с собакой подружатся', *ĕнерхи кун каялла таврăнсан* 'если вчерашний день вернется', *ӳкнĕ сарă çулçă чĕрĕлсен* 'если опавший желтый лист позеленеет', *пĕлĕтрен çăлтăр татса парсан* 'если с неба достать звезду и подарить', *çулла юр çусан* 'если летом пойдет снег', *çерçи ăмăрткаййăк пулсан* 'если воробей станет орлом', *шуç чуманпа лартса кайсан* 'после дождичка в четверг' (букв. 'поедешь на «санках с жестяным коробом»'; так называемые «санки» — несуществующий транспорт).

Подобные фразеологические конструкции выполняют темпорально-модальную функцию: они не только структурируют временную перспективу, но и выражают невозможность события через образ нарушения природного, календарного или социального порядка. В этом проявляется важная особенность чувашской модели времени: представление о времени связано с повторяемостью, цикличностью и устойчивостью норм мира.

Фразеологическая репрезентация времени в английском языке. В английском языке темпоральные идиомы часто связаны с представлением о времени как ресурсе, расписании, условии эффективности и социальном ориентире. Широко представлены выражения *time flies* 'время летит', *in the nick of time* 'как раз вовремя', *only time will tell* 'только время покажет', *from time to time* 'время от времени'. Эти единицы указывают на скорость протекания времени, ценность своевременности или неопределенность будущего и одновременно несут культурные коннотации, связанные с рациональным отношением к времени.

В целях корректного сопоставления английский материал рассматривается прежде всего как корпус идиом и устойчивых выражений, а не как совокупность любых свободных сочетаний со словом *time*. В рамках фразеологии одни единицы функционируют как идиоматические выражения, например *time flies* или *in the nick of time*, другие выступают как устойчивые временные сочетания: *Christmas time* 'Рождество', *at harvest time* 'во время сбора урожая', *back in the day* 'в те времена'. Свободные адвербиальные группы типа on Mondays привлекаются не как собственно фразеологизмы, а как грамматико-лексический фон для объяснения регулярности действия.

Для английского фразеосемантического поля темпоральности характерна связь времени с расписанием, ритмом, результативностью и своевременностью. В современном исследовании фразеосемантического поля темпоральности отмечается, что в английском языке особое место занимают сегменты «соответствие ритму», «временной распорядок» и «неизменность времени» [Гулевец, Сагановская, 2025]. Например, выражения *it is time to push off / it is time to shove off* 'пора уходить', *be like ships that pass in the night* 'разойтись, как в море корабли', *when the sun is over the yardarm* 'уже не рано пропустить стаканчик' устойчиво связывают время с социальным действием, ориентиром или распорядком. Данные наблюдения соотносятся с современными исследованиями фразеологических единиц в разных дискурсивных и лингвокультурных контекстах [Стрекалова, 2024; Colenciuc, 2024; Sava, 2022].

Результаты сравнительно-сопоставительного изучения фразеологизмов. Сравнение фразеологических единиц русского, чувашского и английского языков позволяет выделить несколько общих и дифференциальных признаков. Общими для трех языков являются модели времени как движения, потока, ресурса, цикли-ческого процесса и предела действия. Эти модели отражают универсальный харак-тер человеческого опыта времени.

При этом национально-специфические различия проявляются в том, какие имен-но значения становятся доминантными во фразеологическом фонде каждого языка. В русском языке заметна оценочно-философская интерпретация времени, в чуваш-ском — природно-ритуальная и темпорально-модальная организация, в английском — прагматическое понимание времени как ресурса, расписания и условия эффек-тивности (основные результаты сопоставления представлены в таблице 1).

CC BY

Таблица 1. *Сравнительная характеристика моделей фразеологической репрезентации времени в разноструктурных языках*
Table 1. *Comparative characteristics of phraseological time representation models in structurally different languages*

Параметр	Русский язык	Чувашский язык	Английский язык
Преобладающая тенденция в рассмотренном материале	Время как опыт, судьба, процесс и оценочная сила	Время как природно-ритуальный цикл и повторяемый порядок	Время как ресурс, расписание, ритм и условие эффективности
Статус и типичные средства	Идиомы и устойчивые сочетания: *время покажет, до поры до времени, ни свет ни заря*	Фраземы, коммуникемы, паремичные и фразеологизированные конструкции; отдельные словоформы используются как темпоральные маркеры: *çав вăхăтрах / çав вăхăтра, хăçан та пулин, çулла юр çусан*	Идиомы с компонентом *time* и устойчивые временные сочетания: *time flies, in the nick of time, from time to time*
Культурная тенденция, выявленная в материале	Терпение, жизненный опыт, философская оценка происходящего	Цикличность, традиционный уклад, природный и ритуальный порядок	Пунктуальность, планирование, своевременность, прагматическая польза
Национально-специфическая зона	Оценочное осмысление времени как силы, воздействующей на человека	Темпорально-модальные конструкции со значением невозможности события	Связь времени с социальным ритмом, расписанием и экономией ресурса

Результаты анализа показывают, что русская, чувашская и английская фразеология используют сходные универсальные метафоры времени, но наполняют их различным культурным содержанием. В рассмотренном русском материале преобладает аксиологическая и философская перспектива, в чувашском — циклическая и ритуально-модальная, в английском — прагматическая и регулятивная. Включение чувашского материала позволяет расширить сопоставительную типологию темпоральной фразеологии и показать, что временная семантика может реализовываться не только через прямые обозначения длительности и последовательности, но и через конструкции невозможности, соотносимые с нарушением естественного порядка мира.

Выводы

Фразеологические единицы с временной семантикой целесообразно рассматривать как особый пласт устойчивых языковых средств, в которых категория времени репрезентируется не только через хронологическое значение, но и через оценочные, прагматические и культурно значимые компоненты. Темпоральные фразеологизмы выступают знаками языковой картины мира.

В русском, чувашском и английском языках обнаруживаются единицы со значением длительности, цикличности, предела времени, повторяемости, ожидания, своевременности, постепенности и невозможности событий. При этом особое значение имеют устойчивые выражения, в которых временная семантика осложняется оценочностью, например: рус. в*ремя покажет,* чув. *çавăнтанпа* ‘с тех пор как’, англ. *in the nick of time* ‘как раз вовремя’.

Универсальными в рассматриваемых языковых культурах являются представления о времени как движении, потоке, ресурсе и цикле. Национально-специфические различия проявляются в культурных доминантах: русская фразеология акцентирует жизненный опыт, терпение и философскую оценку времени; чувашская — природно-ритуальную цикличность и устойчивость традиционного порядка; английская — пунктуальность, рациональное планирование и прагматическое использование времени.

Чувашские фраземы и фразеологизированные конструкции со значением «никогда не случится» образуют особую темпорально-модальную зону. Она позволяет уточнить представление о способах языковой репрезентации времени в разносистемных языках и показывает, что временная семантика может выражаться через образы невозможного события, нарушающего природный или социальный порядок.

Перспективным направлением дальнейших исследований является расширение корпуса темпоральных фразеологизмов за счет художественных, фольклорных, публицистических источников и примеров из разговорной речи, а также проведение корпусного анализа частотности и контекста употребления данных единиц в русском, чувашском и английском языках.

CC BY

Список литературы

Борисова Л. В. Чувашская языковая картина мира: подступы к реконструкции и исследованию. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2021. 160 с. EDN HTQQJX

Бредис М. А., Иванов Е. Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5-29. DOI 10.17223/22274200/26/1. EDN OMKJCF

Гулевец Н. А., Сагановская И. В. Фразеосемантическое поле «темпоральность» как отражение национально-культурных особенностей восприятия времени в английском, французском и русском языках // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2025. № 3 (119). URL : https://scipress.ru/philology/articles/frazeosemanticheskoe-pole-temporalnost-kak-otrazhenie-natsionalno-kulturnykh-osobennostej-vospriyatiya-vremeni-v-anglijskom-frantsuzskom-i-russkom-yazykakh.html

Залипаева Ж. П., Селифонова Е. Д., Слепцова Л. А. Фразеологизмы с компонентами «время» / “time” / “temps” как отражение особенностей концептуализации действительности средствами языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. № 12. С. 4005-4010. DOI 10.30853/phil20220658. EDN TLAXWX

Сапиева С. К. Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов в разносистемных языках // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 101-107. DOI 10.20323/2499_9679_2022_4_31_101_107. EDN PSCCEC

Семенова Г. Н., Данилов А. А., Якимова Н. И., Скворцова Н. Р. Выражение категории темпоральности лексическими и синтаксическими средствами чувашского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. № 10. С. 3610-3614. DOI 10.30853/phil20230555. EDN OBOKVK

Семенова Г. Н., Якимова Н. И., Софронова И. В. Демонимы (формулы проклятий) как разновидность коммуникем в чувашском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Том 17. № 2 (50). С. 269-275. DOI 10.30914/2072-6783-2023-17-2-269-275. EDN WFHAZC

Семенова Г. Н., Якимова Н. И. Феномен репрезентации обобщенного субъекта пословиц и поговорок в чувашском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. № 8. С. 2531-2535. DOI 10.30853/phil20220435. EDN AVPPLO

Стрекалова К. В. Систематизация фразеологизмов англоязычного правового дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. № 5. С. 1536-1543. DOI 10.30853/phil20240223. EDN FLIXGB

Хайруллина Р. Х., Воробьев В. В. Лингвокультурологическое поле как единство языка и культуры // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4-4 (106). С. 78-80. DOI 10.23670/IRJ.2021.106.4.119. EDN ZSBCLP

Шерстяных И. В. Фразеосемантическое поле «темпоральность» в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. № 2. С. 443-448. DOI 10.30853/phil20220075. EDN GGVALB

Юрина Е. А., Шлотгауэр Е. А. Русская тактильная метафора в аспекте эмотивности (на материале лексико-фразеологического поля «Гладить») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Том 22. № 1. С. 81-96. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.1.7. EDN ZPLTKX

Colenciuc I. Characteristics of functional-semantic field “money” with phraseological units // Intertext. 2024. No. 2 (62). DOI 10.54481/intertext.2023.2.02. EDN IYODDP

Nassenstein N., Völkel S. 1 Studying the relationship of language and culture: Scope and directions // Approaches to language and culture. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2022, P. 3-30. DOI 10.1515/9783110726626-001

Sava D. Zur Konzeptualisierung extremer Geisteszustände in der Deutschen und Rumänischen Phraseologie // Revista Transilvania. 2022. DOI 10.51391/trva.2022.08.07. EDN KTWYVQ

References

Borisova, L. V. (2021). Chuvash linguistic worldview: Approaches to reconstruction and research., 160. EDN: HTQQJX

Bredis, M. A., Ivanov, E. E. (2022). Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian journal of lexicography, 26*, 5-29. EDN: OMKJCF. https://doi.org/10.17223/22274200/26/1

Gulevets, N. A., Saganovska, I. V. (2025). Phraseosemantic field “temporality” as a reflection of national and cultural features of time perception in English, French and Russian languages. *Philological aspect: International scientific and practical journal, 3(119)*. URL: https://scipress.ru/philology/articles/frazeosemanticheskoe-pole-temporalnost-kak-otrazhenie-natsionalno-kulturnykh-osobennostej-vospriyatiya-vremeni-v-anglijskom-frantsuzskom-i-russkom-yazykakh.html

Zalipaeva, Zh. P., Selifonova, E. D., Sleptsova, L. A. (2022). Phraseological units with the components “время” / “time” / “temps” as a reflection of the features of reality conceptualisation by linguistic means. *Philology. Theory & practice, 15*(12), 4005-4010. EDN: TLAXWX. https://doi.org/10.30853/phil20220658

Sapieva, S. K. (2022). Phraseological units as linguistic exponents of national culture. *Verhnevolzhski philological bulletin, 4(31)*, 101-107. EDN: PSCCEC. https://doi.org/10.20323/2499_9679_2022_4_31_101_107

Semenova, G. N., Danilov, A. A., Yakimova, N. I., Skvortsova, N. R. (2023). Expression of the category of temporality through lexical and syntactic means in the Chuvash language. *Philology. Theory & practice, 16*(10), 3610-3614. EDN: OBOKVK. https://doi.org/10.30853/phil20230555

Semenova, G. N., Yakimova, N. I., Sofronova, I. V. (2023). Demonyms (formulas of curses) as a kind of communicemes in the Chuvash language. *Vestnik of the Mari State University, 17*(2(50)), 269-275. EDN: WFHAZC. https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-2-269-275

Semenova, G. N., Yakimova, N. I. (2022). Phenomenon of representing generalized subject of proverbs and sayings in the Chuvash language. *Philology. Theory & practice, 15*(8), 2531-2535. EDN: AVPPLO. https://doi.org/10.30853/phil20220435

Strekalova, K. V. (2024). Systematization of phraseological units of English-language legal discourse. *Philology. Theory & practice, 17*(5), 1536-1543. EDN: FLIXGB. https://doi.org/10.30853/phil20240223

CC BY

Khairullina, R. Kh., Vorobyev, V. V. (2021). The field of linguocultural studies as a unity of language and culture. *International research journal, 4-4*(106), 78-80. EDN: ZSBCLP. https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.106.4.119

Sherstyanykh, I. V. (2022). Phraseosemantic field "temporality" in the modern Russian language. *Philology. Theory & practice, 15*(2), 443-448. EDN: GGVALB. https://doi.org/10.30853/phil20220075

Yurina, E. A., Shlotgauer, E.A. (2023). Russian tactile metaphor in terms of emotiveness (a study of the lexico-phraseological field gladit'). *Science journal of Volgograd State University. Linguistics, 22*(1), 81-96. EDN: ZPLTKX. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.7

Colenciuc, I. (2024). Characteristics of functional-semantic field "money" with phraseological units. *Intertext, 2(62)*. EDN: IYODDP. https://doi.org/10.54481/intertext.2023.2.02

Nassenstein, N., Völkel, S. (2022). 1 Studying the relationship of language and culture: Scope and directions. *Approaches to language and culture*., 3-30. https://doi.org/10.1515/9783110726626-001

Sava, D. (2022). Zur Konzeptualisierung extremer Geisteszustände in der Deutschen und Rumänischen Phraseologie. *Revista Transilvania*. EDN: KTWYVQ. https://doi.org/10.51391/trva.2022.08.07

Информация об авторе

Скворцова Наталья Рудольфовна – аспирант, старший преподаватель,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-4633-0463;
e-mail: tasha2283@mail.ru

Information about the author

Natalia R. Skvortsova – postgraduate student, senior lecturer,
Chuvash State University,
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0009-4633-0463;
e-mail: tasha2283@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2026
Принята к публикации 01.08.2026
Опубликована 14.08.2026

Received 15 June 2026
Accepted 1 August 2026
Published 14 August 2026

CC BY

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-156259
УДК 37.035.6

Этническая идентичность тувинских младших школьников: опыт исследования

Сержин-оол А. А.
Тувинский государственный университет
г. Кызыл, Российская Федерация.
https://orcid.org/0009-0001-3165-6673, e-mail: hertek.90@mail.ru

Резюме. Работа посвящена изучению особенностей формирования этнической идентичности у детей младшего школьного возраста в тувинских семьях, проживающих в г. Кызыл. На основе теоретического обобщения различных концептуальных подходов автор акцентирует внимание на сущности и структуре этнической идентичности. Работа базируется на методике М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?» и ее варианте в модификации российского ученого З. В. Сикевич. Результаты исследования показывают, что этническая идентичность тувинских подростков находится в стадии активного формирования, но еще не стала устойчивым ядром самосознания. В самоописании детей доминируют социальные роли (семья, друзья, школа) и личные качества, а этнические маркеры имеют второстепенное значение. Причинами этого являются ограниченный жизненный опыт и когнитивная незрелость, преобладание конкретных социальных ролей над абстрактной групповой принадлежностью, слабая актуализация этнической темы в повседневной жизни в гомогенной среде. Исследование выявило, что в большинстве своем дети идентифицируют себя в качестве тувинцев и осознают связь с представителями своего народа, языком и традициями. В то же время высокий уровень этнической самоидентификации сочетается со слабым знанием родного языка, преобладанием в общении русского языка и поверхностной связью с традициями.

Ключевые слова: самоопределение, младший школьник, этническая идентичность, тувинская семья, структура этнической идентичности.

Для цитирования: Сержин-оол А. А. Этническая идентичность тувинских младших школьников: опыт исследования // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 3. С. 54-58. DOI 10.31483/r-156259. EDN IMWIIF

Research Article

Ethnic Identity of Primary School Students from Tuvan Families: Research Experience

Aldynai A. Sergin-ool
Tuvan State University
Kyzyl, Russian Federation.
https://orcid.org/0009-0001-3165-6673, e-mail: hertek.90@mail.ru

Abstract. This paper examines the development of ethnic identity in primary school-age children from Tuvan families residing in Kyzyl. Drawing on a theoretical synthesis of various conceptual approaches, the author focuses on the essence and structure of ethnic identity. The study employs M. Kuhn and T. McPartland's “Who Am I?” technique and its adaptation by Russian scholar Z. V. Sikevich. The findings indicate that the ethnic identity of Tuvan primary schoolchildren is in the process of active formation but has not yet become a stable core of self-awareness. Children's self-descriptions are dominated by social roles (family, friends, school) and personal qualities, while ethnic markers are of secondary importance. This is attributable to limited life experience and cognitive immaturity, the predominance of concrete social roles over abstract group belonging, and the weak salience of ethnic themes in everyday life within a homogeneous environment. The study revealed that the majority of children identify as Tuvan and feel a connection to their people, language, and traditions. At the same time, this high level of ethnic self-identification coexists with limited proficiency in their native language, the predominance of Russian in everyday communication, and only a superficial engagement with traditional culture.

Keywords: self-determination, primary school student, ethnic identity, Tuvan family, structure of ethnic identity.

For citation: Sergin-ool A. A. (2026). Ethnic Identity of Primary School Students from Tuvan Families: Research Experience. *Ethnic Culture, 8*(3). 54-58. EDN: IMWIIF. https://doi.org/10.31483/r-156259

Введение

В условиях глобализации и активного взаимодействия различных культур и народов проблема сохранения и развития этнической идентичности становится особенно актуальной, поскольку в результате взаимного влияния проявляются процессы сближения и ассимиляции национальных культур. Активное расширение межкультурных взаимодействий народов актуализирует проблему изучения этнической идентичности в рамках социокультурных практик. Это обусловлено рядом факторов, включая объективно существующее разнообразие этносов. Во-первых, среди множества социокультурных групп этнические выделяются особой устойчивостью во времени. Именно поэтому этнос выступает для человека наиболее надежной группой, способной обеспечить необходимую поддержку и экзистенциальную безопасность.

Во-вторых, в XXI в. в условиях неопределенности развития социальной реальности у людей возникает потребность в механизмах, способных восстановить ее целостность и упорядоченность, а также обеспечить защиту от возникающих вызовов. В подобных обстоятельствах все большее число людей, включая молодежь, обращается к традиционным ценностям своего этноса, которые рассматриваются ими в качестве надежной и понятной опоры.

CC BY

В-третьих, развитие любой культуры закономерно опирается на преемственность в трансляции и сохранении ценностей. Это связано с фундаментальной потребностью человечества в самовоспроизводстве и саморегулировании. Процесс самовоспроизведения происходит внутри этносов через связи между поколениями и осознание своей принадлежности к этносу, через самоопределение, т. е. процесс формирования этнической идентичности.

Целью настоящего исследования является изучение этнической идентичности тувинских младших школьников. В числе основных исследовательских задач — раскрыть сущность понятий «идентичность» и «этническая идентичность», а также выявить и охарактеризовать специфику формирования этнической идентичности у младших школьников, обучающихся в городских школах.

Материал и методы исследования

Исследование направлено на изучение особенностей формирования этнической идентичности у детей младшего школьного возраста из тувинских семей, проживающих в г. Кызыл. В нашем исследовании была использована методика М. Куна и Т. Макпартленда[1] — тест из двадцати утверждений «Кто я?» и вариант данной методики в модификации российского ученого З. В. Сикевич[2] — тест из трех вопросов.

Оригинальная методика М. Куна и Т. Макпартленда дает общую картину, позволяющую понимать особенности процесса формирования этнической идентичности у детей младшего школьного возраста. Модифицированный тест З. В. Сикевич направлен на выявление степени выраженности этнического я, индивидуально-личностной самоидентификации, наличия этнических предубеждений и включает следующие вопросы: кем вы себя чувствуете в большей мере, обращаете ли вы внимание на национальность окружающих, ощущаете ли вы свою принадлежность к какой-либо национальности со своим языком, обычаями и традициями? Младшим школьникам предлагались варианты ответов по шкалам: гражданин мира, россиянин, тувинец, русский. Вопрос об индивидуально-личностной этнической самоидентификации требовал ответа респондентов согласно их ощущениям.

В ходе исследования вначале была применена модифицированная версия методики, затем – оригинальная. Данный подход связан с тем, что версии решают разные, но взаимодополняющие задачи в рамках исследования. На основе результатов двух тестов мы выяснили, какие категории и аспекты социального я дети младшего школьного возраста выдвигают на первый план, выявили доминирование актуальных социальных ролей (ученик, друг, сын / дочь) над более абстрактными групповыми. Кроме этого, отметили слабую актуализацию этнической темы в бытовом повседневном общении и в этнически гомогенной образовательной среде.

[1] Kuhn M. H., McPartland T. S. An Empirical Investigation of Self-Attitudes // American Sociological Review. 1954. Volume 19, № 1. P. 68–76.

[2] Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений : учебное пособие. Санкт-Петербург : Издательство В. А. Михайлова, 1999. С. 130.

Результаты исследования и их обсуждение

Аналитический обзор проблемы формирования этнической идентичности в научных психолого-педагогических, этнологических и культурологических исследованиях позволяет выделить несколько подходов. Понятие «идентичность» первоначально формируется в психологии и рассматривается в качестве одной из черт личности. Э. Эриксон одним из первых предложил собственное понимание идентичности, подразумевая под этим «тождественность человека самому себе»[3]. По его мнению, обретение идентичности происходит «прежде всего через призму личного опыта взросления и становления взрослым человеком (личностью), помноженного на индивидуальный коэффициент и открытость интуитивному постижению знаний»[4].

Отечественный ученый Ю. В. Бромлей определил социальную сущность понятий «этнос», «этническое самосознание» и условия их формирования. Он писал: «За таким самосознанием, которое принято именовать этническим, стоят объективные, реально существующие свойства входящих в этносы людей»[5].

Другой российский исследователь Л. М. Дробижева в своих работах развивала проблематику гражданской, российской и этнической идентичности. Она обозначала идентичность в более широком понимании: «В нашем понимании российская идентичность включает не только государственный компонент – лояльность государству, но и гражданский – участие, готовность проявлять патриотизм не только на словах, но и в конкретных делах на благо страны» [Дробижева, Арутюнова, Евсеева, Кузнецов, Рыжова, Фадеев, Щеголькова, Эндрюшко, 2021, с. 107]. В более узком смысле ученый раскрывает содержание идентичности через понятие этнонационального самосознания. Его содержание связано с этническими стереотипами, представлениями о происхождении, языке, культуре: «Этничность мы понимали широко. Это не только этническая идентичность, этническое самосознание людей, но и реальное следование этим специфическим формам поведения, особенностям в видении и восприятии мира, в жизненных ориентациях»[6].

Ю. В. Попков в своем исследовании пишет о неразрывности развития этноса, этнических групп и индивида: «Возвращаясь к этнокультурному многообразию, следует сказать, что в качестве его субъектов целесообразно определять не только отдельных индивидов, но и этнические группы и этнические сообщества, поскольку только в рамках коллективного существования могут сохраняться материальные и духовные пласты этнической культуры — ценности, традиции, модели поведения, образ жизни» [Попков, 2021, с. 13].

[3] Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. 2-е издание / перевод с английского ; общее редактирование и предисловие А. В. Толстых. Москва : Флинта, 2006. С. 12.

[4] Там же.

[5] Этнография / под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. Москва : Высшая школа, 1982. С. 5.

[6] Рыжова С. В., Кузнецов И. М., Гузенкова Т. С., Коротеева В. В., Аклаев А. Р., Галкина Е. М., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. С., Аронова И. Ю., Елаева И. Э., Червонная С. М. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества : монография. Москва : ИЭИА, 1994. С. 9.

CC BY

Среди современных этнопсихологических концепций отметим стройную позицию Е. П. Белинской и Т. Г. Стефаненко, которые традиционно рассматривают этническую идентичность в тесной связи с этническим самосознанием. Ими через призму понимания этнического самосознания раскрывается сущность этнической идентичности: «... это, в первую очередь, результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов»[7].

Отечественные педагоги рассматривают этническую идентичность как одну из разновидностей идентичности социальной, которая отражает осознание индивидом своей принадлежности к определенной этнической группе. Г. Н. Волков отмечал, что только на основе собственного осознания себя частью народа человек учится понимать, уважать и ценить национальное достоинство другого человека любой национальности[8]. И. Л. Набок придерживается такой же позиции: «... чем более человек этнически "самодостаточен", т. е. этнически идентичен, тем более он толерантен по отношению к чужой этнической идентичности»[9]. Благодаря общению с чужой этнической группой происходит оценка значимости этнической принадлежности, ее роли в жизни и деятельности человека.

В работах К. И. Султанбаевой этническая идентичность рассматривается на примере различных этнических диаспор (хакасской, тувинской, немецкой и др.) через исследование этнокультурных традиций семей: «Этнокультурная семья в основном отличается не только языком общения, но и культурными традициями и обычаями, формирующими духовно-нравственные ценности и отношения в обществе» [Султанбаева, Горбунова, Дорофеева, Добря, Ефимова, 2022, с. 26][10]. Этничность устанавливается на основе ряда объективных критериев, среди которых этническая принадлежность родителей, место рождения, родной язык, связь с культурной традицией и семейными обычаями народа. Эти факторы обеспечивают устойчивость этнической идентичности и ее межпоколенную трансляцию. Данный факт отражает фундаментальную потребность каждого этноса в самоидентификации, выражающуюся в стремлении сохранять и передавать знания о своих корнях, семейной истории и предках [Султанбаева, 2023].

Ученые-тувиноведы изучают различные аспекты этнической идентичности, формы, способы и результаты деятельности, предопределяющие становление этнокультурной личности как представителя тувинского этноса [Донгак, Монгуш, 2021; Ламажаа, 2021; Анайбан, 2022; Ламажаа, Сувандии, Кужугет, Майны, 2022; Ламажаа, Сувании, Кужугет, Майны, 2023][11]. Ими также изучаются вопросы межкультурной коммуникации и влияния социума на личностное самоопределение, роль современного образовательного пространства в формировании национального характера, этнической идентичности. Анализ научных трудов показывает, что этническую идентичность указанные выше авторы понимают как результат эмоционально-когнитивного процесса осознания личностью этнической принадлежности, отождествление себя с представителями своего этноса и отделения от других этносов, а также глубоко личностно значимое переживание своей этнической принадлежности. Причем истинная этническая идентичность человека может не совпадать с официально отнесенной этнической принадлежностью.

Т. Г. Стефаненко выделяет два основных компонента этнической идентичности: «Когнитивный компонент включает этническую осведомленность (объективные знания и субъективные представления об этнических группах — своей и чужих, их истории и традициях, а также различиях между ними) и этническую самоидентификацию (использование этнических "ярлыков" — этнонимов). Эмоционально-оценочный компонент — это оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость для человека этого членства»[12].

Когнитивный компонент имеет рациональную природу. Для обозначения составных частей когнитивного компонента этнической идентичности Т. Г. Стефаненко выделяет в качестве основных следующие: этническое самоназвание и этническую осведомленность об истории, обычаях, особенностях культуры. Эмоционально-оценочный компонент связан с эмоциональными аспектами этнической идентичности, включает в себя чувства гордости, принадлежности, привязанности и даже предвзятости, которые могут возникать на основе этнической идентификации. Позитивные эмоции, связанные с этнической группой, могут укреплять самосознание и формировать устойчивую идентичность. Напротив, негативные эмоции, такие как стыд или вина, могут возникать в результате предвзятости или дискриминации, что может ослабить связь человека с его этнической группой[13].

Таким образом, этническая идентичность представляет собой комплексное явление, выражающее принадлежность индивида к конкретной этнической общности. Ее фундамент составляют общие культурные ценности, язык, традиции и исторический опыт, а сама она выступает значимым фактором самоопределения личности и формирует особенности восприятия человеком как себя, так и окружающих.

Респондентами нашего исследования выступали учащиеся четвертых классов школ № 11 и 12 г. Кызыла Республики Тыва в возрасте 10–11 лет в количестве 190 человек.

[7] Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка. Воронеж : Московский психолого-социальный институт, 2000. С. 59.

[8] Волков Г. Н. Педагогика национального спасения : избранные этнопедагогические сочинения. Элиста : Джангар. 2003. 437 с.

[9] Набок И. Л. Педагогика межнационального общения: проблемы формирования этнокультурной идентичности // Universum : Вестник Герценовского университета. 2010. № 3. С. 50.

[10] Султанбаева К. И. Опыт исследования этнокультурных традиций в современной тувинской семье // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2016. № 4. С. 25–30.

[11] Резников Е. Н., Товуу Н. О. Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. Москва : ПЕР СЭ, 2002. 223 с.; Маннай-оол М. Х. Тувинцы. Происхождение и формирование этноса / ответственный редактор В. Н. Тугужекова. Новосибирск : Наука. 2004. 164 с.; Монгуш М. В., Зайцева А. А., Бакшеев Е. С. Этническая культура : содержание и составляющие понятия // Культурологический журнал. 2014. № 2. С. 6.

[12] Стефаненко Т. Г. Компоненты этнической идентичности: когнитивный, аффективный, поведенческий // Мир психологии. 2004. № 3. С. 38.

[13] Там же. С. 38–43.

CC BY

На первый вопрос «Кем вы себя чувствуете в большей мере?» 147 детей (77,3%) ответили, что прежде всего себя считают тувинцами, 17 (9%) человек — русскими. 34 (17,9%) респондента отнесли себя к числу граждан мира, а 16 (8%) — россиянина. Среди комментариев выделим: «Я чувствую себя русским, так как я не совсем знаю тувинский», что является прямым объяснением причисления себя к другой нации. 26 (13,6%) ответов звучат так: «В определенной степени чувствую себя тувинцем».

При соотнесении ответов и их авторов нами выявлено, что те учащиеся, которые отвечали «Прежде всего я чувствую себя русским», на второе место ставили свою национальность: «В какой-то степени я тувинец». У тех же, кто в первой части выбирал вариант ответа «тувинец», во второй части выбрали ответ «русский». Ответы «ощущаю себя гражданином мира», «россиянином» набрали наименьшее количество: 16,8 и 25,7 процентов — соответственно. Совсем не чувствуют себя тувинцами 7,3, не относят себя к русской национальности 27,3 процентов учащихся. Содержание некоторых ответов: «совсем не чувствую себя русским, потому что у меня все родственники тувинцы и мне приходится говорить по тувинскому»[14], «все нации хороши, у всех разные традиции». Нужно отметить, что в настоящее время в школах города преобладает использование русского языка при повседневном общении, а где-то даже наблюдается полное отсутствие знания своего родного языка.

На вопрос «Обращаете ли вы внимание на национальность окружающих» получен ответ «Обычно не обращаю внимание на национальность окружающих» у 101 (53,1%) респондента. 24 (12,7%) учащихся обращают внимание на национальность окружающих, «если другие чем-то несимпатичны», «если есть конфликт», «если есть неуважительное отношение к себе». 65 (34,2%) опрошенных дали положительный ответ: «Обращаю внимание на национальность окружающих в любом случае», также присутствуют комментарии такие, как «обращаю внимание из интереса».

На вопрос о принадлежности к какой-либо национальности во взаимосвязи с языком, обычаями и традициями утвердительные ответы получены у 126 (66,3%) учащихся. При этом 56 (29,5%) ответивших указали принадлежность сразу к нескольким народам, а восемь (4,2%) дали отрицательные ответы, т. е. у них нет чувства принадлежности к какой-либо национальной группе.

Чтобы выявить содержательные характеристики идентичности личности и понять, как школьники спонтанно осмысляют свою идентичность, им предложен тест М. Куна и Т. Макпартленда. Ответы обучающихся затрагивали различные категории социального я: прямое обозначение половой принадлежности — я мальчик, я девочка; учебно-ролевая позиция «я ученик, школьник»; принадлежность к семейной роли — я дочь, сын, брат; через указание на родственные отношения (люблю своих родителей, родственников, у меня много родных). Категории «я тувинец», «Я из Тувы», «сын Тувы» — использовали в своих ответах 105 (55,2%) отвечавших, из них 50 процентов ответов находятся в ранге от одного до семи, остальные упоминания находятся в ранге от 10 до 20. Ответы ранжировались следующим образом: ранги с одного до семи свидетельствовали о высокой выраженности этнического я, 8–14 ранги — о средней выраженности; 15–20 ранг — о слабой выраженности этнического статуса для данного респондента.

Полученные результаты соотносимы с предыдущими (по методике З. В. Сикевич) и показывают идентичные варианты ответов, что свидетельствует о достоверности полученных данных. Обобщенный сравнительно-сопоставительный анализ результатов показал, что большинство младших подростков делает акцент на непосредственном социальном окружении (семья, друзья, школа) и индивидуальных личных характеристиках (увлечения, качества личности), тогда как этнические маркеры встречаются реже и имеют второстепенное значение.

Этническое самоопределение тувинских младших школьников пока не оформилось как устойчивый элемент самосознания и не стало предметом осознанного осмысления. Возможные причины — ограниченный жизненный опыт и недостаточная когнитивная зрелость для осмысления сложных категорий этничности; доминирование актуальных социальных ролей (ученик, друг, сын / дочь) над более абстрактными групповыми принадлежностями; слабая актуализация этнической темы в повседневном общении и в этнически гомогенной образовательной среде.

Выводы

Этническая идентичность представляет собой динамический процесс, складывающийся под влиянием множества социокультурных факторов. Результатом этого процесса становится осознание личностью своей принадлежности к этнической группе — оно дает возможность воспринимать собственную уникальность и выделять отличия от иных этнических сообществ.

Полученные эмпирические данные о степени выраженности этнического я у тувинских младших школьников показали, что этнические маркеры в самоидентификации детей уступают по значимости социокультурным категориям. Их этническая идентичность находится в стадии формирования, она еще не стала устойчивым компонентом я-концепции, но закладывается через повседневный опыт взаимодействия в семье и ближайшем окружении.

В целом мы видим положительную картину становления этнической идентичности у тувинских младших школьников в условиях городской среды: более 77 процентов детей в первую очередь идентифицируют себя как тувинцы; около 66 процентов ощущают свою принадлежность к определенной национальности со своим языком, обычаями и традициями. Вместе с тем выявлено противоречивое явление: высокая степень адекватной этнической идентификации у младших школьников сопровождается слабой связью с этническими традициями и родным языком, преобладанием русского языка в общении и недостаточным знанием тувинского языка. Следовательно, в перспективе необходимо проведение глубоких комплексных психолого-педагогических исследований в области формирования этнической идентичности и развития самосознания тувинских младших школьников.

[14] Сохранена орфография респондента.

CC BY

Список литературы

Анайбан З. В. Этническая и гражданская идентификация молодежи Тувы // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Л. М. Дробижевой (Казань, 28-29 апреля 2022 г.). Казань : Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2022. С. 11-14. EDN MHLAAQ

Донгак В. С. О., Монгуш Д. Ш. О. Тувинская этничность как объект исследования // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 146-172. DOI 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172. EDN QJOAXL

Дробижева Л. М., Арутюнова Е. М., Евсеева М. А., Кузнецов И. М., Рыжова С. В., Фадеев П. В., Щеголькова Е. Ю., Эндрюшко А. А. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. 288 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021. EDN AOEBHB

Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х. Тува: Родная земля. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2023. 340 с. EDN EXNPJR

Ламажаа Ч. К. О., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б. Тувинцы: родные люди. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. 344 с. EDN VXUTKJ

Ламажаа Ч. К. О. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация населения // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178-194. DOI 10.25178/nit.2021.3.14. EDN OJDGSM

Попков Ю. В. Традиционная культура и этнокультурное разнообразие в глобальной неустойчивости: концептуальные основы и практически-политические эффекты // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 8-19. DOI 10.15593/2224-9354/2021.2.1. EDN PPNCWH

Султанбаева К. И., Горбунова О. Ф., Дорофеева Т. А., Добря М. Я., Ефимова О. Е. Влияние систем семейного воспитания современных диаспор на социальное благополучие и образование детей (на примере Южно-Сибирского региона). Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2022. 160 с. EDN RIDEKF

Султанбаева К. И. Традиции воспитания в семьях диаспор, проживающих в Хакасии и Южно-Сибирском регионе: из опыта исследования // Этнос, язык, культура в коммуникативном пространстве: познание и преподавание : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 1-2 ноября 2023 г.). Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2023. С. 103-105. EDN HLBVZY

References

Anayban, Z. V. (2022). Ethnic and civil identificationof the youth of Tuva. *Positive experience in regulating ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation*: proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of L.M. Drobizheva (Kazan, April 28-29, 2022), 11-14. EDN: MHLAAQ

Dongak, V. S., Mongush, D. Sh. (2021). Tuvan ethnicity as an object of research. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS, 1*, 146-172. EDN: QJOAXL. https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172

Drobizheva, L. M., Arutyunova, E. M., Evseeva, M. A., Kuznetsov, I. M., Ryzhova, S. V., Fadeev, P. V., Shchegolkova, E. Yu., Andreushko, A. A. (2021). Substantial foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural contexts., 288. EDN: AOEBHB. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021

Lamazhaa, Ch. K., Suwandii, N. D., Kuzhuget, Sh. Y., Mainy, Sh. B., Sanchai, C. H. (2023). Tuva: Native land., 340. EDN: EXNPJR

Lamazhaa, Ch. K. O., Suvandii, N. D., Kuzhuget, Sh. Yu., Mainy, Sh. B. (2022). Tuvinians: native people., 344. EDN: VXUTKJ

Lamazhaa, Ch. K. O. (2021). Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and people's identity. *The new research of Tuva, 3*, 178-194. EDN: OJDGSM. https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14

Popkov, Yu.V. (2021). Traditional culture and ethnocultural diversity in global instability: Conceptual framework and practical-political effects. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences, 2*, 8-19. EDN: PPNCWH. https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.2.1

Sultanbaeva, K. I., Gorbunova, O. F., Dorofeeva, T. A., Dobrya, M. Ya., Efimova, O. E. (2022). The influence of family education systems of modern diasporas on the social well-being and education of children (on the example of the South Siberian region)., 160. EDN: RIDEKF

Sultanbaeva, K. I. (2023). Traditions of upbringing in diaspora families in Khakassia and the South Siberian region: The research experience. *Ethnicity, language, culture in the communicative space: cognition and teaching*: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Abakan, November 1-2, 2023), 103-105. EDN: HLBVZY

Информация об авторе

Сержин-оол Алдынай Анатольевна – аспирант, старший преподаватель,
Тувинский государственный университет,
г. Кызыл, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-3165-6673;
e-mail: hertek.90@mail.ru

Information about the author

Aldynai A. Sergin-ool – postgraduate student, senior lecturer,
Tuvan State University,
Kyzyl, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-3165-6673;
e-mail: hertek.90@mail.ru

Поступила в редакцию 27.04.2026
Принята к публикации 30.06.2026
Опубликована 08.07.2026

Received 27 April 2026
Accepted 30 June 2026
Published 8 July 2026

CC BY

Рецензия

Рецензия на: Чувашская книга до 1917 года : ретроспективный библиографический указатель / Национальная библиотека Чувашской Республики ; составители О. А. Ильина, Р. П. Петрова. 3-е издание, исправленное и дополненное. Чебоксары, 2025. 220 с.

https://doi.org/10.31483/r-169102
УДК [655.5(470.344)](049.32)

Фомин Э. В.
Чувашский государственный институт культуры и искусств
г. Чебоксары, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0001-6708-9909, e-mail: 20yeresen@yandex.ru

Для цитирования: Фомин Э. В. Рецензия на: Чувашская книга до 1917 года : ретроспективный библиографический указатель / Национальная библиотека Чувашской Республики ; составители О. А. Ильина, Р. П. Петрова. 3-е издание, исправленное и дополненное. Чебоксары, 2025. 220 с // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 3. С. 59-61. DOI 10.31483/r-169102. EDN RVIDDM

Critical Review

Review of: The Chuvash Book before 1917: A Retrospective Bibliographic Index / National Library of the Chuvash Republic ; compiled by O. A. Ilyina and R. P. Petrova. 3rd edition, revised and expanded. Cheboksary, 2025. 220 p

Eduard V. Fomin
Chuvash State Institute of Culture and Arts
Cheboksary, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0001-6708-9909, e-mail: 20yeresen@yandex.ru

For citation: Fomin E. V. (2026). Review of: The Chuvash Book before 1917: A Retrospective Bibliographic Index / National Library of the Chuvash Republic ; compiled by O. A. Ilyina and R. P. Petrova. 3rd edition, revised and expanded. Cheboksary, 2025. 220 p. *Ethnic Culture, 8*(3). 59-61. EDN: RVIDDM. https://doi.org/10.31483/r-169102

Издание библиографического указателя «Чувашская книга до 1917 года» является событием национального масштаба: книги дооктябрьской эпохи являются предметом гордости чувашского народа. По сути это не просто библиографический указатель, а ценный источник знаний в области чувашеведческих наук.

У данной книги непростая судьба. Первое ее издание состоялось в 1950 (1951) г.[1] на правах рукописи тиражом 300 экземпляров. В нее были включены сведения о 730 книгах чувашской тематики. Но указатель сразу же был уничтожен, поскольку Главлит в книге увидел пропаганду православной религии, запрещенной в советское время[2]. Сохранилось лишь несколько экземпляров указателя.

Второе издание состоялось в 2001 г.[3] В его основу уже было положено широкое толкование чувашской книги: ею признаются все книги, имеющие отношение к чувашскому народу хотя бы по одному из таких признаков, как язык, имя автора, место издания, содержание, и на этот раз библиографами было учтено 1224 чувашских книги. Отметим, что их подсчеты оказались ошибочными, поскольку под номером 582 проходит два документа, а после позиции 839 нумерация перескакивает на 849. Таким образом, в дооктябрьское время было издано 1216 чувашских книг.

Но очень скоро назрела необходимость в подготовке третьего издания библиографического указателя, поскольку в фондах Российской государственной библиотеки был найден целый пласт неучтенных региональной библиографией книг — 47 названий, которые по праву можно назвать чувашскими[4].

Казалось бы, репертуар чувашских книг дооктябрьской эпохи на этом оказался исчерпанным. Тем удивительней, что составителям третьего издания удалось установить еще добрую сотню названий, и таким образом количество чувашских книг дооктябрьской эпохи достигло 1392. Объективно же пласт книг, учтенных палатой, — 1395: под номером 1274 значится четыре книги, которые уточняются литерами.

Указатель построен на алфавитно-хронологическом принципе, что позволяет легко оценить объемы книгопроизводства по годам. Библиографические описания содержат максимум сведений о книгах, включая

[1] Чувашская книга до 1917 г. = Чăваш кĕнеки : библиография / Книжная палата Чувашской АССР ; составитель С. И. Данилов. Чебоксары, 1950. 95 с. 300 экземпляров.

[2] Фомин Э. В. Чувашская книга конца XVIII – начала XX веков. Чебоксары : Пегас, 2013. С. 92.

[3] Чувашская книга до 1917 года : ретроспективный библиографический указатель литературы. 2-е издание, дополненное. Чебоксары, 2001. 201 с.

[4] Фомин Э. В. Чувашская книга дооктябрьского периода : новые названия // Культура Поволжья: традиции и современность. Чебоксары, 2008. С. 79–84.

CC BY

их местонахождение, что очень важно для исследователей. Для удобства поиска конкретной книги список сопровождается именным указателем и указателем фондодержателей. В отдельный список выводятся книги, местонахождение которых неизвестно — их 118. Такой подход позволяет визуально оценить масштабы потерь и определить дальнейшую поисковую работу.

Вместе с тем представляется целесообразным внести ряд предложений, учет которых желателен в последующей библиографической практике.

Все предыдущие указатели, в отличие от последнего, сопровождались параллельным чувашским названием. Чувашский язык выступает важным символом этнического самосознания и государственности, поэтому подобные издания целесообразно сопровождать параллельным чувашским названием.

Необходимым также представляется очерк, на новом материале целостно характеризующий книжный процесс рубежа XIX–XX вв. и предваряющий указатель.

Безусловно, в справочник следовало бы включить рукописную книгу: Описание города Чебоксара под литерою «А» [Рукопись]. [Без места], [1793–1795]. 121 л. : 1 генеральная план (карта) ; 43×35 см. На форзаце надпись : «Заметка [так в оригинале]. Настоящая книга взята из архива г. Казани. В этой книге приложена генеральная карта (ген. план)». Место хранения : Чувашский национальный музей. Единица хранения РК-243. На данный момент, это единственная чувашская книга, которую можно назвать рукописной.

Особого разговора заслуживают иностранные издания. Их всего девять и сведения о них обязательно необходимо отразить в указателе:

Schott, G. De lingua Tschuwaschorum : dissertatio / scripsit Guilelmus Schott, professor Berolinensis, regiae scientiarum academiae socius. Berolini : Veith et Socii Sumptibus, [1841]. 32 p. Перевод заглавия : Язык чувашей.

Schott, W. La langue des Tschouwaches / W. Schott ; traduit du Latin par B.-B. Paris, 1876. 24 p. Перевод заглавия : Язык чувашей.

Wichmann, Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen / Yrjö Wichmann. Helsingfors : Finsk-ugriska sällskapet, 1903. XXVIII, 171 S. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; 21). Перевод заглавия : Чувашские заимствования в пермских языках.

Paasonen, H. Csuvas szójegyzék / Heikki Paasonen. Nyelvtudományi Közlemények 37, 38. Budapest : Magyar Tudományos Akadémia Kiadása, 1908. VII, 244 oldal. Перевод заглавия : Чувашский словарь.

Mészáros, G. A csuvas ősvallás emlékei czímű nagyobb tanulmányom bevezető része / gyűjtte és feldolgozta Mészáros Gyula. Budapest : [Franklin-Társulat Nyomdája], 1909. IV, 112 oldal ; 24 cm. Перевод заглавия : Вводная часть моего обширного исследования, озаглавленного «Памятники древней чувашской религии».

Mészáros, G. Csuvas népköltési gyűjtemény: A csuvas ősvallás emlékei / Gyula Mészáros. Budapest : Magyar Tudományos Akadémia, 1909. Füzet 1. VIII, 471 oldal. Перевод заглавия : Сборник чувашского фольклора: Памятники старочувашской веры.

Mészáros, G. Csuvas népköltési gyűjtemény: közmondások, találósmondások, dalok, mesék / Gyula Mészáros. Budapest : Magyar Tudományos Akadémia, 1912. Füzet 2. 538 oldal. Перевод заглавия : Сборник чувашского фольклора: Пословицы, загадки, песни, сказки.

Paasonen, H. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen / Heikki Paasonen. Helsinki, 1897. 64 S. (Journal de la Société Finno-Ougrienne ; Band 15, Heft 2). Перевод заглавия : Тюркские заимствования в мордовском языке.

Paasonen, H. Csuvas szójegyzék / Heikki Paasonen. Budapest, 1907–1908. VII, 244 oldal. (Nyelvtudományi Közlemények ; Kötet 37, Kötet 38). Перевод заглавия : Чувашский словарь.

Впрочем, последнее предложение позволяет инициировать новый проект — составление указателя чувашской экстерриториальной книги.

Чувашская экстериорика — сложное явление. Она представлена несколькими разновидностями (ближней российской и дальней зарубежной), множеством национальных разделов (венгерским, финским, немецким, турецким и др.), разными видами документов (монографиями, художественной литературой, статьями). Более того, дальняя экстериорика делится на общечувашскую и индивидуальную, связанную с именем Г. Айги. Согласно подсчетам, каждая из них содержит не менее 120 названий (см.: Иванова, Фомин, 2021).

Другой важный момент, на который хотелось бы обратить внимание. В указателе зафиксирована книга татарского писателя без указания имени автора: Башири, З. Чувашлар / Зариф Башири. Оренбург : Электропаровая литотипография товарищества «Каримов, Хусаинов и К°», 1909 (обложка 1911). 40 с. Перевод заглавия : Чуваши. На татарском языке (о жизни и творчестве З. Башири см., например: Тябина, 2023).

Данная книга включена в раздел изданий, местонахождение которых неизвестно. Однако, согласно нашим данным, она хранится в фондах научной библиотеки Казанского федерального университета.

Отметим также, что незамеченной специалистами осталась другая книга того же писателя: Чуаш кызы Әнисә. Казан : Бөрадәран Кәримовлар, 1910. 79 б. Перевод заглавия : Чувашская девушка Аниса.

Часть книг в справочнике не содержит указания на фондодержателей, которые были установлены уже после издания второго указателя. Так, книги «Церковные молитвы и исповедь на чувашском языке» (Москва, 1809), «Сокращенный букварь для чуваш с присоединением русской азбуки» (Симбирск, 1908) хранятся в Российской государственной библиотеке, книга «Поучения к прихожанам священника Симбирской губернии и уезда села Средних Тимерсян Луки Нечаева» (Симбирск, 1880) — в фондах Государственного архива Ульяновской области.

В указателе отсутствуют сведения о книге, известной в виде копии: Пичиксе катихизис, иугярна чуваш зам вали чуваш чильгибе, чиберь биляс жин тюрк вырыс закон не и Тора килли юла на да. Хозанды школка замъ ра 1803 сиол да, аг'а оих ра = Сокращенный катихизис.

CC BY

Переведенный в пользу чуваш на чувашский язык, для удобнейшаго им уразумения Православного христианского закона с присовокуплением некоторых молитв, символа веры и десятисловия. Москва : Синодальная типография, 1807. 52 л. На чувашском и русском языках. 1200 экземпляров.

Во втором издании данная книга сопровождалась указанием, что она представлена в личной библиотеке профессора Н. П. Петрова.

Сожаление вызывает факт, что указатель издан всего лишь тиражом 50 экземпляров. Вполне вероятно, что у издателей не было других возможностей. К прочему в современных условиях принято считать, что малые тиражи компенсируются наличием электронных версий книг. Тем не менее общенациональное значение указателя явно требует большего тиража.

Итак, историческая библиография на данный момент суммарно установила 1407 названий чувашских книг, датируемых дооктябрьским периодом. Без преувеличения, это результат масштабного труда специалистов по выявлению, научному описанию и систематизации изданий прошлого. Многих похвал заслуживают составители третьего издания О. А. Ильина и Р. П. Петрова и авторы предыдущих выпусков Ф. Уяр, С. И. Данилов, Р. Н. Григорьева, Р. В. Степанова, Е. Ф. Арланова, С. В. Налимова, Р. И. Константинова. Во многом благодаря их трудам становится возможным объективный научный анализ истории чувашской письменной культуры.

Список литературы

Иванова А. М., Фомин Э. В. Иностранный пласт чувашской книги // Этническая культура. 2020. № 4 (5). С. 28-32. DOI 10.31483/r-97410. EDN VVRJXJ

Тябина Л. И. Отражение межкультурного диалога татарского и чувашского народов в экспозиции Литературного музея Габдуллы Тукая // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты. 2023. № 18. С. 92-100. EDN ZAXAIJ

References

Ivanova, A. M., Fomin, E. V. (2020). Foreign layer of the Chuvash book. *Ethnic culture, 4(5)*, 28-32. EDN: VVRJXJ. https://doi.org/10.31483/r-97410

Tyabina, L. I. (2023). Reflection of the intercultural dialogue between the Tatar and Chuvash peoples in the exhibition of the Gabdulla Tukay Literary Museum. *Chuvash National Museum: People, events, facts, 18*, 92-100. EDN: ZAXAIJ

Информация об авторе

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент,
Чувашский государственный институт культуры и искусств,
г. Чебоксары, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6708-9909;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Information about the author

Eduard V. Fomin – Cand. Sci. (Philol.), associate professor,
Chuvash State Institute of Culture and Arts,
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6708-9909;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.08.2026
Принята к публикации 07.09.2026
Опубликована 15.09.2026

Received 5 August 2026
Accepted 7 September 2026
Published 15 September 2026

CC BY